

Марк Салимов

ТОВАРИЩ МАРКЕТОЛОХ

Написанный в поджанре альтернативной истории научно-фантастический, несмотря на некоторую лёгкость изложения, роман магистра маркетинга о похождениях четверых молодых специалистов, подготовленных для особой миссии в СССР эпохи тотального дефицита и запертых в голове деревенского комсомольца.

Непередаваемая атмосфера золотого застоя семидесятых годов, обычные и не очень обычные советские люди, а также их простые человеческие потребности, через призму критического осмысления которых автор воссоздаёт дух того во многих отношениях замечательнейшего времени.

Теоретические основы поведенчества для практикующего маркетолога

Пролог, в котором два нижестоящих начальника отчитываются перед одним вышестоящим

В относительно небольшом для такого большого человека кабинете с высоким потолком помимо его всерьёз углубившегося в чтение хозяина как-то напряжённо сидели ещё двое, ни то приглашённых почесать языки гостей, ни то вызванных на ковёр его подчинённых.

Однако, прежде чем приступить к живописному описанию психологических портретов присутствующих на встрече персонажей, будет уместно пояснить, что большим хозяин кабинета был не столько по своим размерам, сколько по занимаемой им должности.

Вообще говоря, у большого человека на самом деле было несколько различных кабинетов различного размера и, соответственно, предназначенных для различных целей, но этот он по выходным дням предпочитал всем остальным, как навевающего особую творческую атмосферу, которую большой человек в своей непростой работе ценил превыше всего.

— В любви к важной государственной работе размер кабинета не имеет значения! — любил повторять он назначаемым им на ответственные посты холённым чиновникам при любом недовольстве размерами их кабинетов, после чего те, как правило, не успевали отработать даже негласно положенный им в таких случаях двенадцатилетний испытательный срок.

Нет, можно было бы ещё долго рассказывать про этого большого человека, его кабинет, привычки или даже про его любимую собаку, но у нас и без того осталось слишком мало печатного места. И, вообще, с бумагой, пусть даже и электронной, в стране напряжёнка, а нам надо сказать несколько обещанных слов и о присутствующих здесь, м-м-м, других.

Тем не менее, за неимением места и вслед за великим Пьером Ферма, также не нашедшем места для изложения собственного варианта доказательства своей же великой теоремы, других присутствующих придётся всё-таки описать как-нибудь другим и в другой раз, ага.

Впрочем, людям, пережившим эпоху тотального дефицита, к таким тяготам не привыкать, а потому, только для вас и только по паре слов в одни уши шепнём, что один из них был в иссиня-чёрной форме с погонами, а второй был здоровенным очкастым сибиряком...

Тем временем, хозяин кабинета наконец-то оторвался от чтения и отложил в сторону очки в обманчиво простой титановой оправе, которые на людях он почти никогда не носил. Посидел некоторое время, откинувшись на спинку кожаного кресла и отвернув голову в сторону огромного окна. И только затем уже поощрительно кивнул гражданскому.

— Вам, э-э-э, господин президент, разумеется, прекрасно известно, — неуверенно начал издали сибирский здоровяк, — Что существуют такие обычные для человека состояния сознания, как бодрствование, пассивный отдых, сон, активная мобилизация организма в интеллектуальной, эмоциональной или даже физической сфере...

— Вениамин Михайлович, — мягко перебил его хозяин кабинета, в самом деле оказавшийся президентом огромной страны, — Вы, главное, не волнуйтесь! И вот ещё что... Вам какое пиво больше нравится? Светлое? Тёмное? У меня, кстати, есть отличный «Ротенбергер». Да не смотрите вы так жалобно на своего шефа, сегодня ведь официально

выходной день! А мне, правда, сегодня ещё работать и работать, но не поддержать мужскую компанию в таком деле?! Да меня просто самого поддерживать перестанут! Шучу, конечно же, однако, давайте-ка лучше для этого перейдём в более подходящее помещение...

— И, Вениамин Михайлович, — продолжил президент, когда вся троица уже разместилась на новом месте, — Обращайтесь ко мне так, как вам удобнее, а господин там или товарищ мне, честно скажу, вообще без разницы, только что горшком ради бога не обзывайте и в печку не сажайте! И да, по поводу печки, горячих баварских колбасок или свиную рульку я вам сегодня по понятным причинам не предложу, но есть брецели[i]. Не пробовали?

— Так вот, — увереннее заговорил крепыш, ослабляя узел галстука и одновременно с этим отхлёбывая из особо выделенной для него огромной кружки изрядный поток настоящего немецкого лагера. — Если сон и бодрствование закреплены эволюционно, то есть и такое довольно специфическое состояние как гипноз, являющееся своеобразным резервным видом психической активности изменённого человеческого сознания...

— Ну, Вениамин Михайлович, — добродушно усмехнулся президент, дую на шапку пивной пены и с удовлетворением наблюдая за её упругим сопротивлением, — Что такое гипноз, я, уж поверьте мне на слово, хотя бы и в общих чертах, но примерно представляю. По долгу службы в своё время, знаете ли, изучать приходилось. Так что, ближе к сути, Вениамин Михайлович! Товарищи, не стесняйтесь, сегодня к пиву отличные брецели!

— Да-да, — заторопился гигант, — Тогда, товарищ президент, вы, наверняка знаете, что под гипнозом человеку можно внушить, к примеру, что он обладает феноменальной памятью, талантами к изучению иностранных языков, математики, искусств. Гипнотерапевт может напрямую внедрить в сознание целевые установки, минуя любые природные блокировки и ограничения, искусственно наведённые там всем нашим человеческим опытом. То есть, товарищ президент, гипноз извлекает скрытые резервные возможности человека.

— Так уж и любые? — недоверчиво сощурился президент, как всегда выхватывая основную суть из прочей разговорной шелухи, — Ну, вы сказали, любые блокировки и ограничения?

— Нет, товарищ президент, — возмущённо вскинулся шкафоподобный профессор, — Если я сейчас пойду у вас на поводу и сразу перейду к главному, вы мне в лучшем случае просто не поверите, а про худший вариант я д-д-даже и думать н-н-не хочу!

— Ох уж мне эти учёные! — обречённо вздохнул президент, кивая тому, что был в форме, на сибиряка и уже вновь разворачиваясь к последнему, — Ну хорошо, товарищ профессор, бухтите нам и дальше, как космические корабли бороздят просторы Большого театра!

— Спасибо, товарищ президент! — с некоторым вызовом буркнул Вениамин Михайлович, гордо выперев подбородок, но тут же смущённо потупился, наткнувшись на насмешливо выжидающий взгляд человека, поедающего излишне гоношистых докладчиков на завтрак, обед и ужин. — В своё время, товарищ президент, известный советский гипнолог Райков исследовал иницирующую роль внушенного образа гениальной личности, который, как оказалось, не только снимает внутренние барьеры сознания, ограничивающие творческие возможности, но и перестраивает всю его мотивационную структуру.

— Поясните, пожалуйста, Вениамин Михайлович, — попросил его внимательно слушающий руководитель страны, — В профессиональном управленческом плане про

мотивационную структуру личностного сознания становится необычайно интересно даже для меня!

— Да, конечно же, товарищ президент! Понимаете, внушение активного образа в гипнозе влечёт за собой мощнейшую активизацию множества творческих процессов, в том числе и вербальных, а изменение представлений о своей личности приводит к актуализации иной стратегии мышления, к другому набору приемлемых и неприемлемых решений, к другой системе рассуждений и, наконец, к другой картине мира, товарищ президент!

— И-и-и, — медленно протянул хозяин кабинета, — Таким образом, вам удалось объединить то, что считалось ранее необъединимым, впихнуть, так сказать, невпихуемое, что ли?

— Да! — восторженно закричал собеседник, не обращая особого внимания на укоризненно качающего головой человека в форме и опрокидывая остаток пива из своей кружки, — Да, товарищ президент, вопреки всем традиционным представлениям в Сибирском военно-научном городке объединили даже не две, а три технологии! А если учесть и те открытия, которые первоначально были сделаны исключительно только ради фиксации ментальных излучений и полей, то там вообще пахнет созданием новой фундаментальной науки!

— Скромнее, скромнее, товарищ учёный консультант! — совершенно справедливо осадил президент слегка увлечёвшегося учёного, — Вы всё-таки помимо прочего, между прочим, ха, каламбур, ещё и служивый человек! Я хочу сказать, что не надо, пожалуйста, забывать и о режиме секретности. Какая форма допуска у нашего уважаемого учёного консультанта?

— Первая, тащ президент! — с готовностью отозвался доселе молчавший человек в форме, на погонах которой качнулись вперёд и сверкнули позолотой по три большущие звезды.

— Вот видите, — назидательно поднял палец президент, — А теперь будет, вообще, высшая! Ну а по поводу нобелевских премий, я так думаю, как раз, даже не стоит беспокоиться. Их престиж сегодня, уважаемый Вениамин Михайлович, как вы и сами знаете, находится где-то чуть ниже плинтуса, а материальную часть... Сколько там по курсу нобелевская?

— Около восьмидесяти пяти миллионов рублей, товарищ президент! — вновь с готовностью качнулись, сверкая позолотой, погоны генерал-полковника, — На середину 2020 года.

— Не вопрос, уважаемый наш Вениамин Михайлович! Вам размер этой премии мы точно компенсируем, а на остальных можете уже подготовить соответствующие вклады каждого представления. Ну и путёвки в наши лучшие ведомственные санатории, разумеется. Сами понимаете, все участники этих сверхсекретных исследований отныне и вплоть до особого распоряжения становятся абсолютно невыездными. Абсолютно, вы меня поняли? Так, ну а что там у вас с пивом, мужики? Давайте-давайте, подставляйте свои кружки! Вениамин Михайлович, вы можете продолжать ваши пояснения. Бумага, конечно же, всё стерпит, но ценности живого доклада пока ещё никто не отменял!

— Есть продолжать, товарищ президент! — откликнулся воодушевлённый пошавшимися на него плюшками учёный консультант, — Как я уже отмечал, были интегрированы три технологии, включая методы активизации творческих возможностей Тихомирова-Райкова, метод синхронизации полушарий головного мозга Роберта Монро и

трансперсональную психологию Маслоу-Гроф. Говоря кратко, используя все эти технологии одновременно, членам спецгруппы внушили, что синтез их коллективного сознания и его темпоральные перемещение в реципиента, находящегося в заданной пространственно-временной точке, являются хотя и страшно секретной, но вполне отработанной рутинной технологией. Ну а дальнейшее вам уже известно, товарищ президент.

— А как же, Вениамин Михайлович, вся эта ваша жуткая горизонтальная интеграция, весь этот ваш демонический синтез технологий, весь этот inferнальный коктейль соотносится с позициями современной официальной науки? — искренне удивился президент.

— Трудно сказать вот так сразу однозначно и определённо, товарищ президент, — устало потёр лоб профессор, — К примеру, в отношении активизации творческих способностей те же американцы нечто подобное тоже делали. Правда, не помню, раньше нас или позже. Кстати говоря, работы Роберта Монро в части бинауральной технологии Хемисинк даже были запатентованы, но чёткого официального признания до сих пор так и не получили. А вот технология регрессивного внушения, которое также является эффективным методом погружения в ресурсное состояние, академическая наука почти не признаёт, что, впрочем, ничуть не мешает многим психотерапевтам использовать его для коррекции психических состояний пациентов или на тренингах по личностному росту в основном эзотерической, преимущественно реинкарнационной, направленности. Ну а как наука относится сегодня к такому понятию как «реинкарнация», вам, товарищ президент, известно и без меня.

— Реинкарнация? — недоумённо переспросил президент и неожиданно расхохотался, — Бога ради, Вениамин Михайлович, простите, но, честное слово, я не хотел вас обидеть! Однако, как мне кажется, это понятие скорее эзотерическое, чем академическое, нет?

— Не скажите, товарищ президент, не скажите! — разгорячился уязвлённый в своих лучших чувствах профессор, — Вы же, я уверен, помните из курса философии, что только практика может быть критерием истины, а не досужие рассуждения замшелых теоретиков! А между тем, неоднократно подтверждены возможности гипнотического внушения постепенного перехода возрастных периодов в направлении регрессии и прогрессии до существующих пределов физического возраста и даже за его пределы. Людям внушались фантастические возрастные периоды за сто и тысячу лет до рождения и через сто, тысячу и даже миллион лет после рождения конкретного участника эксперимента...

— И что, — недоверчиво прервал увлечёвшегося учёного президент, — Вы хотите сказать, что такие действительно фантастические возможности подтверждены именно объективно?

— Судите сами, товарищ президент, но ведь гипнотическое внушение контролировалось электроэнцефалограммами с дальнейшей их компьютерной обработкой. Вот только что не понятно до сих пор, так это то, что электрическая активность мозга фиксировалась даже за пределами любого возможного физического возраста!

— Ну хорошо, Вениамин Михайлович, — шутливо поднял руки президент, — Объективно вы меня, будем считать, убедили! И тогда совершенно логично следует другой вопрос, скорее даже чисто человеческое любопытство: а сами-то испытуемые, если их можно так назвать, как оценивают реальность этих переживаний? Они, вообще, что-то помнят?

— Здесь, товарищ президент, — облегчённо вздохнул профессор, — Я могу доложить

вам с чистой совестью, поскольку и сам не раз участвовал в таких исследованиях именно как испытуемый. Состояние человека, которому внушают регрессию, всегда характеризуется осознанностью своих переживаний и способностью хорошо их запоминать. Если глубина погружения достаточна, то события из прошлого переживаются с такой достоверностью и силой, что сомнений в их подлинной реальности просто не остаётся, товарищ президент!

— Гвозди бы делать из этих людей, — пробурчал президент, вновь отвернувшись к окну, — Я всегда поражался самоотверженности тех, кто ради истины шёл на костёр или заражал себя смертельно опасными болезнями. Тот же наш Илья Мечников сифилис себе привил, чтобы доказать эффективность своей мази, представляете? А паразитолог Фёдор Талызин проглотил пару личинок бычьего цепня. Наши медики тоже, вот, недавно меня поразили, испытав новую вакцину против нового вируса сначала на себе. А теперь ещё и вы тут мне рискуете если и не жизнью, то рассудком! Вы так уверены в себе или как ребёнок просто знаете, что с вами никогда не может случиться ничего плохого?

— Разумеется, нет, товарищ президент! Все мы, как говорится, под Богом ходим, однако, в любом из нас, без исключения, сидит такой творческий гений, который знает, как сделать всё, что вы по-настоящему захотите. Как решить трудную задачу, как достигнуть далёкой цели и как исполнить самую заветную мечту. Если вы действительно чего-то хотите, то значит, вы подсознательно уже знаете, как это можно достичь!

— Эх, товарищ профессор, — с искренней горечью в голосе произнёс президент, — Честное слово, жаль, что вас сейчас не слышат некоторые наши, с позволения сказать, уже бывшие руководители! Кадры и в самом деле решаю всё, а посмотреть списки их назначений...

Хозяин кабинета вскочил со своего места, едва не опрокинув почти не тронутую кружку с пивом, и подошёл к окну, устремив взгляд своих загадочного цвета глаз куда-то за зубцы древней кремлёвской стены. Постоял так, слегка покачиваясь с пятки на носок, и вернулся на своё место с привычной для всех стальной решимостью на его невыразительном лице.

— Итак, товарищи офицеры, — заговорил он, хватая быка за рога, — Насколько я понял из текста вашего доклада, проект 630 переходит в свою заключительную фазу, что означает, в свою очередь и прежде всего, полную готовность членов нашей группы специального назначения в плане их фактографической подготовки, не так ли?

Вновь утративший свою решительность профессор переглянулся с генерал-полковником, что не ускользнуло от внимания большого человека и совершенно тому не понравилось.

— Мне надо повторить вопрос? — надавил президент, — Какова степень готовности членов группы специального назначения? Или я неправильно понял и, не побоюсь этого слова, судьбоносный для сохранения отечественной государственности разговор президента с членами группы в ближайшее время так и не состоится? Я вас внимательно слушаю, господа! Мы не на флоте, нам не «варяг» спасать», а целую страну, а потому начнём со старшего по званию. Прошу вас, господин начальник научно-технической службы!

От столь резковатой, хотя и на интуитивном уровне вполне даже ожидаемой, смены более традиционного в силовых структурах обращения оба приглашённых или, скорее, всё-таки вызванных лица, если можно так вообще выразиться, изменились в лице. А может быть в таких случаях лучше сказать, что они просто слегка взблещли.

— Нет, господин президент, то есть, да! — несколько запутано стал оправдываться генерал-полковник, который и впрямь оказался начальником научно-технической службы

СФБ[ii], и который тоже был вынужден сменить форму обращения. — В том смысле, что программа подготовки членов группы специального назначения завершена в надлежащем качестве и должном объёме, о чём я вам уже неоднократно докладывал. Однако, господин президент, нам с подполковником Тарасовым, как патриотам своей страны, по-прежнему непонятно, почему вы исключили из программы подготовки вопросы научно-технического развития СССР, и в особенности, в сфере укрепления его обороноспособности? И почему всё-таки именно безнадежно отставший от Запада СССР, а не, скажем, Российская Федерация в её золотой период начала двадцать первого века с вашим параллельным двойником во главе?

Вскочивший было по привычке генерал снова присел на краешек гостевого кресла и замер на нём, упрямо набычившись своим поистине сократовским лбом в ожидании не на шутку волнующего их с профессором ответа.

В противовес граничащему с явным мальчишеством поведению расстроенного оппонента, хозяин кабинета в который уже раз за сегодняшний вечер откинулся на спинку кресла и, вновь насмешливо задрал свой подбородок, уставился на генерала смеющимися глазами.

— Ну хорошо, — неожиданно сменил гнев на милость президент, — Считайте, товарищи, что я оценил вашу гражданскую смелость, а потому именно сегодня и наконец разьясню свою собственную позицию по данному поводу. Как говаривал Штирлиц, запоминается крайняя фраза, и отвечать вам я начну тоже с крайнего вашего вопроса. Почему СССР? Да потому что только Советский Союз с его централизованной экономикой и директивной системой управления способен решить ту сверхзадачу, которую мы собираемся на него возложить!

Президент привстал и, слегка поразмяв плечи, снова уселся, устраиваясь поудобнее будто для долгого разговора. Решительно подвинул кружку, сделал всего лишь второй за вечер глоток и поморщился, ощутив, насколько недопустимо успело прогреться любимое пиво.

— Возложить, понятно, на обоюдовыгодных, хотя и несколько асимметричных, началах. Как учёным, вам лучше меня известно, что будущее неподвластно нам ни физически, ни метафизически даже в альтернативных параллельных мирах. Однако, с другой стороны, мы можем информационно взаимодействовать с прошлым или настоящим этих миров, а также всеми их бифуркационными ответвлениями. А посему единственной возможностью для плодотворного сотрудничества с единственно известным нам параллельным миром является осуществление точечных или, если хотите Азимова, минимально необходимых, информационных воздействий на доступное нам его недалёкое прошлое с последующим анализом изменений в настоящем. Я правильно понял суть вашей концепции, товарищи?

— По крайней мере, товарищ президент, пока мы не видим противоречий! — осторожно подтвердил профессор, переглянувшись со своим непосредственным руководителем.

— Прекрасно! — с ироничным удовлетворением кивнул президент, — У нас в распоряжении имеется ограниченный исторический период продолжительностью чуть менее полувека, из которого сразу же убираем ближайшие к сегодняшнему моменту пять — десять лет, как не имеющие особой ценности из-за их краткосрочности. Что серьёзного можно успеть открыть, исследовать или разработать за такой короткий срок? В современной России — практически ничего, кроме той же вакцины против коварного вируса. А все более-

менее серьёзные научные разработки и технологические прорывы всегда опираются на не менее серьёзную научно-техническую и производственно-технологическую базу, которой у нас до сих пор просто нет! Только не надо так возмущённо вскидываться, товарищи учёные! Где обещанные ещё на заре жёваной перестройки импортозамещающие технологии? Где независимость от нефтегазовой иглы? Или я задаю совсем неприличные вопросы? Ладно, вопросы были и впрямь риторические. Продолжим же кромсать безжалостным резаком цензуры киноленту нашей истории. По понятным причинам, вырезаем также перестройку и весёлые девяностые. И что же у нас остаётся, как говорится, в сухом остатке? А остаётся у нас, как раз, либо начало доступного нам периода, то есть примерно середина не менее весёлых семидесятых, либо столь желанная вами пора начала нулевых. Что же выбрать, что же выбрать? Нулевые, вы говорите? Да, согласен, интересная была пора! И, главное, созидательная. Непосредственно перед началом мирового кризиса мы по темпам роста нашей экономики опережали многие развитые страны, помните? Но! Грянул кризис, из которого мир не может толком выбраться до сих пор. Ну казалось бы, что нам ипотека в США? Ан нет, пострадал доллар, упал спрос на нефть, которая опять же покупалась на эти доллары. Упал спрос на нефть и в полном согласии с основным законом экономики рухнули и цены на эту нефть. А коль рухнула нефть... Впрочем, кому я объясняю?

Взволнованный президент снова схватил свою кружку и, уже не обращая внимания на потерявшие от повышенной температуры органолептические свойства гордости немецких пивоваров, прикончил содержимое керамического сосуда завершающим третьим глотком.

— И, наконец, секретность, товарищи офицеры, режим секретности, который сегодня стало соблюдать не просто трудно, а, как сказал бы один руководитель советского государства, архитрудно. Сегодня нам приходится работать в таких условиях, когда телекоммуникации и различного рода средства межличностного взаимодействия на их основе, к примеру, те же социальные сети, множатся и развиваются темпами, намного опережающими развитие наших специальных технических средств для их контроля. Однако, самым слабым звеном являются люди. Наши люди, которые вместе со своим социалистическим раем, как многие называют сегодня те времена, потеряли и некоторые так и не восполненные им ценности. А ведь взамен-то мы им ничего так и не дали! Даже понятие Родины большинство наших людей сегодня практически не воспринимают. Называть Родиной кусок земли под собой, который является не общенародной ценностью, а собственностью местного олигарха Васи Пупкина? Даже не смешно! Вениамин Михайлович, вы хотите что-то сказать?

— Да, товарищ президент, я хотел бы вам возразить, напомнив результаты прошлогодних исследований института социологии РАН. Там ведь прослеживается хорошо выраженная позитивная патриотическая тенденция в настроениях россиян...

— Оставьте, товарищ профессор! Когда почти каждый третий считает нормальным отъезд на ПМЖ в другую страну, четверть считают это допустимым, а пятая часть не лезет в эти дела? Ну, нет уж, только Советский Союз с его гэбистской паранойей, с одной стороны, и с подлинным всеобщим патриотизмом, с другой стороны сможет обеспечить нужную нам секретность. Некоторая вероятность утечки передаваемой информации будет оставаться и там, но именно по этой причине мы не станем передавать научно-технические сведения, а тем более, военного характера. Учитывая тот уровень производственно-технологического превосходства западных стран, такая утечка будет для Советского Союза смерти подобна. Я ответил на ваши вопросы? Тогда, за работу, товарищи учёные, за работу!

[i] Брэцель — солёный или сладкий крендель диаметром около 10–15 см в форме скрещённых рук, широко распространённый в южной Германии.

[ii] Здесь и далее СФБ — Служба федеральной безопасности в параллельной для нас России.

Отступление, в котором один нижестоящий начальник отчитывается перед одним вышестоящим

Начальнику научно-технической службы в
Службе федеральной безопасности России
генерал-полковнику Метизову А.А.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что по состоянию на пятницу 04 сентября 2020 г. членами инициативной научно группы проекта внетелесных темпоральных перемещений окончательно сформулированы и согласованы основные цели и задачи данного проекта, а также осуществлено его формально-детальное планирование с определением контрольных точек отдельных этапов работ и их взаимной увязки.

Целью проекта в его финальной редакции является темпоральный перенос коллективного сознания особым образом сформированной группы для выполнения специальной миссии, раскрываемой действующим Президентом страны членам группы после гарантированного перемещения их коллективного сознания в заданную точку пространства-времени.

Финальная редакция основных задач, которые необходимо выполнить для достижения цели в финальной редакции, помимо отбора специальной группы, её обучения и взаимной резонансной подстройки с последующим темпоральным перемещением её коллективного сознания, теперь включает в себя и решение вопроса о её дальнейшей судьбе.

Полный вариант формально-детализированного текста финальной редакции прилагаются.

Управлением регистрации и архивных фондов проекту присвоен номер 630 и для удобства переписки, обсуждений и совещаний проект внетелесных темпоральных перемещений в дальнейшем предлагается именовать «Проект 630», если иное не будет оговорено.

В этих же целях, группу лиц, используемых для создания и последующего темпорального перемещения их коллективного сознания, предлагается в дальнейшем именовать просто как «Группа специального назначения проекта 630», если иное не будет оговорено.

Старший учёный консультант и куратор проекта 630, доктор социологических наук, профессор, подполковник Тарасов В.М. — (подпись неразборчива) 04 сентября 2020 года

Глава первая, которая знакомит с одним из главных героев, привыкшим удовлетворять

— Как и многие другие специалисты в нашей стране и за ее пределами, я глубоко убежден в том, что своевременное развитие средств вычислительной техники и соответствующих им возможностей по передаче, хранению и обработке данных помогло бы нам избежать дефицита большей части товаров народного потребления в СССР!

Поминая всеу «других специалистов», нашему профессору, пожалуй, стоило бы добавить эпитет «видные» и хорошенько выпятить при этом свой пивной животик, дабы наиболее убедительно причислить к сонму видных специалистов постсоветского пространства в области экономических наук и свой во всех смыслах выдающийся организм.

Они ить Цусиму просрала, как радостно констатировала в комедии перестроечной эпохи одна из героинь Лии Ахеджаковой[i], так что нефиг тут после драки кулаками махать — это ведь уже больше на какое-то подмахивание смахивает. Короче, Валериан Валерианович, расслабьтесь и получайте удовольствие от процесса становления рыночной экономики.

Кстати говоря, эта идиотская присказка по поводу становления нашей многострадальной экономики на пресловутые рыночные рельсы меня уже до печенок достала, ибо корячимся мы на этих рельсах вот уже более тридцати лет, если верить многочисленным учебникам по экономическим дисциплинам и еще более многочисленным научным публикациям.

Возникает стойкое ощущение, что становимся мы на эти рельсы либо поперек движения, как на своеобразную гильотину, либо, простите мой французский, раком, что дает туеву хучу поводов для забугорных советов. Помните бородатую, как Кончита Вурст, загадку, почему нельзя трахаться у всех на виду? Ответ очевиден — советами, ясен пень, затрахают!

Так что, разлюбезный Валерий Валерианыч, вот вам еще одна уважительная причина для того, чтобы наконец-то как следует расслабиться и получать пассивное удовольствие на все Ваши более чем полвека лет с гаком. Тем более, что время вроде как уже к обеду, а мы тут с вами, профессор, как говорится, еще и ни в одном глазу.

К тому же, по-моему, вы, профессор, от голода уже явственно заговариваться стали. Ведь ещё ваш незабвенный Иосиф Виссарионович в беседе с одним немецким писателем, если только память мне ни с кем не изменяет, с Эмилем Людвигом в 1931 году, как-то заявил, что «история не знает сослагательного наклонения». Правда, говорят, что до Сталина это ещё некий Карл Хампе чуть по-другому выразил, — История не знает слова «если». Тоже, кстати, профессор, но вот только не Рязанского, а уже Гейдельбергского университета.

Рассуждал я так, впрочем, не из чувства «глубокой личной неприязни», которое я мог бы испытывать к потерпевш... тьфу ты, к профессору, я хотел сказать. Нет, ну что вы, нашего преподавателя по курсу эконометрики — профессора Валентинова Валерия Валериановича, которого за глаза называли исключительно для краткости Корвалолом, в универе уважали даже самые отпетые двоечники.

Просто, излагаемая профессором тема установочной сессии, вводящая студентов нашего заочного отделения в основы эконометрики, была для меня многократно пройденным, а потому и хорошо усвоенным этапом. Причем, не столько даже на теоретическом, сколько на

практическом уровне. Ведь на экономфак я поступил будучи уже ведущим аналитиком маркетингового агентства только для получения документа о высшем образовании.

Кроме того, время и в самом деле было уже, прямо скажем, вполне обеденное, крайние минуты профессорской лекции уже просто тянулись бутадиеновым каучуком, а во время столь ожидаемого перерыва мне надо было успеть не только основательно перекусить, поскольку позавтракать сегодня я не успел, но и проконтролировать работу интервьюеров.

Вот только без ухмылок, кто в теме, я не хуже вас понимаю, что контроль интервьюеров на полевом этапе не является функцией аналитика. Но поймите правильно, я работаю не у какого-нибудь там Гэллапа или даже Нильсена, Я работаю в нашей небольшой, но широко известной в узких кругах семейной фирме, где все делают всё.

— Ну да ладно, господа студиозусы, у нас осталась буквально одна минутка, а посему вы можете потихонечку собирать свои причиндалы и по мере оставшихся сил просачиваться к выходам из лекционной аудитории. А вас, Марк, я попрошу остаться! — верный своим совковым привычкам профессор не преминул случаем и ввернул очередную киноцитату.

Тьфу ты, хрен очкастый, обломись мои планы синим тазом! Ничего, в эти игры можно поиграть и вдвоём. Даром что ли я из семьи завзятых советских киноманов, не смотрите на мои двадцать с хвостиком. А в Zellона «Веселом баклажане» я так и вообще целые серии игр для любителей подобного жанра периодически веду, когда выпью.

— Я к вам, профессор — и вот по какому делу[ii]! Вы мне консерваторию кончить не даёте!

Подобная совершенно невозможная помесь бульдога с носорогом, а точнее, произвольное передергивание цитат сразу из двух милых нейлоновому сердцу Валерия Валериановича отечественных нетленок, явно повергли его на некоторое время в состояние когнитивного перемежающего диссонанса. Оклемался он, надо отдать ему должное, достаточно быстро.

— Что ж, Марк, двенадцать — одиннадцать, вы ведёте! Однако задержаться я вас попросил не за этим, хотя и приятно осознавать, шорт поберьи, что не перевелись ещё, так сказать... Простите, отвлёкся, как всегда! Марк, познакомьтесь, пожалуйста — учёный консультант Службы федеральной безопасности подполковник Тарасов Вениамин Михайлович. А этот прыткий молодой человек, Веня, тот самый Марк, которого я тебе рекомендовал.

Я с немалым удивлением глянул на неизвестно откуда появившегося, тут полагается отметить — неприметного, но нет, человечество-то был очень даже приметный и при моих метр восемьдесят с кепкой возвышался надо мной на целую голову. Миф о неприметности лиц этой профессии разрушал и мясистый носира вкупе с окладистой бородой, густыми седоватыми усами, а также толстой, так и хочется сказать — роговой, оправой очков.

— Да я тут на самом первом ряду с краешку сидел, — как-то застенчиво ответил он мне на мой удивленный взгляд, — А зашел в перерыве между полупарами. Марк, Корва... — лерий Валерианович много рассказывал мне о вас, а потому я давно уже взял вас на заметку. И вот сейчас, у одного из наших, скажем пока так, научно-исследовательских подразделений возникла крайне острая необходимость в ваших услугах.

— Вам что, нужно провести соцопрос среди тюркоязычных гастарбайтеров?! — воззрился я на чекиста в крайней степени изумления, — Так у меня только один из дедушек башкир, да и того я никогда в жизни не видел и языками тюркской группы не владею! Или построить финансовую модель инвестиционного проекта для спасения старого одноглазого

нелегала, живущего под мостом в состоянии перманентной нетрадиционной ориентации?

— А вот хамить мне, молодой человек, как раз не стоит! — усмехнулся в усы подполковник Тарасов, — Поверьте на слово, нам найдётся чем по-настоящему замотивировать вас. Нет-нет, не напрягайтесь так! Это совсем не то, что вы подумали, я говорю о вашей мотивации исключительно в позитивном смысле! Руки вам выворачивать никто не собирается.

— Так, я свое черное дело сделал, мавр может уходить, — за шутливым тоном профессору не удавалось скрыть свое очевидное смущение, — Марк, вам нечего опасаться, Вениамин Михайловича я знаю много лет, с пелёнок, можно сказать он — почти порядочный человек! А ты, кровавая твоя гебня, переходил бы сразу к делу, что ли, а то напушал тута туману с кровопивцами... Ну всё-всё, ушёл я, ушёл!

Проводив профессора смеющимися глазами, подполковник вновь обратил своё внимание на меня и молча пододвинул ко мне серый пластиковый скоросшиватель с прозрачной внешней обложкой, под которой виднелась средней толщины пачка листов бумаги А4 со строгим лаконичным заголовком на первой странице: «Организация сетевого маркетинга в условиях тоталитарного общества».

— Выпускаемый под торговой маркой «Брауберг» скоросшиватель пластиковый серый для поблочного скрепления листов бумаги формата А4 с целью их хранения, транспортировки и последующего представления... — зачастую было я, в лихорадочной попытке скрыть уже собственное замешательство, однако был тут же мягко прерван своим визави.

— Ну, могём, могём! Это вы на ходу сочинили, что ли? Скажете тоже, транспортировки и последующего представления», канцеляристка ваша душа! Вам осталось только ещё про товарный артикул завернуть или толщину обложек, Марк...

— Толщина передней прозрачной обложки, м-м-м, ноль тринадцать миллиметра, задней — м-м-м, ноль восемнадцать миллиметра, товарищ подполковник!

— Ладно, Марк, прекратите паясничать! Ваша работа? Хотя, нет, не отвечайте, вопрос был чисто, что называется, риторический. Ответьте-ка мне лучше на другой, более интересный для нас вопрос: почему вы тогда выбрали именно эту тему? Согласитесь, вопрос и в самом деле очень интересный, учитывая, что вам было всего лишь шестнадцать лет, а родились вы спустя много лет после распада того самого, э-э-э, тоталитарного общества?

— Хорошо, я отвечу на ваш вопрос, товарищ подполковник, хотя интерес вашей конторы к олимпиадной работе тогдашнего девятиклассника, коим я был в то время, представляется мне более чем странным, что бы вы мне там не говорили. Ну так вот, учился я тогда, как я уже сказал, в девятом классе. Пора самоопределения, так сказать. А тут вдруг заманчивое такое объявление на одном из зарубежных сайтов. Ну да, том самом, который си-ай-эй или, по-русски говоря — ЦРУ, ни к обеду не буде сказано. Олимпиада по экономике типа, для учеников российских школ, работы можно оформлять на русском языке опять же, и, самое-самое, что меня тогда и привлекло, так это — гранды на обучение в американских университетах. Ну дурак был, что тут скажешь. Думал тогда, что корка забугорного вуза с полупинка откроет мне двери в любую престижную компанию и, тем самым, обеспечит моё безбедное существование по самый гроб жизни. А тема... Тема была выбрана, честно говоря, поначалу чисто из конъюнктурных соображений. Даже тогдашним подростковым умишком я сообразил, что пиндосы должны были обязательно хотя бы обратить внимание на работу с подобным названием, а там...

— Понятно, Марк, раскрывая тему вы, вероятно, слишком увлеклись и в силу присущего от рождения аналитического склада мышления и, в особенности, юношеского максимализма, представили моим заокеанским коллегам результаты, которые им не столько совершенно не понравились, сколько даже просто взбесили. Как сейчас помню заголовки новостных лент того периода, — в этом месте учёный консультант прикрыл от удовольствия глаза и с блаженной улыбкой на устах и в самом деле процитировал вслух несколько заголовков из американских газет десятилетней давности, дословно переведенных впоследствии почти всеми российскими изданиями либерастического толка.

— «Советская пионерия возрождается из пепла в прутинской России», «Доктор Джекил и мистер Хайд в одной рязанской спецшколе», «Реинкарнация Павлика Морозова в деревне Канищево»... А, кстати, Марк, вы не знаете, причём тут бедный Павлик?

— Вам смешно, а у меня в те дни и дня не проходило в школе без драки. И да, школа-то была у меня, самая что ни на есть обычная. Разве только что с легким уклоном в сторону английского. Почему дрался? Так, было значит за что. Всё-таки не забывайте, я был тогда типичным подростком с полным набором полагающихся такому возрасту комплексов и романтических мифов. Нет, вы только представьте себе, вам шестнадцать лет, осознанный интерес к противоположному полу, а тут тебя на каждом углу то пионером обзывают, то Павликом нарекают, а то и Флаконом кличут...

— Прости меня Господи, Марк, я не совсем понял. А Флаконом-то за какие такие грехи?!

— Ну как же, как же, товарищ подполковник, я ведь был доктор Джекил и мистер Хайд в одном флаконе! Во-во, вы ржёте, а мне тогда совсем не до смеха было, вы уж поверьте!

— Ради бога простите, Марк! Так и тянет попросить разъяснений ещё и по поводу Павлика Морозова, но теперь лучше воздержусь. Поясните мне в таком случае, пожалуйста, другой момент. Почему же вы тогда, несмотря на все эти, не побоюсь выразиться таким образом, шекспировские коллизии, не оставили эту тему и, более того, все эти годы вновь и вновь постоянно к ней возвращались?

— Ну уж нет, товарищ подполковник, я всё-таки для начала покончу раз и навсегда с этим Павликом, чтоб он трижды перевернулся там в своём гробу! Понимаете, всё было прямо как в детской песенке, помните? Рыжий, рыжий, конопатый убил дедушку лопатой! Блин, до чего же всё-таки у вас в Союзе были кровавые мультики! Как мне кажется, здесь даже резня бензопилой в Техасе отдыхает, вы так не считаете? Ой, теперь уж вы меня простите, отвлёкся. Ну так вот, а я был вынужден всем отвечать что-то типа: «А я дедушку не бил, а я дедушку любил!». Нет, реально я за своих родных любого порву, ну или почти любого, благо, что полувоенная подготовка позволяет. Ясен пень, я не в восторге от просоветских взглядов своих родаков, но, шорт поберьи, как любит говаривать наш профессор, идти по стопам Павлика Морозова и предавать их на этом основании? Бред сивой кобылы!

— Я всё это прекрасно понимаю, Марк, но нельзя ли вернуться к моему вопросу? Время, честно говоря, и меня тоже поджимает. И не надо на меня так смотреть, всё элементарно, Ватсон! Вы, Марк, тоже ведь периодически коситесь на свои наручные часы. Между нами говоря, мне тоже нравится вернувшаяся мода на этот крайне полезный прибор. Но, к делу!

— Да чего уж там, тащ подполковник, я теперь даже и перехватить чего нить не успеваю. А возвращаясь к теме вашего вопроса, отвечу просто. Не знаю чем, но понравилась

мне эта тема. Не то чтобы конкретно сетевой маркетинг или тоталитарное общество, как я тогда о нём писал, а именно вот эта вот чисто умозрительная тема сопряжения несопрягаемого. Не понимаете? Ну как ещё объяснить... Вот меня с детства волновал, к примеру, вопрос, а почему бы и не запрячь в повозку, вопреки мнению каких-то там поэтов-ботаников, коня и трепетную лань? Ведь это же конь, мужчина, можно сказать! Да рядом с ланью, да ещё и с трепетной, он настоящим ахалтекинским рысаком себя почувствует! Или вот вам другой пример, почему бы не попробовать забить гвоздь электронным микроскопом? Во-первых, агрегат это и в самом деле тяжёлый, хотя и громоздкий, во-вторых, я уверен, большинство подобных девайсов, всё равно, всякой хреню мается, а в-третьих, что самое важное, при таком применении, с точки зрения экономиста, он намного быстрее окупится согласитесь? Вот потому-то я и написал с тех пор множество статей на подобные темы. «Структурный анализ фарцовой торговли в эпоху раннего застоя», «Корреляционный анализ взаимосвязи товарного дефицита в советской торговле и диверсификацией производственной матрицы цеховиков», «Влияние сезонного фактора на статистику нарушений в сфере таможенного законодательства среди моряков заграничавания в СССР»...

— А что, Марк, есть, в смысле, была такая зависимость? Ну, сезонность среди заграничавания?

— А как вы хотели? Сани летом, а зимой телега здесь плохо работали, дорожке была ложка к обеду. Круглый год тащили из-за бугра, к примеру, жвачку или кассетные магнитофоны, по осени дублёнки, куртки «Аляски», женские сапоги; по весне — солнцезащитные очки... Тащ подполковник, ну кончайте надо мной смеяться, я понимаю, что вы, судя по вашему возрасту, ещё с тех времён служите в органах и лучше меня всё это представляете! Лучше скажите мне, а правда, что солнцезащитные очки во времена вашей молодости носили, не отклеивая с них ярлыков торговых марок?

— Вот же засранец, уел-таки! — Тарасов не выдержал и совершенно искренне расхохотался.

— Так значит, Марк, для вас всё это — что-то типа мысленных экспериментов в жанре альтернативной истории. Вы понимаете, о чём я? В смысле, я корректно выразился?

— Можно и так сказать, тащ подполковник, если хотите. Только учтите, что я — вор с незаконченным высшим образованием, правда, без среднего. Так что, книжки в ярких обложках почитываю и знаю, как это называется! — выдал я на пробу очередную цитату, как всегда по своему обыкновению безбожно всё смешивая и перефразируя.

— «Ошибка резидента», Марк! — грустно улыбнулся Тарасов, — Мне ли не знать этот фильм практически наизусть? Замечательный режиссёр и мой тёзка — Вениамин Дорман, а также очень интересный сценарий, который воплотил в жизнь по-настоящему звёздный состав наших великих советских актёров. Таких уж нет и, скорее всего, больше никогда не будет, поверьте мне. Георгий Жжёнов — это вам не Коша Гуценко...

— Скажете тоже, — довольно кисло ухмыльнулся я, — Вы бы ещё какого-нибудь там Ефима Михремова помянули... И всё-таки, Вениамин Михайлович, давайте закругляться! Или, как говорится, чем обязан? Для чего вами был затеян весь этот сыр-бор?

— Да-да, Марк, я тоже сегодня в настоящем цейтноте, но я никак не ожидал, что мы с вами в такие дебри залезем, что без бутылки просто не разобраться. Однако же, самое главное на сегодня я сделал — познакомился с вами. Что же касается бутылки, то как насчёт того, чтобы продолжить наш разговор сегодня вечером? Я тут одно хорошее местечко знаю,

и ещё раз поверьте, но некоторые вещи, по личному опыту, без хорошей релаксации людям просто невозможно воспринять. Всё за государственный счёт, честное слово!

— Ну-у, если только за государственный счёт! — расхохотался в этот раз уже я, — Чего-чего, но вот за государственный счёт я еще никогда не пил! Хорошо, после восьми вас устроит?

— Вот и отлично! Вам самому ехать никуда не надо — наша машина заберёт вас там, где вы мне скажете, как только будете готовы. Давайте-ка, Марк, я сброшу вам свои контактные данные. Не беспокойтесь, номер вашего мобильного телефона у меня есть, хе-хе-хе!

Тоже мне, Мюллер и Бендер в одном флаконе, — думал я, уже сбегая по лестнице главного университетского корпуса. ГПУ за вами само придет, хе-хе-хе, а мне думай тут как жить дальше! Говорил я ведь мамочке сегодня, не зря, мол, мне вчера ночью большая чёрная собачка снилась, ох не зря! Ведь собачки, кошечки и прочие крайне необходимые в нашем домашнем хозяйстве хомячки, составляющая для типичного городского ребёнка почти его весь существующий на планете животный мир, снятся мне с детства не просто так!

Впрочем, пожалуй, пора уже рассказать и немножечко о себе, столь горячо любимом, как вы уже, надеюсь, успели понять. Не то чтобы я люблю себя так горячо и часто, как вы, не дай бог, успели про меня не так подумать. Как-никак времена моих юношеских прыщей на фоне повышенного гормонального уровня давно минули, а особых проблем с лицами противоположного пола я никогда не испытывал. Однако же, законных мотивов гордиться собой и гордиться вполне заслуженно, поверьте, у меня хватает!

Начнём с роста, который в моём случае составляет метр семьдесят три. Ну, в принципе, ничего особенного, это ведь считается только чуть выше среднего, буквально на коробок спичек. Если только не знать, что мой генетический предел, обусловленный выраженной низкорослостью моих родных и их далёких предков, сантиметров эдак на десять, то есть на два спичечных коробка, меньше. И это является моим первым поводом для гордости, ибо достиг этого я исключительно своей волей, с десяти лет изнуряя себя специальными упражнениями, каковые, впрочем, любой желающий может легко найти в Интернете.

Вторым по значимости для меня и первым для родителей поводом гордиться является моё образование, получаемое мной, как сказали бы во времена бабиной молодости, без отрыва от производства. Сколько же пересудов было и недоумённых шепотков за спиной, когда, хотя и не совсем круглый отличник, но всё-таки победитель многочисленных олимпиад по окончании школы с английским уклоном вдруг вопреки ожиданиям окружающих ушёл не в универ, а в семейное маркетинговое агентство простым стажёром. А образование своё продолжил при этом на заочном отделении того же универа, корок ради, а не знаний для, ибо, как в сердцах рубанул батя, знания из наших вузов ушли к совковой матери.

Тем не менее, для понимания того, что же это всё-таки такое — серьёзное маркетинговое образование, между делом освоил и один из немногих действительно полезных в этом отношении дистанционных курсов в Нидерландах, где потом и защитил диплом магистра наук в области маркетингового управления.

По мере накопления сил старался не забывать и о своём физическом развитии, со времён мучительного вытягивания тела приобщившись к повышенному уровню его мышечных нагрузок и соответствующих им болевых ощущений заядлого мазохиста.

По совету отца, имевшего по молодости богатое борцовское прошлое и потому в высшей степени скептически относившегося ко всякого рода танцулькам, как он называл почти все восточные единоборства, кроме дзюдо, я выбрал для себя вольную борьбу и с тех пор ни разу об этом не пожалел, особенно, увидев бой борца Карелина и каратиста Маеды.

Можно скептически ухмыляться, но спокойно, доктора наук, кандидаты, шашлык — всё настоящее. И излагал я чистую правду. Но, какой-то уж очень я идеальный получился, даже странно. Жизнь всё поправит, но для её ускорения я перейду к недостаткам.

Во-первых, серьёзные, до второй группы инвалидности, проблемы со зрением. Господи, не ведаю уж, откуда, почему и за какие же грехи мне достался целый букет таких серьёзных заболеваний, как дистрофия сетчатки, макулодистрофия, глаукома, а в довесок ко всему и банальная близорукость, будто бы кому-то наверху не хватило уже упомянутых недугов.

Во-вторых, неизбежно вытекающий из первого пункта сложный характер и особенности поведения человека, вынужденного с детства бороться с судьбой и доказывать всему миру свою полноценность, что ли, или даже, если хотите, социальную дееспособность.

Соответственно, невозможность водить машину, невозможность полноценного просмотра фильмов и всяких шоу, а также невозможность отдать, в моём случае и впрямь более чем сомнительный, долг выступающему под маской Родины государству.

Нет, я не плачу и не рыдаю — остаточное зрение и природный оптимизм всегда берут верх. Не могу водить машину? Найдётся почти персональный водитель за рулём простого или маршрутного такси! Не могу смотреть фильмы на большом экране? Зато могу смотреть их краем глаза на смартфоне! И больше слушаю, чем смотрю. Наверное, поэтому я так часто цитирую потом всё ранее услышанное, иногда доводя окружающих до белого каления...

А умения защищать, но, опять же, не абстрактную для меня Родину и прочие отвлечённые понятия, а вполне конкретных родных и близких мне, как я отмечал, не занимать. Когда я много лет назад только начал задумываться о таких вещах, отец подсунул мне рассказ из советского ещё журнала «Техника молодёжи», который назывался «Белая трость калибра 7,62»^[iii]. Затем боевик «Слепая ярость» с Рутгером Хауэром, «Слепой музыкант» Владимира Короленко и пошло-поехало...

Результатом всего этого стало то, что минус на минус дали самый настоящий плюс в виде присущего многим плохо видящим тонкого слуха, завидной даже для здоровых людей координации отточенных упорными тренировками движений, и хорошей памяти.

Однако, ненаглядная Катерина Матвеевна, случилась у нас небольшая заминка, полагаю на время отсидки в подъехавшей к остановке маршрутки, которую ведёт, судя по тёмному пятну головы, какой-то разлюбезный товарищ с Востока. Чёрный Абдулла, не иначе...

[i] Цитата из советской трагикомедии "Небеса обетованные", снятой режиссёром Эльдаром Рязановым по сценарию Эльдара Рязанова и Хенриетты Альтман на киностудии «Мосфильм» в 1991 году.

[ii] Фраза из советского двухсерийного художественного телевизионного фильма «Собачье сердце», снятого режиссёром Владимиром Бортко на киностудии «Ленфильм» в 1988 году.

[iii] «Белая трость калибра 7,62» — впервые опубликованный в 1985 году рассказ чешского писателя Онджея Неффа об от рождения слепом молодом человеке, уничтожившем по заданию спецслужб базу инопланетян-гипнотизёров. Как-то так.

Отступление, в котором один нижестоящий начальник отчитывается перед одним вышестоящим

Начальнику научно-технической службы в
Службе федеральной безопасности России
генерал-полковнику Метизову А.А.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что в пятницу 11 сентября 2020 г. в 13 ч. 15 мин. я встретился с очередным кандидатом для группы специального назначения проекта 63 °Селиным Марком Юрьевичем и провёл с ним предварительную ознакомительную беседу, которая завершилась в 13 ч. 55 мин. договоренностью продолжить разговор по окончании рабочего дня в подведомственном нам учреждении общественного питания.

Выписку из материалов личного дела данного кандидата с его полными биографическими данными я прилагаю, однако, хотел бы обратить Ваше особое внимание на специфичность его профессиональных интересов, находящихся в смежной для проекта 630 области.

Марк Юрьевич Селин получил прекрасное образование, включая специализированную на изучении английского языка среднюю школу и нидерландскую бизнес-школу, завершает высшее образование на экономическом факультете одного из рязанских вузов, обладает отличной физической подготовкой и всеми необходимыми для проекта качествами.

На протяжении всей непродолжительной беседы кандидат вёл себя свободно и расковано, не проявляя чувств какой-либо предвзятой симпатии или антипатии к представляемому мной серьёзному ведомству, временами периодически шутил и демонстрировал живой и непосредственный тип развитого абстрактно-логического мышления.

В связи с вышеизложенным, в предстоящем сегодня вечером продолжении нашей беседы считаю возможным подвести кандидата к самостоятельному выдвижению умозрительной идеи темпоральных перемещений с целью дополнительного изучения его ассоциативных логических конструкций и снижения уровня психологического шока.

Старший учёный консультант и куратор проекта 630, доктор социологических наук, профессор, подполковник Тарасов В.М. — (подпись неразборчива) 11 сентября 2020 года

Глава вторая, в которой пьют, понятное дело, вредные напитки, но непонятно закусывают

Вроде не очень опаздываю, думал я, выскакивая из присланного подполковником чуда немецкого автопрома прямо к входной группе обещанного им кафе. Но ведь, с другой стороны, продолжал я размышлять почти на бегу, точного времени между нами и не оговаривалось. На полном внутреннем автомате промелькнули отмечаемые остаточным боковым зрением начальные обрезиненные ступеньки невысокого крыльца, особые фторопластовые набойки высоких спортивных ботинок отстучали по ним привычное эхолокационное стаккато, после чего я совершенно уверенно прошёл через услужливо разъехавшиеся передо мной створки автоматических дверей. Быстрое движение глаз, мгновенная классификация сидящих за столиками тёмных силуэтов, распознавание и я всё также уверенно двигаюсь к столику пригласившего меня сегодня учёного консультанта.

— А, товарищ маркетолог! — с удовлетворением отметил Тарасов, по всей видимости уже приступивший к намеченной им релаксации, — Садись, мил человек, за стол, мы с тобой выпьем, закусим, о делах наших скорбных покалякаем[i]...

— Товарищ подполковник! — взъярился я, — Давайте с вами с самого начала договоримся, что не будем называть меня маркетологом! А то ведь на Рязанщине, как и где-нибудь в Малороссии, многие, даже вполне интеллигентные, люди гэкают, то есть, произносят фрикативное «Г» вместо взрывного. А фрикативное произношение этой буквы иногда почти не отличается от «Х», понимаете? Таким образом, квалифицированный специалист с дипломом магистра наук в области маркетингового управления превращается...

— В товарища маркетолоха!!! — заржал Тарасов, тут же спешно извинившись, — Простите бога ради, Марк! Но это ведь и впрямь на столько же смешно, на сколько и поучительно. Кстати говоря, Марк, скажу как филолог, а не социолог, что в удалённых друг от друга на тысячи километров Москве и Владивостоке, речь горожан схожа больше, чем в Москве и Рязани, между которыми менее двухсот километров. Удивительно, не правда ли? И ещё вопрос, дабы снова не попасть впросак. Я заметил, ударение в слове «маркетинг» вы на второй слог ставите, как обыватели, а не на первый, как многие профессионалы. Почему?

— Да потому, Вениамин Михайлович, что, несмотря на то, что слово это пришло к нам как и многие другие из английского языка, подчиняться оно будет правилам именно русского языка, для которого такой вариант более приемлем. Вы же, я надеюсь, не говорите такие слова как, например, продукт, процесс, финансы с ударением на первом слоге? По моему личному убеждению, такое ударение в слове «маркетинг» делают исключительно снобы!

— Ну что ж, Марк, очень даже убедительно! — уважительно согласился Тарасов, призывно приподнимая сверкнувший каплями конденсата литровый графинчик, — Вашу рюмочку?

— Я, собственно, водки не пью! — забормотал я, широко раскрывая свои голубые глаза для вящей убедительности образа, но, тем не менее, с готовностью подвигая рюмку навстречу.

— Позвольте, а как же вы селедку без водки будете есть? — поддержал игру подполковник и, коротко хохотнув, продолжил, — Абсолютно не понимаю! Ну, Марк, за

понимание!

Некоторое время мы сосредоточено закусывали, нет, не упомянутой селёдкой, конечно же, из булгаковских «Дней Турбиных», но какой-то рыбой мы точно закусывали. Тарасов глядел только в свою тарелочку, готовясь, по всей видимости к серьёзному разговору, а я воспользовавшись случаем, осматривал окружающий интерьер.

Небольшое, а потому какое-то очень уютное кафе и впрямь оказалось отличным выбором для проведения такого рода встреч в конце рабочего дня, когда, с одной стороны, надо бы немного расслабиться, а, с другой стороны, нежелательно отвлекаться на громкую музыку или пошловатые элементы декоративного оформления.

Кроме того, судя по довольно специфическому контингенту относительно большого числа отдыхающих, сервировке и качеству блюд, владельцу кафе удалось подобрать идеальный баланс между ценовой и ассортиментной политикой верхнего ценового сегмента, что уже само по себе дорогого стоит и вызывает бесспорное уважение.

— Вениамин Михайлович, а как называлась эта рыба? — первым задал я вопрос, лишь бы что спросить и прервать уже становящееся для меня тягостным затянувшееся молчание. В конце-то концов, кто кого пригласил для частного разговора?

— Лабардан-с, — машинально ответил тот, рассеяно ковыряя трезубой вилкой мастерски ускользящий от неё по всей тарелочке золотистый маринованный ломтик. На его месте я бы уже давно плюнул на все приличия и взял ложку с кусочком хлеба для подгребания.

— К чёрту рыбу! Честно говоря, я и сам не помню, как она тут называется, Марк. Давайте-ка, если вы, конечно, не возражаете, перейдём лучше к нашему делу наконец-то!

— Наконец-то! — с готовностью подхватил я, — А то я, грешным делом, подумал, что мы с вами, тащ подполковник, сегодня просто так нажрёмся за государственный счёт! Я ведь не этот вам, как его, Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей, и не смогу в таком случае сам справиться с вашим делом, ибо это мне Заратустра не позволяет!

— Господи, прости мя грешного, ибо второй раз поминаю тя всеу! Но, Марк, вам никогда не надоедает постоянно цитировать классиков? Сколько же мусора в голове у нынешней молодёжи, вот что значит поверхностные дети Великого и Ужасного Интернета! Знаете, что по этому поводу сказал, надеюсь, небезызвестный вам, Артур Конан Дойл?

— Да уж просветите, пожалуйста, тёмного представителя потерянного поколения!

— Извольте-с, молодой человек, цитирую дословно: «Общество мертвых писателей может оказаться настолько притягательным, что человек станет слишком мало думать о живых». И Далее там же: «Многим из нас следует всерьёз опасаться, что, погруженные в наследие мертвецов, мы никогда не узнаем собственных мыслей и чувств». Тоже классика, Марк!

Тарасов снисходительно взглянул на меня поверх оправы своих очков, слегка обозначив напряжённую улыбку, но, ведомый, то ли возрастной неуступчивостью, то ли первыми признаками лёгкого алкогольного опьянения, я не собирался уступать.

— Что ж, круто, Вениамин Михайлович! У вас тоже неплохая память. Только знаете ли, все эти англичане крайне противоречивые натуры и великие путаники. Даже сам Конан Дойл с его дедуктивным методом не стал среди них каким-то исключением: «Прекраснее всего, когда мудрость мертвых и их пример дают нам силу и терпение, чтобы пережить тяжкие дни нашей собственной жизни». Это ведь тоже он писал, вот и пойми его после этого!

— Да ну! — искренне изумился Тарасов, — Это надо же! Обязательно перечитаю старика как-нибудь на досуге. Тем не менее, Марк, мне, как, надеюсь, интеллигентному человеку, вполне понятно, когда такое избыточное цитирование служит средством самовыражения. Однако же в деловой сфере, где больше ценится самостоятельное мышление и разумная инициатива, такой, с позволения сказать, догматизм, как мне кажется, даже вреден.

— Э, нет, дорогой Вениамин Михайлович, вот тут вы как раз и неправы! Так уж в России сложилось, но как ни странно, знатоками в области маркетинга и, в особенности, рекламы, считает себя каждый заваливающий менеджер, если не сказать — уборщица. В таких условиях, именно подобные дословные, не оставляющие оппонентам малейшей возможности для их манёвра, цитаты, в данном случае, классиков маркетинга, вкупе с чёткими дословными же определениями, оставляют за мной широчайшее поле для управления процессам деловых переговоров и обсуждений. Вспомните, Вениамин Михайлович, первый и самый важный закон логики гласит, что любое утверждение должно быть тождественно само себе, иначе в процессе обсуждения будет возможна подмена схожих понятий. Кстати говоря, сегодня мы наблюдаем это сплошь и рядом в современных гибридно-информационных войнах.

Я видел, насколько мучительно трудно подполковнику начать по-настоящему предметный разговор, и, пытаясь ему помочь, плёл свою неспешную и ни к чему не обязывающую его беседу. В конце-то концов, у меня тоже были и свои нерешённые дела, время на которые я потратил бы с большей пользой.

— К примеру, — продолжал я настраивать конторщика на деловой лад, — Я знаю наизусть что-то около сотни самых различных определений маркетинга, который до сих пор так и не стал наукой, а потому и изобилует огромным количеством словарных статей.

— Это-то вам зачем?! — не выдержав, выпучил глаза подполковник, — К чему столько-то?

— Как это зачем? — изумился я в свою очередь, — Клиенты-то у меня тоже разные бывают! Вот весной был у меня один батюшка, так ему для начала надо было просто на пальцах объяснить, что такое маркетинг, чтобы дальше вести более предметный разговор.

— Ну и как же вы выкрутились, Марк? Нет, мне и в самом деле интересно это знать, ведь в духовных семинариях, насколько мне известно, ничего даже близкого к этому не дают.

— Элементарно, Ватсон! Просто вспомнил нечто похожее у некоего Игоря Намма. Как мне кажется, только практик мог так цинично определить маркетинг, но, знаете, прокатило!

— Не томите, Марк! — не выдержал Тарасов искусственной паузы в моих словах.

— Так вот, Вениамин Михайлович, этот самый «Мастер», как он требовал себя называть, по крайней мере, на том семинаре, где присутствовал и я, ляпнул буквально следующее: «Маркетинг есть процесс получения овеществлённой в прибыли божьей благодати через любовь к ближнему своему». Вот так, ни больше ни меньше! Однако же, как я уже сказал, прокатило, и именно в таком виде до батюшки быстрее всего дошло достаточно непростое определение понятия «маркетинг».

Подполковник некоторое время дико таращился на меня, а затем внезапно расхохотался, откинувшись на спинку своего диванчика. Однако, через непродолжительное время взял ситуацию под контроль и вскинул руки в извиняющемся жесте начинающим недоумённо оглядываться на нас отдыхающим посетителям ведомственного кафе.

— Ну надо же, — выдал из себя, отсмеявшись, — Батюшкина прибыль! Впрочем, Марк, так всегда было есть и будет, пока есть на свете столь подверженное алчности существо, как человек! Весной, перед ЕГ, сам видел в церкви самый настоящий прайс-лист на их услуги. А что, маркетинг и в самом деле определяется как процесс извлечения прибыли?

— Вениамин Михайлович! — укоризненно посмотрел я на этого социолога, — Уверен, вы и без меня прекрасно знаете, что такое маркетинг и с чем его едят! К примеру, для опросов во время проведения всякого рода маркетинговых исследований, если это необходимо, я чаще всего привлекаю студентов именно социологического факультета, как наиболее для этого подготовленных. А один профессор социологии у нас, кажется из педуниверситета, если только память мне до сих пор ни с кем не изменяет, так и вообще своих студентов эксплуатирует и в хвост и в гриву именно на полевых маркетинговых исследованиях!

— Простите, Марк! — посмотрел на меня подполковник глазами кота из Шрека, — А всё же?

— Ну хорошо, Вениамин Михайлович, — сдался я с обречённым вздохом, — Тогда давайте для начала вспомним определение маркетинга, в котором один из его основоположников Филипп Котлер толковал его как один из видов человеческой деятельности, направленной на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена.

— Да, — согласился подполковник, — Это классическое определение даже я знаю!

— Тащ подполковник! — вновь укоризненно глянул я, — Так вот, прошло совсем немного времени и появилось огромное множество, по некоторым сведениям более пары тысяч, других определений, авторов которых почему-то не устраивает мнение классика.

— Сколько?! — вновь вытаращил глаза подполковник, — Я думал их не более пары сотен!

— Как видите, Вениамин Михайлович, их теперь стало на целый порядок больше. Начали всю эту катавасию тогдашние экономисты, для которых рождающаяся бесхозная наука стала как, прошу прощения, прыщ на заднице. В своём благородном стремлении прибрать сиротку, они оказали тому медвежью услугу, назвав процессом, при котором повышается ценность товара и происходит выгодный обмен между покупателем и продавцом. Однако, понятие ценности и выгоды каждый понимает в меру своей испорченности...

— Ну, Марк, экономистов прошлого ведь тоже можно понять! — поощрил меня к развитию темы чему-то явно обрадовавшийся подполковник, исподволь ведущий беседу пока в не очень-то понятном для меня направлении, но, видно на что-то решившись, в кои-то веки, попытался осторожно приступить к своей целевой сути.

— Да, Марк, честное слово, я очень рад, что не ошибся в вас. Мы, разумеется, тщательно изучили ваше, э-э-э, скажем так, досье, которое собирали с миру по нитке почти целый год. Фактографического материала, причём, самого и самого различного свойства там, само собой, хватает, но, сами понимаете...

— Ну да, — довольно невежливо перебил его я, которому до невозможности надоели все эти интеллигентские рефлексии, — Одно дело шпицшпихель и совсем другое — большпихель!

— Во-во, Марк, — горячо поддержал меня Тарасов, словно не замечая моей иронии, — Одно дело документ, какой бы исчерпывающий он ни был, и совсем другое дело — пусть

даже короткая беседа с живым человеком. Так выпьем же за человека, Марк!

— Выпьем за человека, барон! — вновь невнятно пробормотал я, но Тарасов меня услышал.

— А вы оказывается и Горького читали? — спросил он после того как мы опрокинули свои рюмки, — Весьма странный выбор для молодого человека в наше время. Впрочем, хватит ходить вокруг да около! Марк, прежде всего, я хотел бы вас спросить о литературе совсем иного рода. Как вы вообще относитесь к литературе в жанре альтернативной истории? Ну, или к фантастической литературе о так называемых попаданцах? Вы понимаете, о чём я? Вы ведь тогда в аудитории так и не ответили мне на этот вопрос за нехваткой времени!

— Попаданцы, вселенцы, засланцы... — недовольно проворчал я, — Ах, да, я ведь пользуюсь цепочками прокси-серверов и вы вряд ли в курсе моих литературных предпочтений. А к провайдерам обращаться, скорее всего, либо бесполезно, либо режим секретности не даёт. А слабо было на выходе из квартиры, к примеру, петлю связи накинуть? Или проникнуть в квартиру и там понаставить программно-аппаратных шпионов?

— Послушайте, Марк, я был о вас гораздо лучшего мнения! Вы что, голливудских фильмов пересмотрели? Или шпионской литературы обчитались? Что бы там о нас не говорили, но у нас ведь и в самом деле правовое государство! Бывает, конечно же, всякое кое-где у нас порой, но в общем и в целом... И кроме того, поймите правильно, СФБ — это, как там ни крути, но всё-таки бюджетная организация, а денег как и у всех постоянно не хватает. В том числе и на специальные технические средства.

— Хорошо-хорошо, успокойтесь, тащ подполковник! Считайте, что я вас уже пожалел. Ну а если серьёзно, Вениамин Михайлович, то давайте начнём с того, что как и в анекдоте про чукчу, альтернативная история и попаданцы — это, на мой взгляд, совершенно разные жанры. Вы так не считаете? А по поводу моих литературных предпочтений, так это они, то есть, эти самые попаданцы, и есть! Было бы странно, если бы я написал десятки статей на сопряжённые с этим темы и хотя бы не интересовался подобным чтивом.

— Прекрасно, Марк! — подавшийся было в мою сторону и напряжённо ожидавший ответа Тарасов снова расслаблено откинулся на спинку своего диванчика.

— Я, Марк, хотя и был в известной степени почти уверен в вашем ответе, но, тем не менее, слегка таки опасался услышать нечто прямо противоположное вами сказанному, мало ли. В таком случае, Марк вопрос второй, не возражаете?

— Ну куды ж я от вас денусь, тащ подполковник! Только давайте дождёмся, когда горячее расставят, вон уже девушка несёт. А то ведь разговор-то у нас сугубо конфиденциальный, как я понимаю, а официантка кажется мне крайне подозрительной, вы не находите, тащ...

— Марк, ради бога давайте хотя бы чуточку посерьёзней! Официантку, кстати, Ксюшей зовут, я вас потом познакомлю, а подозрительной она вам кажется, только, потому, что вы ей явно нравитесь, вот она и старается обратить на себя ваше внимание!

В следующий момент я, не оглядываясь, крутанулся в левую сторону и распластавшись на диванчике в каком-то даже для себя немислимом броске, левой рукой поймал падающую с подносом девушку, а правой едва успел подхватить почти у самого пола и сам поднос.

— Простите, — с наигранным испугом пролепетала официантка, невинно хлопая длинными от природы ресницами и сидя непосредственно на моей левой руке, почему я, собственно, и смог её хотя бы немного рассмотреть вблизи.

— В нашем кафе такие скользкие полы, а меня, кстати, Ксюшей зовут! — совсем некстати представилась девушка, не спеша, впрочем, слезать с моей многострадальной вытянутой руки, — Вот я и споткнулась, ой, то есть, в том смысле, что поскользнулась!

Не торопясь со своим ответом, я легонько, но выразительно подёрнул рукой, тем самым обозначая, что и любому мужскому долготерпению тоже иногда приходит, гм, конец. Будто спохватившись, Ксюша ещё раз на всякий случай ойкнула, перехватила у меня свой поднос и, сноровисто расставив принесённое горячие блюда, тут же убежала.

— А с каких это пор, разлюбезный Вениамин Михайлович, официантками ведомственного общепита подрабатывают мастера спорта по спортивной гимнастике? — поинтересовался я не без иронии, — такую изумительную координацию скрыть, знаете ли, очень трудно!

— А с каких это пор, Марк, — передразнил меня подполковник, — С каких пор инвалиды по зрению, пусть даже и второй группы, так чётко контролируют окружающее пространство? Такие таланты ведь скрыть, знаете ли, не менее трудно! А Ксения действительно является нашим сотрудником, правда, она не спортсменка, а из цирковых. Так вот, Марк, только не подумайте чего и поймите меня правильно, я ведь ничуть не сомневаюсь в корректности заключения медико-социальной экспертизы, однако же...

Безнадёжно вздохнув, мне всё-таки пришлось рассказать подполковнику краткую версию своей такой печальной, но очень даже жизнеутверждающей истории борьбы не столько за угасающее с каждым годом зрение, сколько за его замену другими органами чувств.

— Понятно, Марк, — задумчиво протянул подполковник, — Что-то из вами мне поведенного я, конечно же, уже знаю из материалов собранного на вас досье... Да не морщитесь так, вы же взрослый человек, Марк! Я продолжу, что-то я уже знал, но теперь, вместе с тем, что узнал ещё и от вас, у меня наконец сложился ваш цельный портрет. Второй вопрос...

Мой собеседник или, скорее уже собутыльник, отвлёкся на пополнение наших рюмок.

— Итак, Марк, второй мой вопрос является логическим продолжением первого. Скажите, пожалуйста, Марк, а какой временной период, с точки зрения альтернативной истории, привлекает вас больше всего?

— О, Господи! — теперь взмолился уже я, — Вениамин Михайлович, а вам не кажется, что постановка ваших вопросов слишком сильно напоминает, простите уж, самую заурядную анкету обычного социологического опроса? Нет, в самом деле!

— Вы это серьёзно, Марк? — растерялся Тарасов, — Неужели это так заметно? Видите ли, я ведь в своё время пришёл в органы как раз прямо с кафедры социологии одного из наших педагогических вузов. Однако же, давайте вернемся к моему опро..., тьфу ты, вопросу!

— Ну, за солидное мужское молчание пить, я уверен, вы мне сегодня не позволите, а потому я скажу просто, ваше здоровье, Вениамин Михайлович, горячее стынет!

И вновь я не почувствовал вкуса водки, и вновь мы угрюмо закусывали, и вновь я хрумкал нечто непонятное, меня никак не тянуло на откровенность, а Тарасов всё больше мрачнел.

— Ладно, товарищ учёный консультант! — недвусмысленно потянулся я к графинчику с не менее мрачной, чем гримаса Тарасова решимостью, — Вениамин Михайлович, вы ведь от меня ждёте, чтобы я вам указал период так называемого позднего застоя? Причём, вы ведь

уже давно просчитали меня по содержанию моих статей и прекрасно понимаете, что как маркетингового аналитика меня интересует именно период всеобщего дефицита товаров народного потребления. Всё верно, Вениамин Михайлович, практически идеальная среда для любого автора учебной литературы по экономике. Вот вы меня сегодня чуть ли не в начётничестве обвинили. Было такое дело, Вениамин Михайлович? Было-было, товарищ учёный консультант, было! А хотите, я вам ещё одно определение из бездонного чердака моей памяти зачитаю? Поверьте, это очень занимательно! Ну так слушайте: «структура рынка, описывающая идеализированное состояние рынка, когда отдельные покупатели и продавцы не могут влиять на рыночную цену в одиночку, но формируют её своими суммарными вкладами в рыночный спрос и в рыночное предложение. Другими словами, это такой тип рыночной структуры, где рыночное поведение продавцов и покупателей заключается в приспособлении к существующим рыночным условиям». Каково? Вам это ничего не напоминает, а, товарищ учёный консультант?

— М-да, Марк, — восхитился Тарасов, — Как там про ваш, простите, чердак, сказал в своё время один любитель трубочного табака и скрипичной игры: «Человек должен держать маленький чердак своего мозга полным того, что может срочно понадобиться, а остальное убрать в просторный чулан своей библиотеки, откуда может его достать, когда пожелает». Но какое странное определение эпохи товарного дефицита в СССР у вас, Марк! Правда, с той оговоркой, что всё это говорится исключительно о теневом рынке ТНП в Союзе.

— Вообще-то, товарищ учёный консультант, это определение совершенной конкуренции, которое принадлежит одному американскому экономисту и лауреату Нобелевской премии Джорджу Стиглеру. Иногда это называется ещё и чистой или свободной конкуренцией.

— Вот даже как! Тогда у меня третий вопрос, Марк. Ваш профессиональный интерес мне теперь вполне понятен, а как вы относитесь к эпохе застоя, вообще?

— Вениамин Михайлович, помилуйте, я вообще не отношусь к эпохе застоя! Я тогда ещё просто не жил, мне ведь, сами знаете, в этом году только двадцать шесть лет стукнуло. А если серьёзно, то моё отношение лучше всего отражает одно из определений этой эпохи: «время в развитии Советского Союза, характеризующееся относительной стабильностью всех сфер жизни государства, достаточно высоким уровнем жизни граждан и отсутствием серьезных потрясений». Как-то так, Вениамин Михайлович!

— Ох, Марк! Послушал определение эпохи застоя в вашем изложении и сразу вспомнился анекдот тех ещё советских времён. Ну, значит, воспитательница в детском саду говорит детям, типа, дети в Советском Союзе живут в прекрасных квартирах, дети в Советском Союзе хорошо кушают и красиво одеваются, у всех детей Советского Союза куча разных игрушек... И тут Вовочка расплакался: — Хочу в Советский Сою-у-уз! Короче, Марк, мне после ваших слов захотелось вернуться в эпоху застоя!

— А что, Вениамин Михайлович, вам разве не хотелось бы вернуться в те годы? Это ведь ваше время, ваша молодость! Вот мои родители частенько с теплом вспоминают те годы. А бабушка так и вообще сырость разводит, как только начинает вспоминать...

Не спеша с ответом, Тарасов достал сигарету из лежащей перед ним пачки и, всё так же молчаливо испросив моего согласия, чиркнул явно дареным золотым «Ронсоном». вкусно затянулся и, ещё некоторое время щурясь и задумчиво попыхивая, смотрел на меня.

— То же самое, Марк, я хотел бы для начала спросить у вас! — как-то внезапно по-еврейски разродился Тарасов, — Только ради бога не спешите с ответом, Марк, от вашего

ответа в нашей сегодняшней беседе будет зависеть очень и очень многое.

Мысли в голове к этому моменту уже роились что спутники Юпитера. Сколько их там? Вроде около восьмидесяти, то есть, раз в десять больше, чем планет в солнечной системе. Опять меня не туда заносит, вот же шорт побереьи! Ближе к телу надо думать, ближе! Чего ради он эту тему вообще поднимает? Не из праздного любопытства же, фирма у него для этого уж чересчур серьёзная. Вот только тема какая-то более чем не серьёзная для такой серьёзной организации. И почему это в голову опять лезет Артур наш Конан Дойл? Как там у него: «Если исключить невозможное, то, что останется, и будет правдой, сколь бы невероятным оно ни казалось». Нет, ну не на должность же маркетингового аналитика эпохи всеобщего дефицита он хочет меня пригласить! Нет, бред, бред и ещё раз бред!!!

— Знаете, товарищ учёный консультант, — медленно заговорил я после столь длительного внутреннего монолога, — Коль уж мы с вами сегодня так часто поминаем бедного Конана, который Дойл, думаю, совершенно к месту будет вспомнить ещё одно его высказывание: «Никто не понимает истинного значения того времени, в котором он живет. Старинные мастера рисовали харчевни и святых Себастьянов, а Колумб на их глазах открыл Новый Свет». Это я к тому сказал, что меня вполне устраивает и то время, в котором мы с вами сегодня живём... Но, тем не менее, я отвечу вам — да, да и ещё сто раз да! Ваше здоровье!

Тарасов абсолютно спокойно, по крайней мере, внешне, выслушал мой ответ, и, также как и я не чокаясь, поскольку было уже, ясен пень, не с кем, опрокинул и свою рюмку. После чего быстро оглянулся и подался ко мне, нарушая все мыслимые и немыслимые пределы моего личного пространства.

— Марк, страшные подписки о неразглашении государственной тайны давайте оставим для дешёвых шпионских боевиков, соответствующие статьи действующего законодательства в нашей стране пока никто ещё не отменял! Но, как говорится, находясь при исполнении своих прямых служебных обязанностей в не совсем трезвом уме, но твёрдой памяти, я вам ответственно заявляю, возможность такого переноса личностной матрицы у нас есть!

[i] Цитата из 5-серийного советского телефильма «Место встречи изменить нельзя», снятого режиссёром Станиславом Говорухиным по сценарию Аркадия и Георгия Вайнеров в 1978–1979 годах на Одесской киностудии.

Отступление, в котором один нижестоящий начальник отчитывается перед одним вышестоящим

Начальнику научно-технической службы в
Службе федеральной безопасности России
генерал-полковнику Метизову А.А.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что, как и было оговорено сегодня ранее, в 20 ч. 05 мин. в нашем служебном кафе на улице Горького я встретился с кандидатом Селиным Марком Юрьевичем и имел с ним продолжительную плодотворную беседу.

В ходе состоявшегося с указанным кандидатом разговора были выявлены крайне важные дополнительные детали личного плана, отсутствующие в собранных материалах его личного дела и характеризующие его как, возможно, слишком уж амбициозного молодого человека, мотивации которого никак не связаны с патриотическими устремлениями.

В то же время, кандидат полностью подтвердил состоятельность всех наших предыдущих выводов в части сущности этих амбиций, которые сводятся у него не к вертикальному, а к горизонтальному типу профессионального карьерного роста, в отличие от его культурных интересов, которые у кандидата специфически сужены.

Нетипичную для двадцатилетнего молодого человека увлечённость определёнными элементами культурной жизни семидесятых годов, включающих в себя в основном песни, музыку, фильмы и литературу тех лет, я связываю, прежде всего, с его ярко выраженным эскапизмом и стремлением выделиться из безликой серой массы современной молодёжи.

Через несколько минут, т. е. в 22 ч. 00 мин. в этом же ведомственном кафе мною назначена встреча с ещё одним проживающим в Рязанской области кандидатом Князевым Виталием Витальевичем, детали личного дела которого вызвали профессиональный интерес наших технических консультантов и выдержки из которых я перешлю вам вместе с отчётом по результатам проведённой сегодняшним вечером встречи.

Старший учёный консультант и куратор проекта 630, доктор социологических наук, профессор, подполковник Тарасов В.М. — (подпись неразборчива) 11 сентября 2020 года

Глава третья, которая знакомит с одним из главных героев, привыкшим паять и починять

Тарасов как раз уже почти заканчивал печатать очередное отчётное донесение начальнику научно-технической службы, когда к нему подошла чем-то очень расстроенная Ксения без кокетливого наряда официантки, успевшего до чёртиков надоесть ей за этот вечер, из-за чего она и держала его небрежно перекинутым через локоть левой руки.

— Что ещё там у тебя стряслось, Ксюш? — не поднимая глаз от экрана ноутбука, задал, как ему совершенно справедливо казалось, риторический вопрос подполковник, — Униформу ты, кстати, поторопилась снять. С минуты на минуту к нам с тобой должен подъехать ещё один кандидат. Так что, лейтенант Стасова, кругом и одеваться! Покой нам только снится!

Задохнувшейся от возмущения Ксюше только и оставалось, что не по-уставному топнуть ножкой и пойти выполнять приказ своего непосредственного начальства в лице родного, но абсолютно ничего не понимающего дяди, который сегодня просто таки напросто таки, видите ли, забыл познакомить её с крайне понравившимся ей молодым человеком.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — поприветствовал Тарасова подошедший к его столику почти строевым шагом второй, ожидаемый им сегодня кандидат, — Я не опоздал? А то, вроде бы поздний вечер, а пробки в Рязани ажно от самого Тырново тянутся!

Перед любопытным взором Тарасова предстал слегка запыхавшийся русоволосый парень среднего роста, точный возраст которого из-за окаймляющей его лицо окладистой бороды и усов, визуальнo было трудно определить даже такому опытному социологу как Тарасов.

— Ну здравствуйте-здравствуйте, молодой человек! Виталий Витальевич Князев, если не ошибаюсь? По паспортным данным вам только двадцать шесть лет, а по виду ведь и все пятьдесят шесть. Бороду хотя бы сбрить не пробовали? Да вы садитесь, и давайте-ка без чинов! Меня, если помните из телефонного разговора, зовут Вениамин Михайлович. Для облегчения достаточно сложной темы нашего предстоящего разговора предлагаю чего-нибудь выпить за знакомство. Вы что предпочитаете, Виталий, в это время суток: виски, коньяк или может быть лучше просто нашей русской водочки под селёдочку?

— Добрый вечер, Вениамин Михайлович! — плюхнулся с видимым удовольствием парень на предложенное ему место на диванчике, — В это время суток я предпочитаю рубиться во что-нибудь типа Мира танков или, на худой конец, Доту. Да много их, на самом деле, тех компьютерных игр, которые я люблю. А насчёт выпить... Что ж, не любитель я, конечно, этого дела, но если для дела, то лучше текилу. Она мне любимый самогон напоминает.

— О, да вы играете в Доту, Виталий? — с радостным воодушевлением зацепился Тарасов за название одной из немногих знакомых ему игр, — Это не там, случайно, где две команды, тёмная и светлая, по пять человек в каждой с разными способностями и умениями?

— Там, Вениамин Михайлович, там! — насмешливо кивнул ветеран компьютерных игр, — Только «там» ведь много самых различных версий, даже многопользовательских. Кое-кто считает её одной из самых крутых компьютерных игр современности. Туева хуча наград и статус, так называемой, киберспортивной дисциплиной с призовыми фондами

турниров, иногда достигающими нескольких миллионов долларов!

— Да что вы говорите, Виталий! — всплеснул руками Тарасов, неужто и, правда, миллионы долларов? Тогда простите меня, пожалуйста, Виталий, за не совсем скромный вопрос...

— Вы хотели бы меня спросить, Вениамин Михайлович, — усмехнулся откинувшийся на спинку дивана парень, — А сколько лично я заработал на этой игре? А нисколько! Точнее, продал как-то кое-что по мелочи на торговой площадке, но это же, не участие в турнире.

— Ксюша, — ласково обратился Тарасов к подошедшей хмурой официантке, — Водочка у меня ещё осталась, а для нашего гостя организуй, пожалуйста, бутылочку текилы, если можно. У тебя, там, в баре Ольмека или хотя бы Сауза не найдётся?

— Не, «Хулио»! — недовольно буркнула под нос всё ещё дующаяся на своего дядю Ксюша.

— Ксения!!! — рявкнул побагровевший дядя, привставая и расстёгивая ремень штанов, поскольку называл так свою с детства воспитываемую им племянницу только, когда хотел хорошенько попугать её ремнём за особо крупные проступки, — Что ты себе позволяешь?!

Ну и нравы же у них в этом СФБ, ошарашено подумал растеряно озирающийся молодой человек. Нет, всякое мне, конечно рассказывали, но чтобы такое... Или это такой хитрый тест по поводу проверки моей стрессоустойчивости? Вопросы, вопросы, вопросы...

— Я всего лишь сказала, что у нас осталась только текила марки «Дон Хулио», — чуть не плача взмолилась Ксюша, — Но она у нас гораздо дороже, Вениамин Михайлович! Вы не против «Дона Хулио», молодой человек? И что желаете на закуску к «Дону Хулио»?

— Ах вот оно чё, Михалыч! — мгновенно успокоился Тарасов. — Что ж ты сразу нам это не сказала, Ксюша? Только всё равно ты меня позоришь, как ни крути. Я же обещал нашему гостю бесплатное угощение за государственный счёт. Выходит, ты и государство в моём лице выставляешь в неприглядном свете, а, Ксюх? Виталий, вы любите «Дона Хулио»?

— Эх, — отчаянно махнул рукой означенный Виталий, — Попадёшь к вам в дом, научишься пить всякую гадость![i] Ладно, Вениамин Михайлович, «Хулио», так «Хулио». А на закуску мне, пожалуйста, мою любимую яичницу. Я всегда её у друга ем, как в Рязань приезжаю, вот и подсел конкретно, как на наркотик какой. А к яичнице двойной гарнир из макарон, пожалуйста. Это у меня такая ностальгия по пацанской молодости. И да, вот ещё что, этот «Хулио», надеюсь, без червяка на доньшке? А то я эти ваши богатые причуды не люблю!

— В текиле, молодой человек, червяков не бывает, — поучительно изрекла Ксюша, — это же такая исключительно мескальская фишка, а мескаль... Вы знаете, что такое мескаль?

— Ой, — развёл руками Князев, — Не знаю, просвятите меня тёмного, пожалуйста. Ксения! И объясните мне наконец чем они отличаются между собой, эти мескаль и текила!

— Ну, — с готовностью начала Ксюша, — Текилу делают из сока одной агавы, а мескаль из сока другой агавы. В общем-то, технологии их производства очень похожи. Текилу можно назвать мескалем, но не всякий мескаль при этом можно назвать текилой. Как-то так!

— Объяснила, что называется! — укоризненно взглянул на неё Тарасов, — Ты ещё разве не поняла, Ксюш, что тебя развели как классическую фольклорную блондинку? Сей молодой человек, между прочим, у себя в Тырново мини-завод по розливу алкогольных напитков построил, а очередь на его элитную русскую текилу с мотылём на доньшке московские и

питерские рестораны занимают за три месяца вперёд. Беги за «Хулио», «просто Ксения»!

Мгновенно вспыхнувшая как маков цвет стройненькая кареглазая шатенка, а вовсе даже и не блондинка, как по-родственному обозвал её подполковник, быстро сунула в кармашек передника блокнот с заказами и тут же убежала куда-то в подсобные помещения, нервно отстукивая своими маленькими каблучками арию Царицы ночи из «Волшебной флейты».

— С мучным червём, а не с мотылём! — недовольно проворчал Князев, — Его ведь даже в Европе признали безопасной пищей. Это такая личиночная форма мучных хрущаков...

— М-да? — с сомнением переспросил Тарасов, — Ну не знаю, по мне хоть с опарышем, я всё равно в этом не разбираюсь! И, вообще, я же не в санэпидемстанции работаю или где там!

— Тогда для чего же вы меня сегодня пригласили, товарищ подполковник? — не сдержался не прекращающий нервничать Князев, — Или всё-таки тырновский волк мне товарищ? Я, честно говоря, сомневаюсь, что вы пригласили меня иначе, чем для того, чтобы допросить в эдакой непринуждённой обстановке. Служба в СФБ? Ой, бога ради, только не делайте мне смешно, дядя Беня, я ить языками заморскими или приёмами хитрыми не владею...

— Прекратите паясничать, Князев! — гаркнул вновь покрасневший Тарасов, от души бухая кулаком по столу, ибо по причине позднего времени в служебном кафе уже не оставалось других посетителей, — Мы вас только на один месяц от силы хотим привлечь...

Обиженно надувшая губки Ксюша, храня молчание оскорблённой невинности, подошла к их напряжённо замолчавшему столу, всё так же молча, но с откровенно демонстративным стуком, выставила с принесённого подноса ни в чём ни повинного «Дона Хулио» и всё так же молча уцокала за стойку давно удравшего домой бармена.

Какой же всё-таки тяжёлый день, подумал Тарасов, насуплено разливая содержимое уже до отвращения потеплевшего графинчика и с трудом открытой им бутылки текилы.

— Так значит всё-таки привлечь? — упавшим голосом спросил Князев, — А можно тогда полюбопытствовать, по какой хотя бы статье? А то ведь знаете, я книжки про шпионов в таких ярких дешёвеньких обложках иногда почитываю, а там...

— Да вы что, сговорились тут все в Рязани, что ли?! — взревел и без того не обладающий какой-то особой профессиональной выдержкой Тарасов, — Впрочем, это даже к лучшему, поскольку только доказывает схожесть ваших ментальных моделей. Вы мне, пожалуйста, Виталий, простите мою несдержанность и не относите её на свой счёт. Предлагаю выпить за наше отнюдь не случайное знакомство и начать наш разговор заново!

— Ну, за знакомство! — с энтузиазмом согласился явно повеселевший Князев, облегчённо запрокидывая голову с классическим гранёным стаканом, предоставленным мстительной Ксюшей вместо более традиционной для текилы высокой и узкой «лошадки» кабальито.

Несмотря на по-настоящему тяжёлый во всех отношениях вечер и предшествовавшую ему не менее напряжённую неделю, равно как и сегодняшней двойной эмоциональный срыв, настроение Тарасова, также как и приглашённого им молодого человека, стремительно улучшалось. Улучшалось не из-за обманчивого действия изрядно принятого им алкоголя, а из-за никогда не обманывавшего его ощущения верности избранного им направления.

— Скажите, Виталий, — наигранно бодро начал Тарасов, следуя уже хорошо выверенной им тактике, — Чем объяснить вашу любовь к исторической реконструкции

радиотехнических, радиоэлектронных и, вообще, любых технических устройств семидесятих годов? Нет, мне понятно, когда увлечённые люди находят, ремонтируют или даже чуть ли не воссоздают с нуля технику девятнадцатого, ну, может быть, начала двадцатого века. Но семидесятые?! Что же такого притягательного для вас таится в технике данного временного периода?

— А давайте-ка, Вениамин Михайлович, пропустим ещё по стопарику, а? — раздухарился открывший второе дыхание Князев, — Понимаете, я ведь обычно только после четвёртой закусываю и только любимой яичницей с двойным макаронным гарниром, о чём, впрочем, я вам уже сегодня говорил. Однако, есть хочется, яичница моя стынет, а мы с вами до сих пор по первой только едва осилили. Ну, Вениамин Михайлович, за понимание!

— Ну а по поводу исторической реконструкции, — продолжил Князев, — Так я её терпеть не могу, если по чесноку! Вы удивлены? Ничего удивительного, если особенно учесть тот факт, что всю эту радиоэлектронную хрень мне пришлось поначалу самым натуральным образом из-под батиной палки изучать, да ещё и на основе только тех радиоэлектронных компонентов, которые были под рукой в то время дома, то есть, запасов советского ещё периода. Батя, которого, кстати, тоже, как меня и деда, Виталием звать, сначала заставил научиться паять, затем задолбал подколками типа, чем отличается резистор от кондёра, после чего я снабдил полшколы простейшими конденсаторными электрошокерами, ну а после радиохулиганского опыта, стробоскопов и прочей цветомузыки я и сам незаметно подсел на иглу этого нехорошего дела. Ну, за разум!

— Да вы уж закусите, Виталий! — с жалостью попросил Тарасов своего собеседника, видеть сморщенное после текилы, соли и лимона, лицо которого ему было, и впрямь, нелегко.

— Нет, тащ подполковник!!! — прохрипел тот осипшим от подсунутого Ксюшей ядерного лимона голосом, — Один раз поступишься жизненными принципами и пиши пропало! Ибо четвёртая заповедь Летающего Макаронного Монстра гласит: «Лучше бы ты не позволял себе действий, неприемлемых для тебя самого...»

— Вы же русский, Виталий! — гневно прервал собеседника с определённой порой верующий и даже некоторым образом волею своей жены воцерковлённый Тарасов, — Как вы можете смеяться над верой наших отцов и дедов, исповедуя эту гнусную ересь?!

— Если уж на то пошло, уважаемый господин учёный консультант, — язвительно отбрил его всё тем же осипшим голосом очередной кандидат, — То наши деды верили в своих родных славянских богов, а не в насаждаемого греками обрезанного еврея! Нет-нет, Вениамин Михайлович, не надо мне преждевременно шить статью за национальный экстремизм! Я с должным пиететом отношусь как к вполне гигиеническому обряду обрезания, так и к богом избранному, как они сами считают, народу... Кстати, товарищ учёный консультант, вы не подскажите, а то я запомнил, как называется идеология превосходства одного народа над другими?

— Нацизм, — совершенно машинально ответил Тарасов, — Стойте-стойте, Виталий, звон вас куда занесло! Ещё немножко и двести восьмидесятую, а то и двести восемьдесят вторую статью за национальный экстремизм будут с вашей лёгкой руки шить уже мне! Впрочем, давайте лучше продолжим. Вот вы рассказали про свои электрошокеры, радиохулиганство и, кажется, про дискотечное оборудование. Ну а что же было потом, Виталий?

— Ну а потом, — продолжил Князев уже практически нормальным голосом, для чего

ему всё-таки пришлось, нет, не закусить, а выпить четвёртую, а уж после этого закусить, — А потом появились оплачиваемые заказы на ремонт старой техники. Сначала от бабулек с дедульками в нашей деревне, затем от разных производственных предприятий, в которых до сих пор продолжает работать советская и импортная техника тех лет, а с недавних пор и зарубежные заказы посыпались. С крупными сервисными центрами мне тягаться кишка тонка, а в своей маленькой нише я чувствую себя как губернатор где-нибудь на Камчатке. В теории конкурентной борьбы такая стратегия называется стратегией концентрации или фокусировки. Это мне мой товарищ маркетолог сказал, который здесь в Рязани живёт.

— О, ещё один товарищ маркетолог? — улыбнулся Тарасов сегодняшним воспоминаниям, — Это уже становится даже интересно. А его часом не Марком зовут? Такой немногим выше среднего роста, но, гм, несколько пониже меня?

— Да нет же, — отмахнулся Князев, — Мой друг скорее среднего роста. Ну, может быть, немногим чуть повыше меня. Мы с ним в школе вместе учились в одном классе, и как-то сошлись на почве увлечения фантастикой, которую читали запоем с класса этак с пятого. Техникой мы тоже вместе увлекались, но впоследствии он отошёл от неё, а я вот нет...

— Простите, Виталий! — прервал его Тарасов, не преминувший воспользоваться случаем, чтобы зацепиться за очередную веху в плане намеченного им разговора, — Вот вы сказали о своём давнем увлечении фантастической литературой. А какие жанры в ней вам больше всего нравятся? Ну там, фэнтези, научная фантастика, боевая, социальная, любовная...

— Ну вы и скажете тоже, любовная! — с не наигранным отвращением фыркнул Князев, — За кого, Вениамин Михайлович, вы меня, собственно, принимаете? Не подумайте чего, я, как бы это помягче сказать, не заднеприводной, но даже женских авторов, как и многие другие мужчины, терпеть не могу. Всё остальное из упомянутого вами списка, конечно, тоже читаю, если что хорошее попадает, но чаще всё же предпочитаю почему-то не названную вами альтернативную историю. А между тем, она давно уже, и не только по моему мнению, выродилась во вполне самостоятельный жанр. Вы так не находите?

Словно объевшийся свежей домашней сметанки деревенский кот, донельзя довольный ходом складывающейся беседы Тарасов откинулся на спинку диванчика и, испросив соответствующего дозволения, блаженно затянулся всего лишь второй сигаретой за вечер, так как за этим строго следила его снова куда-то запропастившаяся родная племянница.

— Вполне возможно, Виталий, вполне возможно! — пыхнул сизым колечком Тарасов, — Но я, откровенно говоря, в этом не особенно-то и разбираюсь, знаете ли. Вот с исторической точки зрения, как психосоциолог, профессионально интересующийся долговременными тенденциями развития нашего общества, это да! А скажите-ка мне Виталий, какой период и какая страна вам наиболее интересны в сюжетах по альтернативной истории?

— Странный вопрос, Вениамин Михайлович! — возмутился непонятливостью собеседника Князев, — Ну скажите мне, если я буквально помешан на технике эпохи, что называется, развитого социализма и всеобщего дефицита, о чём мне с детства так долго талдычил мой батя, то какой тогда исторический период и страна мне наиболее всего интересны, как вы думаете? Неужто средневековая Кирибати, простите за выражение?

— А почему бы и не Кирибати? — мечтательно улыбнулся Тарасов, — Вы даже вообразить себе не можете, Виталий, какая же там рыбалка, какая рыбалка! Эх, ну да ладно, ближе к делу, поскольку вы, насколько мне известно, даже близко не рыбак. И незачем так

ехидно улыбаться, Виталий, специфика работы нашего ведомства как раз и состоит в постоянной работе с персональной информацией, поймите правильно!

— Проехали! — досадливо буркнул Князев, — Да всё я понимаю! Просто, одно дело, когда кино какое-нить про их хитрых шпионов и наших умных разведчиков смотришь, и совсем другое дело, когда узнаёшь о том, что и тебя изучают под микроскопом спецслужб. Но я надеюсь, что до скрытых камер в ваннах и туалетных комнатах ещё не дошло? Нет, не то чтобы я сильно стеснялся своей личной гигиены или дефекации...

— Молодой человек!!! — взревел раненым сибирским медведем Тарасов, вновь от души громыхая пудовым кулаком по многострадальному столу, — Вы мне тут не забываетесь!

— Во-во, — грустно заметил «молодой человек», — Вы забыли добавить, мол, колись, сука!

О боже, печально подумал Тарасов, опять начинать сначала. Эти современные подростки, к которым Всемирная организация здравоохранения ООН скоро будет относить и этого двадцатилетнего парня по какой-нибудь из очередных возрастных классификаций, такие ершистые, что даже не знаю, с какой стороны к ним и подступиться!

— Виталий, — устало взглянул на него Тарасов, — Давайте наконец поговорим серьёзно! Я ведь сижу с вами здесь поздним вечером в конце тяжелой недели и в двухстах километрах от своего московского дома совсем не потому, что мне там не с кем выпить и поговорить, что называется, «за жисть». Совсем нет, Виталий, от слова «совсем». Буду откровенен, за этот вечер мне надо поговорить с вами именно для того, чтобы понять, что же скрывается за вашими колючками, понять вас именно с человеческих позиций, потому как собранные на вас данные, как вы, надеюсь, понимаете, не дают такого представления. После этого я буду должен сделать или, соответственно, не сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться по причине его крайней привлекательности. Затем, мне придётся ещё подготовить и отправить руководству нудный отчёт о проделанной за день работе и уж только после всей этой хрени я смогу поехать домой. А это, как вы знаете, ещё не менее трёх часов по ужасным рязанским дорогам да по ночной поре. Да что говорить, Виталий, гляньте-ка на барную стойку! Ага, узрели, кто это там уже так сладко спит? Да-да, это — Ксюша! Она тоже работает почти без выходных, с раннего утра и до позднего вечера...

— Ну знаете, Вениамин Михайлович, — метнул свой возмущённый взгляд Князев с мирно спящей на барной стойке Ксюшиной головки на учёного консультанта, — Это уже можно расценивать как удар ниже пояса! Тем не менее, я готов ответить на все, ну или почти все, ваши вопросы. Только, Вениамин Михайлович, если хотите по-человечески, то давайте-ка без ваших психологических штучек! Это, я уверен, сэкономит, прежде всего, ваше время.

— Ну хорошо, — горестно вздохнул Тарасов, — В лоб, так в лоб! Скажите, Виталий, когда вы сразу же после Рязанского колледжа электроники проходили службу в Забайкальском военном округе, вас там быстро заметили и привлекли к службе в одном из инженерно-технических подразделений общевойскового полигона Цугол. Как это произошло?

— Как, как... — пробормотал Князев, отводя смущённый взгляд, — Да каком кверху! В том смысле, что в силу присущего мне природного любопытства, я излазил там всё что можно и то, куда мне вообще нельзя было нос совать. Знаете, какое у меня там было погоняло?

— Вы, наверное, имеете в виду полученную там от своих сослуживцев кличку? — с самым живым интересом спросил крайне недолголюбивающий современный молодёжный сленг Тарасов, — Ну и какую же вы, Виталий, там получили кличку?

— Кличку! — презрительно фыркнул Князев, — Да что я вам, собака какая-нить, что ли? Тогда уж лучше кликуху. А называли меня там «Интересный», во как! Потому как всем на том, кстати, на самом деле, технически очень интересном полигоне интересовался.

За барной стойкой вдруг простонала во сне что-то жалобное Ксюша. Простонала, подняла слегка взлохмаченную голову с помятой щекой, посмотрела на собеседников мутными ото сна глазами и уронила на скрещенные руки уже другую щеку, пробормотав при этом что-то нецензурное, но так инее распознанное высокими договаривающимися сторонами.

— Да, Виталий, — оглянувшись на Ксюшу, понизил голос Тарасов, — Я читал служебные донесения особистов вашей воинской части по этому поводу. Повезло вам, что на дворе, слава богу, не тридцать седьмой год, иначе быть вам китайским шпионом!

— Бр-р-р! Что верно, то верно, Вениамин Михайлович, — передёрнулся Князев с нервным смешком и повторил как эхо, также понижая громкость своего, надо сказать, чересчур уж слишком громкого для обезлюдевшего кафе голоса, — Хорошо, что на дворе не тридцать седьмой год, тащ подполковник!

— А какой же тогда год вы хотели бы видеть на дворе? — с преувеличенно безразличным видом поинтересовался Тарасов, — Нет, я, разумеется, запомнил, что вам нравятся сюжеты альтернативной истории про семидесятые, но это ведь не обязательно подразумевает ваше несбыточное желание жить в семидесятых годах, не так ли, Виталий?

— Но почему бы и нет? — вполне искренне удивился Князев, — Расцвет социализма, а по сути, и самого настоящего коммунизма! Смешные цены, уверенность в завтрашнем дне, отсутствие безработицы и вяло текущая, а не скачущая галопом инфляция, по-настоящему бесплатное образование, бесплатная медицина и нормальный пенсионный возраст... Что ещё нужно человеку, чтобы встретить старость[*ii*]?

— Мне тоже за державу обидно[*iii*], Виталий! — усмехнулся Тарасов, поднося палец к губам и ещё больше понижая голос, — У меня ведь жена с семидесятого года рождения, вот ведь незадача какая, и пенсия ей теперь не скоро светит. У самого-то такой проблемы нет, как вы понимаете, выслуга лет и всё такое прочее. Короче, я бы мог выйти на пенсию ещё лет так двадцать назад, хотя мне сейчас только пятьдесят шесть лет... Ладно, как говорится, замнём для ясности! С этим мне теперь тоже всё понятно. А какая техника этого периода и почему привлекает вас больше всего? Мне это интересно как современнику той эпохи.

— Хм, — призадумался Князев, — Какая техника? Да хрен его знает, товарищ майор, ой, простите, товарищ подполковник, присказка такая у меня дурацкая абсолютно не к месту выскочила! А вообще говоря, Вениамин Михайлович, я люблю возиться с устройствами автоматики и вычислительной техники тех лет. Она какая-то более прозрачная и понятная, что ли. Современную компьютерную технику в наши дни почти нереально ремонтировать в домашних условиях, если только не менять платы целиком. А уж глянуть в схему может себе сегодня позволить только шибко крутой спец либо какой-нить конченный мазохист.

— Ну а как же ваш дипломный проект при сдаче экстерната в Рязанском государственном радиотехническом университете, где вы не проучились и дня? Разве вы не представили им на защите спроектированный вами и собранный своими же руками компьютер, Виталий?

Тарасов хотел было уже добавить по этому поводу какие-то несущественные технические подробности, но, вспомнив детали сегодняшнего разговора, вдруг неожиданно рассмеялся и постарался пояснить интервьюируемому кандидату суть своего вопроса, — Я, правда, не очень-то в этом и разбираюсь, как гуманитарий, но что такое компьютер вполне могу себе представить, Виталий. Я к тому, что наговариваете вы на себя, ой наговариваете!

Вместо ответа Князев сначала поднял глаза к потолку и, очень выразительно вздохнув, молча полез в сумку, откуда выудил на свет божий Защищенный планшетный компьютер промышленного назначения. Затем всё так же молча дождался завершения всех стартовых процедур и, открыв нужную папку, показал Тарасову фотографию странного устройства.

— Что это, Виталий?! — изумлённо прошептал тот, едва только рассмотрел снимок.

— Это? — как бы очнувшись переспросил Князев, крайне неохотно отрываясь от фото, на которое он смотрел с немым обожанием, — Портативный релейный компьютер с открытой Фон-Неймановской архитектурой и четырьмя ручками для более комфортной переноски!

— Можете не объяснять! — махнул рукой Тарасов, — Всё равно ни хрена не пойму! Однако, что такое реле, даже я знаю из курса физики седьмого класса советской школы. Но что же это такое получается, Виталий, да вас можно хоть сейчас забросить в ваши семидесятые и вы бы там не потерялись, ей-богу не потерялись бы!

— Ну не знаю, — скромно потупившись, мотнул подбородком Князев, — Да мне вообще-то и в нынешние двадцатые годы двадцать первого века неплохо, Вениамин Михайлович. С одной стороны, я абсолютно свободен перед нынешним временем от каких бы то ни было обязательств, включая и брачные, а с другой стороны, Всё ведь зависит от цены вопроса! Вы же хотите предложить мне участие в каком-то проекте, так или иначе, но связанным с перемещением во времени, я правильно вас понял, тащ подполковник?

И молодой человек ехидно глянул на опытного психолога Тарасова хитрющими глазами.

[i] Перефразированная цитата из советского мультипликационного фильма «Карлсон вернулся», снятого режиссёром Борисом Степанцевым по мотивам второй части трилогии Астрид Линдгрэн «Малыш и Карлсон» в 1970 году.

[ii] «Хорошая жена, хороший дом, что еще надо человеку, чтобы встретить старость?» — цитата из советского художественного фильма «Белое солнце пустыни», снятого в 1970 году режиссёром Владимиром Мотылём на производственной базе студий «Мосфильм» и «Ленфильм» по сценарию Рустама Ибрагимбекова и Валентина Ежова.

[iii] Там же.

Отступление, в котором один нижестоящий начальник отчитывается перед одним вышестоящим

Начальнику научно-технической службы в
Службе федеральной безопасности России
генерал-полковнику Метизову А.А.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что сегодня же, т. е. в пятницу 11 сентября 2020 г. после собеседования с кандидатом Селиным, в 22 ч. 00 мин. там же, т. е. в служебном кафе на улице Горького, я встретился с кандидатом Князевым Виталием Витальевичем и также провёл с ним предварительную и вводную беседу, которая завершилась в 23 ч. 55 мин. его согласием на участие в проекте 630.

Выписку из материалов личного дела данного кандидата с его полными биографическими данными я прилагаю, однако, как и в случае с кандидатом Селиным, хотелось бы обратить особое внимание на аналогичную специфику профессиональных интересов и увлечений кандидата Князева, которая также находится в смежной для проекта 630 области.

В ходе состоявшейся с данным кандидатом беседы, которая в отличие от такой же беседы с предыдущим кандидатом, проходила не в пример тяжелее, кандидат Князев потребовал за своё участие в проекте денежную сумму, намного превышающую сумму, на которую согласился предыдущий кандидат, но много меньше выделенного на эти цели лимита.

Таким образом, подводя итоги прошедшей недели, докладываю вам, что по состоянию на пятницу 18 сентября 2020 г. в группу специального назначения проекта 630 отобрано два кандидата, удовлетворяющих всем его требованиям, прошедшим контрольные интервью и изъявивших своё согласие на участие в серии темпоральных экспериментов.

Предварительный состав группы специального назначения Проекта 630:

1. Селин Марк Юрьевич, 26 лет, Рязань, маркетолог-аналитик (личное дело прилагается).
2. Князев Виталий Витальевич, 26 лет, Тырново, техник (личное дело прилагается).

Старший учёный консультант и куратор проекта 630, доктор социологических наук, профессор, подполковник Тарасов В.М. — (подпись неразборчива) 11 сентября 2020 года

Глава четвёртая, которая знакомит с одним из главных героев, привыкшим исцелять

Эта деревня, гордо именуемая себя на въезде посёлком городского типа, Тарасову сразу чем-то не понравилась, как, впрочем, не понравилась бы ему и любая другая деревня на её месте, поскольку жителем он был изначально сугубо городским, не склонным к восторгам по поводу пасторально-буколических ландшафтов и самоотверженного копания в земле.

В очередной раз пожалев, что не взял в эту сегодняшнюю поездку свой служебный «УАЗ-Патриот», подполковник выскочил из личного «Лексуса ЛС» и, от души хлопнув его и без того проблемной дверью, замахал, для верности обеими руками, обгоняющему его по ещё более разъезженной соседней колее замызганному колёсному трактору.

Договорившись за смешные по столичным меркам двести рублей, Тарасов накинул конец буксировочного троса на фаркоп своей виновато помаргивающей машины, затем, кое-как очистив о порог грязные пижонские туфли, сел на водительское место и, отпустив рычаг стояночного тормоза, нетерпеливо подал трактористу условленный сигнал.

Сидящий же в своей высокой кабине тракторист, ни в коем случае не допуская роняющей его авторитет перед городским приезжим мирской суетности, не спеша сунул в рот какую-то отечественную сигарету без фильтра, размахисто чиркнул о коробок ярко пыхнувшую сквозь грязное заднее стекло спичку и, сделав пару затяжек, наконец-то тронулся с места.

Натужно взрыкнув, его когда-то голубой трактор неуверенно дёрнулся, изрыгнул из себя ключья серого дыма и, притворно завывая, потащил за собой японскую красавицу вдоль по главной деревенской улице, лишённой какого бы ни было намёка на наружную рекламу, которой обычно столь щедро наделены даже самые маленькие города.

Нужный Тарасову дом нашёлся, надо сказать, довольно быстро, ибо находился он в самой середине проезжаемой им на прицепе улицы, а точнее, на главной деревенской площади, если только так можно было назвать центральный деревенский пятачок, вокруг которого располагались центральный деревенский универмаг, или сельпо, сельская администрация, почтовое отделение и разыскиваемая им врачебная амбулатория.

Споро рассчитавшись с тут же забывшим про все свои деревенские понты и ускакавшим в сельпо радостным трактористом, Тарасов, насколько было возможно аккуратно, поставил свою машину недалеко от входа в амбулаторию, заодно подивившись крайне неуместной в этой сельской глубинке англоязычной вывеске «Ambulance», более соответствующей, по его мнению, скорой помощи, нежели врачебной амбулатории.

Да-да, именно на английском и без перевода на великий и могучий, который, впрочем тут же обнаружился, но уже гораздо ниже, слева от входной двери, на закрашенной изнутри стеклянной табличке, выписанный по трафарету мелкими золотыми буквами.

— «Министерство здравоохранения Российской Федерации», — с отрешённым от усталости удивлением прочитал по складам дальнозоркий в соответствии со своим немолодым уже возрастом Тарасов, потому как лезть за очками в барсетку счёл для такой бытовой мелочи совершенно излишним, — «Муниципальное учреждение здравоохранения Тихвинского района Ленинградской области «Врачебная амбулатория ПГТ Концы[і]».

На селе одни понты, это я попал в Концы, невесело подумал Тарасов, с некоторым трудом открывая дверь в неказистое одноэтажное здание, откуда на него с готовностью

пахнуло с детства знакомым каждому запахом типичного медицинского учреждения.

В «вестибюле», как уже механически, хотя и с явно ироничным подтекстом, отметил для себя Тарасов, к немалому его удивлению оказалось довольно много народа, в основном в возрасте, которые сидели и стояли, наполняя помещение непрерывным и неразборчивым гулом обменивающихся местными сплетнями жителей.

— Так может быть ты мне, Петрович, настойку какую пропишешь на спирту? — умоляюще канючил плюгавенький мужичонка, выскочивший, а может быть и вытуренный из дверей какого-то медицинского кабинета и натягивающий на себя всё время спадывающие с него штаны, — А то ить сам, небось, знаешь, чирей и заражение может дать!

— Скипидару под зад я те ща пропишу, Малинин! — гаркнула выглянувшая из приоткрытой двери мужская голова в лихо заломленном врачебном колпаке, — Мало не покажется! Ну а если покажется, то жену свою попроси, а она тебе точно даст, ты уж не сумлевайся!

Втянувший голову куда-то глубоко в трусы при одном только упоминании жены, мужик тут же быстренько ретировался под хохот зубоскалящей над ним деревенской толпы, а оглядевший коридор для оценки количества посетителей медик заметил чиновничьего вида крупного мужчину и, нахмурившись, уже полностью вышел из кабинета.

— Вы, вероятно, ко мне? Если из Комитета по здравоохранению, то лучше не утруждайте себя и не тратьте моего времени! В Питер я больше не вернусь, для меня это вопрос давно решённый и возвращаться к нему я не намерен! Да, я прекрасно понимаю, что медиков не хватает, но, во-первых, я не вирусолог, не инфекционист и даже не терапевт, хотя в этой глуши мне приходится заниматься и этим. Во-вторых...

— Ну что вы, что вы, Николай Петрович! — поспешно замахал руками Тарасов, — Я не имею никакого отношения к вашим комитетам, хотя ведомство интересы которого я имею честь представлять, тоже когда-то по своей организационной форме относилось к комитетам...

— Ну а к вам-то я тогда сейчас каким боком? — деланно изумился мужчина в светлой шапочке, которому не было нужды объяснять, какое ещё такое грозное российское ведомство когда-то тоже относилось к комитетом, — В ГРУ я больше не служу, э-э-э...

— Подполковник СФБ Тарасов Вениамин Михайлович, — негромко представился Тарасов, верно истолковав демонстративно-вопросительную заминку медика, — Старший учёный консультант и куратор одного из очень, я искренне надеюсь, до сих пор интересных для вас проектов в области психонейрофизиологического воздействия бинауральных биений.

— Пройдёмте в гинекологический кабинет! — после небольшой паузы решительно ответил врач, — На сегодня туда у меня вроде бы никто не записан. Наташа! Подмени меня на часок! Вам хватит этого времени, товарищ подполковник? Нет? Наташа, на пару часов!

— Признаться, не ожидал, Николай Петрович! — только что и смог вымолвить через минуту Тарасов, оглядывая расставленный в достаточно просторном кабинете богатый, насколько он мог судить, комплект современного гинекологического оборудования, — Неужели, у вас все кабинеты так оборудованы? Где ж вы такого сердобольного спонсора-то нашли?

— Ну что вы, Вениамин Михайлович! — отмахнулся уже явно польщённый медик, — В наши дни таких спонсоров днём с огнём не найдёшь! Перевелись, знаете ли, меценаты на Земле Русской! А так да, оборудование всех наших трёх медицинских кабинетов куплено на мои личные сбережения, включая заработанное на спасении жизней не только наших

военных в различных горячих точках планеты. Впрочем, кому я это рассказываю?

Везде одно и то же, с осенней печалью в душе подумал Тарасов. Всем почему-то кажется, что у меня нет других дел, как считать чужие деньги и выявлять источники их получения.

— Николай Петрович, — насколько было возможно мягко произнёс вслух Тарасов, — Мне не интересны суммы и источники ваших вполне законных заработков. Да будь они даже и не совсем законными, всё равно это не входило бы в область моих компетенций. Дело в том, что в настоящее время я подбираю команду для одного очень интересного проекта и к вам приехал с единственной целью поговорить о перспективах вашего в нём участия. Ещё раз напомню только, что поскольку на вас до сих пор распространяется третья форма допуска к секретным сведениям, я рассказываю вам чуть поболее, чем большинству кандидатов.

— Простите, но у нас не курят, товарищ подполковник! — на всякий случай предупредил Тарасова медик, увидев как тот нервно комкает в руках сигаретную пачку, — Я и местное население пытаюсь отвадить от этой пагубной во всех отношениях привычки. Так что, вы уж как-нибудь потерпите, по крайней мере, пока находитесь рядом со мной! А ещё лучше, пока находитесь на территории этой деревни, которую они, выражаясь книжным языком, с упорством достойным лучшего применения называют посёлком городского типа, хе-хе! А поговорить, товарищ подполковник, почему бы и не поговорить?

Рано ещё, подумал Тарасов, услышав про «книжный язык». Что ж, мне теперь за каждый намёк по поводу литературных увлечений каждого кандидата цепляться? Начну с начала!

— Давайте тогда, Николай Петрович, начнём с самого начала, дабы я всё смог, хотя бы для себя, запротоколировать. Вы согласны на запись нашей беседы посредством технических средств? Нет-нет, можете не поправлять свою шапочку, я имел в виду только диктофон! Итак, Николай Петрович Коновалов, родились в городе Ленинграде в 1990 году, то есть, вам получается тридцать лет, так? Кстати, усы с бородкой и очки с простыми стёклами для солидности носите? Впрочем, ваше дело. Ага, досрочно закончили Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени Павлова, блестящая ординатура, стремительная аспирантура, профессура... Не понял?!

— Да всё там у вас, товарищ подполковник, записано! — с укором взглянул на Тарасова медик, — С учётом значения, вклада и всего такого прочего мою кандидатскую зачли как докторскую. Да-да, как и в случае с Илизаровым. У меня даже тема с ним очень близкая...

— Ладно-ладно, Николай Петрович, — поспешил успокоить Коновалова Тарасов, — Я всё равно в этом ни хрена не понимаю! Что там у нас дальше про вас написано? Ага, хирургия в условиях мобильных военно-полевых госпиталей, орден Мужества, орден... Ну нет, это я, пожалуй, не выговорю! В какой стране-то это было?

— Неважно, товарищ подполковник! — понимающе улыбнулся Коновалов, — Проехали, ибо я и сам, откровенно говоря, вряд ли выговорю мудрёное название этого ордена. Ну не для русского слуха такие завороты чужого языка при всём моём к нему уважению!

— Проехали, так проехали, — покладисто согласился Тарасов, — Однако, вот тут-то у меня и возникает когнитивный диссонанс, и, соответственно, встаёт связанный с ним совершенно логичный вопрос, Николай Петрович... Вы читали роман Ильфа и Петрова «12 стульев»? Я именно про книгу, а не про фильм. Тогда, конечно же помните рассказ Остапа Бендера о гусаре-схимнике, не вошедшем ни в одну последующую советскую экранизацию?

— Блестящий гусар, граф Алексей Буланов, — продекламировал Коновалов, прикрыв

глаза, дабы как можно точнее припомнить текст, — «Был героем аристократического Петербурга. Имя великолепного кавалериста и кутилы не сходило с уст чопорных обитателей дворцов по Английской набережной и со столбцов светской хроники».[ii] Ну да, я понял, товарищ подполковник, на что вы намекаете. Предваряя ваш вопрос о причинах моего ухода в эту глухую деревню, я вам отвечу, что мне всё просто на-до-е-ло! Надоела эта бесцеремонная реклама, надоели продажные СМИ, причём, как те, так и другие, надоело инфантильное, если не сказать злее, правительство, надоели эти крысиные гонки, всё надоело!!!

— А скажите, Николай Петрович, — решил несколько сменить направление становящегося неприятным разговора Тарасов после довольно длительного молчания, — Откуда в вашей деревне столько дешёвых понтов? Вы понимаете, о чём я вас спрашиваю?

— Ещё бы! — разулыбался Коновалов, меняя гримасу тоскливых питерских воспоминаний на более весёлый, хотя и страшноватый оскал местного деревенского быта, — Поначалу я по недомыслию активно боролся с этим не красящим традиционную сельскую скромность явлением, потом плюнул на это безнадёжное дело, а с некоторых пор и сам возглавил. Ну почему, к примеру, где-нибудь на Кавказе можно понтоваться, а мы должны помалкивать в тряпочку, товарищ подполковник, почему?

— Действительно, — примирительно поднял руки Тарасов, — Почему бы и нет, особенно, в том беспонтовом случае, если эти понты повышает самооценку понтующихся?

— Как-как? — расхохотался Коновалов, — Нет, товарищ подполковник, подождите, я должен это обязательно записать! Мы ведь даже свой полноценный сайт нарисовали практически на коленке. Есть тут у нас энтузиасты, понимаете...

— Вы знаете, заговорщицки добавил поощрённый Тарасов, — А я даже стих сочинил, когда с божьей помощью и почти святым трактористом таки сумел доехать до вашей ambulance. «На селе кругом понты, это ты попал в Концы!»

— Тоже неплохо! — снисходительно согласился Коновалов, — А по поводу англоязычного названия, так это мужики местные расстарались, я уж не стал им ничего объяснять, а тем более что-то менять. Народу нравится! А позитивный настрой, как вам известно, пока ещё никому и нигде не мешал успешно выздоравливать. Скорее, будет верно обратное.

— Хм, народу нравится, — задумчиво повторил Тарасов, — Любите отечественные фильмы советского периода? Я к тому, что заметил вашу общую страсть ко всему советскому.

— Есть такое дело! — опять согласился Коновалов, выразительно покосившись на свои наручные часы, брутально — аскетический командирский дизайн которых не оставлял никаких сомнений в их советско-отечественном происхождении.

— А вы немногословны, — справедливо укорил собеседника Тарасов, — «Командирские»?

— Они самые, — коротко подтвердил немногословный медик, однако, вовремя спохватился и, чтобы не показаться совсем уж неразговорчивым мизантропом, пояснил, — Подарок от одного чересчур весёлого, или даже скорее весёленького, пациента со сложным ранением обеих ног. Ему дважды повезло, если так можно сказать про огнестрел. Первый раз, когда его командир вкатил ему четыре тубика промедола, ну а второй раз, когда он попал на мой операционный стол. А теперь представьте себе, что пациент усугубил всё это ещё и флажкой медицинского спирта. Семидесятиградусного, правда, но всё-таки...

— Наверное, жутко матерился? — понимающе кивнув, спросил Тарасов.

— Какой там! — хмыкнул самый молодой в стране профессор, — Пел песни на стихи Сергея Есенина, представляете? Сначала, понятное дело, «Я обманывать себя не стану», я ещё подумал, хулиганом он, наверное, по молодости был. Но потом он стал петь «Шагане» и это было что-то с чем-то. Да у вас там, наверняка, всё это есть! Сергей Ткач, есть такой?

— Есть, есть! — успокоил Тарасов и, как ему показалось, пошутил, — У нас про всех оперы есть. И Ткач, и Швец, и Жнец, и на дуде Игорец...

— А когда выписался из госпиталя, на большой земле, понятное дело, разыскал меня и эти часы подарил. «Командирские» самой первой серии, то есть 1965 года выпуска, — окончил своё занимательное повествование Коновалов.

— Шестьдесят пятого? — не скрывая своего разочарования, переспросил Тарасов, — Потому что вас интересует именно этот период развития нашей отечественной истории, да?

— Ну почему же именно этот? — удивился Коновалов, — Мне история вообще интересна и, кстати, не только отечественная! Что же касается истории нашей страны, а тем более, её советского периода, так это ведь всего лишь небольшая часть нашей планеты и совсем крохотный отрезок её развития. Разве не так, товарищ подполковник? По крайней мере, я считаю, что каждый культурный человек просто обязан знать историю не только своей страны, но и, хотя бы, своих соседей. Я, к примеру, татарский язык освоил на приличном уровне и теперь могу понимать многое из того, что говорят турки, казахи, азербайджане, киргизы, ну и, само собой, башкиры, калмыки, чуваша...

— Якуты, тувинцы, алтайцы, хакасы, — подхватил Тарасов, — Понятно, Николай Петрович, если короче, то просто тюркская языковая семья. Это вы здорово придумали! Эх, жаль, что владея английским языком, как, к примеру, я, вряд ли можно бегло изъясняться с каким-нибудь немцем или французом. Хотя, вроде бы одна у них группа или подгруппа. В общем, я в этом не очень-то и разбираюсь, если честно.

— И опять вы не правы! — с жаром возразил Коновалов, — Вы же ведь прекрасно понимаете белорусов или даже болгар? Да и с украинцами, я не суржик имею в виду, вполне сможете всегда понять друг друга, товарищ подполковник!

— Вашими бы устами... — помрачнев пробурчал Тарасов, — Однако же, Николай Петрович, мы с вами всё-таки немного отвлеклись. Скажите, а назвать местное сельпо или, как там у вас оно ещё тут называется, центральным универсальным магазином, то есть, сокращённо ЦУМом, скажете, тоже не вы придумали? Интересный маркетинговый ход! И главное, всё правильно: и что центральный, и что универсальный, ну и магазин, понятное дело.

— Ну что вы, товарищ подполковник, — смущённо замахал руками медик, — Где я и где этот маркетинг?! Это всё наш деревенский олигарх, дай бог ей здоровья, ибо здорово помогает мне с доставкой оборудования и медикаментов. Так-то у меня, если что, тоже и неплохой внедорожник для поездок в район или область имеется, но время, время! Видели очередь в холле? А ведь до моего приезда эта деревня, как населённый пункт, уже почти умерла! А теперь, люди поверили, что их не бросят и не только перестали уезжать, но и начали даже возвращаться обратно в деревню. Единственное, что мы не позволяем здесь, так это дачи.

— На мой счёт, — усмехнувшись, заметил Тарасов, — По крайней мере, в этом отношении можете быть абсолютно спокойны, уважаемый Николай Петрович, — Я-то человек сугубо городской и к земле меня, слава богу, вряд ли когда-нибудь уже потянет.

Даже на случай своей смерти я завещал кремировать моё тело и развеять прах над океаном. Но вас я никак не могу понять, вы уж извините, Николай Петрович! Вот вы сказали, что вам всё надоело, но почему же вы тогда уехали именно в деревню, а не куда-нибудь на необитаемый остров в том же океане, ведь вы бы, в принципе, могли бы себе это позволить?

— Мог бы, — легко согласился Коновалов, — Но не стал бы. Зачем же тревожить ваш прах, товарищ подполковник? Шучу, конечно же, но рвать на груди рубаху, простите, халат, я тоже не стану. Равно как и петь вам патриотические или, упаси боже, верноподаннические песни, ну вы меня поняли, не так ли? А с другой стороны, наверное, только здесь и сейчас я начинаю наконец-то вспоминать, что же такое Родина...

— Только вспоминать? — осторожно уточнил Тарасов, — Я почему вас об этом спрашиваю, Николай Петрович, многие участники военных конфликтов за рубежом рассказывают, что там чувство Родины ощущалось ими как-то особенно остро. Вы же в свои тридцать лет уже успели побывать в двух зарубежных районах боевых действий.

— Успел, — буркнул Коновалов, — Просто мне была нужна практика освоения мною же и разработанного метода остеосинтеза, не более. Ни в моих правилах зарабатывать на крови или получать за это ордена, хотя и отказываться ни от того ни от другого я, как прагматик, не стал. Впрочем, как и кричать об этом на каждом шагу. Помните историю с ублюдком, оскорбившим доктора Рошалья и так и оставшимся безнаказанным?

— Есть такое дело, Николай Петрович, — неохотно подтвердил Тарасов, — Но вы не должны об этом особо беспокоиться, самоубийцы, а тем более политические, это не ваш профиль, насколько я разбираюсь в вашей области медицины. Хотя, между нами говоря, лично меня больше устроил бы такой вариант продолжения этой истории, при котором этот Немиллов стал бы, гм, вашим безнадёжным пациентом...

— История, товарищ подполковник, — с горьким сожалением возразил Коновалов, — Как вы помните из речей товарища Сталина, не терпит сослагательного наклонения!

— А как вы, кстати, сами относитесь к такой неоднозначной личности, какой был Сталин, Николай Петрович? — как утопающий за соломинку уцепился Тарасов за мелькнувший в словах Коновалова советский просвет.

— Неоднозначной? — недоумённо переспросил его Коновалов, — А вам не кажется, товарищ подполковник, что вы, как говорят тут у нас в деревне, «книжков обчитались»? А от себя я бы добавил, что «книжков» преимущественно либералистического толка...

Хренью страдаете от неоднозначности —
Сталин — злой гений нашей палачности?!

Ну да, величайший Учитель да Кормчий,
Плюс эффективный менеджер да прочее,
Короче, та еще сука во многозадачности!

Так плачьте же, люди, по неоднозначности —
Сталин — злой гений вашей палачности...[iii]

— Сегодня, любого нормального руководителя нашей страны могут назвать неоднозначной личностью и это в лучшем случае! Иван IV Грозный, говорят, был кровавым тираном, ибо казнил более трёх тысяч человек. В «цивилизованной» Франции же во время одной только Варфоломеевской ночи зарезано более тридцати тысяч протестантов! В Англии за первую половину шестнадцатого века за одно только бродяжничество повесили около семидесяти тысяч. Продолжать? С другой стороны, как мне кажется, нормальный человек никогда не согласился бы руководить страной с таким непредсказуемым прошлым,

как у России!

— Стишки ваши? — мрачно спросил уязвлённый Тарасов, — Так себе, если честно, стишки! Но я, правда, в поэзии не очень-то и разбираюсь. Единственное, что я понял из ваших, гм, виршей, так это то, что вы полностью реабилитируете Сталина. Почему?

— Кто, я? — изумился Коновалов, — Реабилитирую? Да кто я такой, товарищ подполковник, чтобы судить или оправдывать самого Сталина? И без меня хватает жалких ничтожеств, этих мосек, которые только и делают, что круглыми сутками в своих блогах и соцсетях полощут его имя! Я сказал только то, что сказал, товарищ подполковник, и добавить могу только слова Михаила Шолохова: «Да, был культ личности — но была и личность!»

Оба собеседника напряжённо замолчали. Пора на пенсию, коль давно уже её заслужил, подумал Тарасов. Неужели с годами я и впрямь становлюсь либерастом? Не хотелось бы, ой не хотелось бы. Не приветствуется это как-то в нашей профессиональной среде. Всё, решено! С женой и её престарелой мамашей на такие темы я больше не разговариваю!

— А ваши стишки ещё того хуже!!! — неожиданно выпалил молодой профессор, после чего оба недавних спорщика недоумённо переглянулись и дружно расхохотались.

— Ну хорошо, Николай Петрович, — сдался Тарасов, — Если вы не хотите говорить об эпохе Сталина, то может быть тогда поговорим об эпохе более развитого социализма? Я имею в виду времена правления Леонида Ильича Брежнева.

— Да понял я, какую именно эпоху вы имели в виду, товарищ подполковник, — недовольно проворчал Коновалов, — Вот только говорить «более развитого социализма», вообще-то, будет неправомерно как с филологической, так и с исторической точек зрения. Вы успели пожить в те времена и, наверное, помните, что понятие «развитого социализма» является настолько самостоятельным, что любая приставка будет искажать его изначальный смысл. К примеру, Юрий Андропов, ставший Генеральным секретарём после умершего Леонида Брежнева, провозглашал идею «совершенствования развитого социализма», которая также стала устойчивым сочетанием слов, то есть по сути неологизмом.

— Совершенно с вами согласен, Николай Петрович! — весело сказал Тарасов, — Вы знаете, я даже хорошо помню, как постоянно резало слух непривычное ударение на третий слог в слове «развитого», произносимого профессиональными дикторами. Да на нашем радио и телевидении в те годы за меньшее могли если и не уволить, то хорошенько пропесочить, будь ты хоть сама Анна Шатилова или Игорь Кириллов! А вот вашим неоднозначным руководителям партии и правительства всё сходило с рук, а точнее с языка.

— Ох, какой же вы злопамятный, однако, Вениамин Михайлович! — вновь рассмеялся его не умеющий долго сердиться оппонент, впервые назвавший Тарасова по имени-отчеству. Или это в вас так сказывается ваша профессиональная деформация? Ага, если хотите, вы, конечно же, можете уйти, но учтите, что у нас длинные руки! Так, что ли?

— Вы меня не правильно поняли, Николай Петрович! — смутился Тарасов, ободрённый, тем не менее, переходом его кандидата на менее официальную форму обращения — Нынешнее радио и телевидение себе ведь и не такое позволяют. Более того, иногда даже специально допускают в прямом эфире какие-то мелкие огрехи, дабы продемонстрировать нам, что они тоже такие же люди как и мы и ничто человеческое им не чуждо. Мне один знакомый маркетолог рассказывал, что тем самым каналы сокращают дистанцию между ведущими и зрительской аудиторией по эту сторону экрана...

Боже мой, подумал Тарасов, что я несу, ну что я несу? Второй час беседы пошёл уже, а

воз и ныне там. Тяжело, конечно, без стакана с психологическим допингом такие нелёгкие во всех отношениях беседы форсировать, но, во-первых, кафешек в этих местах пока нет, во-вторых, печень уже пошаливает всюю, что начинает сказываться и на моих нервах, а, в-третьих, и шеф очень уж решительно воспротивился применению подобных методов.

— Можно я хотя бы одну сигареточку в форточку выкурю, Николай Петрович? — жалобно попросил Тарасов, — Мамой своей жены клянусь, никто даже не увидит и не почувствует!

— Ну что с вами поделаешь! — тяжело вздохнул медик, — Только тогда лучше, пожалуйста, в вытяжной лабораторный шкаф, а не в форточку, Вениамин Михайлович. Но только с тем единственным условием, что вы наконец-то перейдёте к делу, товарищ подполковник!

— Да-да, Николай Петрович, — быстро заговорил Тарасов, делая первые жадные затяжки и с благодарностью глядя на Коновалова, — Нам наконец-то удалось интегрировать методы активации скрытого потенциала, синхронизации мозга и трансперсональной психологии!

[i] Деревня Концы В Тихвинском районе Ленинградской области действительно существует, но в силу того, что по данным 2010 года в ней проживало всего лишь 4 (четыре!) человека, о судьбе которых при всём уважении автора к ним ничего не известно, всё остальное — исключительный вымысел автора. В конце концов, это ж параллельный мир, а не реальная Россия!

[ii] Коновалов почти точно воспроизводит фрагмент «Рассказа о гусаре-схимнике», вошедшего в роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «12 стульев». Небольшие отступления от текста связаны с памятью Коновалова.

[iii] Стихи автора.

Отступление, в котором один нижестоящий начальник отчитывается перед одним вышестоящим

Начальнику научно-технической службы в
Службе федеральной безопасности России
генерал-полковнику Метизову А.А.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что в пятницу 18 сентября 2020 г. в 10 ч. 45 мин. в стоматологическом кабинете врачебной амбулатории деревни (но возможно и ПГТ, что требует дополнительной проверки) Концы Тихвинского района Ленинградской области я встретился с очередным кандидатом для группы специального назначения проекта 630 Коноваловым Николаем Петровичем и провёл с ним предварительную ознакомительную беседу, завершившуюся в 12 ч. 45 мин. его согласием на участие в проекте 630. Выписка из материалов личного дела кандидата с биографическими данными прилагается.

В отличие от предыдущих кандидатов, Коновалов не продемонстрировал специфичности профессиональных интересов и увлечений, которые находились бы близко к проекту 630, но их широта и глубина перекрывают потребности медицинского обеспечения проекта в той степени, что позволяют перевести данного кандидата в число перспективных.

В ходе состоявшейся с данным кандидатом беседы, которая проходила ещё тяжелее, чем с кандидатами Селиным и Князевым, Коновалов попросил за своё участие в проекте весьма символическую сумму, покрывающую, с его слов, только его накладные расходы.

Предварительный состав группы специального назначения проекта 630, удовлетворяющих всем его требованиям, прошедшим контрольные интервью и изъявивших своё согласие на участие в серии темпоральных экспериментов, по состоянию на 18 сентября 2020 г.:

1. Селин Марк Юрьевич, 26 лет, Рязань, маркетолог-аналитик (личное дело прилагается).
2. Князев Виталий Витальевич, 26 лет, Тырново, техник (личное дело прилагается).
3. Коновалов Николай Петрович, 30 лет, С-Петербург, врач (личное дело прилагается).

Старший учёный консультант и куратор проекта 630, доктор социологических наук, профессор, подполковник Тарасов В.М. — (подпись неразборчива) 11 сентября 2020 года

Глава пятая, которая знакомит с одним из главных героев, привыкшим вырубать

Господи, я, кажется, не совсем во время, подумал Тарасов, застывая в дверях спортивного зала и внутренне зябко передёргиваясь от нахлынувшего в кровь адреналина. Что же мне теперь делать-то, корочками начинать махать, раз уж табельный с собой, ну хотя бы и в барсетке, не ношу, или срочно вызывать специально обученных для этого людей, то есть полицию? Ну не самому же впрягаться в такие дела в мои-то пятьдесят шесть лет!

— И если ты, с-с-сука, — заикаясь ни то от охватившего его благородного негодования, ни то от перенесённого в детстве глубокого эмоционального переживания, выговаривал со зверским видом одетый в полувоенный камуфляж один из молодых людей, окруживших очередного перспективного кандидата, — Ещё раз где-нибудь, когда-нибудь, хоть...

— Пальцем, что ли?! — неподдельно изумился объект Тарасовской разработки, после чего, озадаченно почесав где-то у себя в затылке, поинтересовался у остервенело наседавшего на него великовозрастного дылды, по своим размерам не уступавшего даже здоровенному кандидату, — Слушай, болезный, а тебя, случаем, не Александрой Родионовной кличут?[i]

— Ну, Сашкой! — оторопело подтвердил дылда, — Вот только батюшку моего не Родионом, вообще-то, а Ратибором нарекли. А ты-то, урод военный, откуда меня знаешь, епти?

Однако же, сообразив, по не сдержавшим ехидного смешка подельникам, что его только что назвали женским вариантом его имени, дико взревел и вlepил короткий хук в челюсть стоявшего перед ним тарасовского кандидата в почти таком же камуфляже, но с тёмными полосками не выцветшей ткани на месте бывших ещё относительно недавно погон.

Впрочем, легко и даже, наверное, красиво и зрелищно было бы сказать про короткий хук в челюсть в том оптимальном для дылды случае, если бы только та оставалась на своём, то бишь, предназначенным для этого дылдой законном месте.

Но прав, ох как же был в своё время прав дедушка Кант, когда поведал всему миру о том, что очень трудно найти нагадившую вам в гульфик чёрную-пречёрную кошку в чёрной-пречёрной комнате, особенно, если этой кошки там, вероятно, по причине выраженных у самого Канта криворукости либо старческого склероза, почему-то нет.

Склерозом по причине своей явной молодости дылда, разумеется, не страдал, а потому прекрасно и во всех деталях помнил, что челюсть на том месте, куда вдруг провалился его тренированный на макиваре кулак, ещё полсекунды тому назад точно была, но, вероятно, по причине новоприобретённой криворукости, он просто промахнулся.

— Акела промахнулся! — демонстративно обращаясь больше к окружившей его малолетней толпе, чем к уже попутавшему все мыслимые рамсы и пацанские понятия дылде, горестно констатировал тарасовский кандидат, — Стае нужен новый вожак! Спой свою последнюю песню на Скале Совета, Акела! Но прежде договори нам про пальчик, Александра...

Вновь и ещё более дико взревев, дылда, уже не пытаясь второй раз пробить кулаком по неуловимой челюсти, просто попробовал сграбастать пустое пространство перед собой, где ещё всё те же полсекунды назад находился бывший военный, но, понятное дело, всё с тем же совершенно неутешительным результатом.

— За други своя! — заорал уже теряющий над собой контроль дылда с налившейся кровавой поволокой глазами, — Бейте его, ребята! Знать и уметь!!!

— Избежать и выполнить! — не столько даже нестройно, сколько неохотно ответили ему некоторые ребята, выполняя, по всей видимости, какой-то набивший оскомину цыплячий ритуал и не предпринимая при этом ровным счётом никаких враждебных действий против перспективного тарасовского кандидата.

— Ага, ты бы ещё ляпнул «Слава героям!», мудрила — насмешливо бросил бывший капитан войск специального назначения ГРУ, люто ненавидевший, насколько это было известно Тарасову из личного дела, национализм в любых маломальских его проявлениях, — Такие, как ты, в своё время и растащили Советский Союз по своим национальным квартирам!

Нет, и всё-таки, слава богу, я вовремя, наш человек, а потому не помешало бы и ментам настучать, довольно подумал Тарасов, доставая из своих широких штанин тяжёленький долгоиграющий мобильник, который в наше время пострашнее любого пистолета бывает, но, как показали дальнейшие события, оказался лишним на этом празднике жизни.

— Вы бы это того, сенсеи, — не глядя в глаза ни одному из оппонентов, как-то косноязычно, и от этого ещё больше стесняясь, пробурчал один из наиболее авторитетных, окруживших непримиримую пару, молодых людей, — Сами между собой как-то по-своему разобрались бы, что ли! А то ведь, Александр Ратиборович, и на соревнования нас никуда не вывозите, кроме разве только показательных, и сами не можете нам показать что-то по-настоящему боевое, что можно было бы использовать в реальной уличной драке!

Поняв, что время пустых разговоров и громких лозунгов, к его превеликому сожалению, как-то вдруг неожиданно закончилось, Александр Ратиборович, тем не менее, даже под конец всё-таки не удержался от дополнительной попытки воспитательного воздействия.

— Отче наш, Великий Перуне!!! — трубно возгласил Александр Родионович, экспрессивно воздевая к закопчённому потолку спортзала жилистые мозолистые руки, — Обращаюсь к тебе, Перуне, на небесах, аки проявление твое на земли!

— Молитва война к Перуну, — уважительно и со знанием дела зашептались собравшиеся вокруг них молодые люди, — Тихо! Да тише же, не мешайте Учителю возносить молитву!

— Ну это уже слишком! — побагровел до сей поры сдержанно и, в то же время, насмешливо улыбавшийся бывший военный, воочию повидавший смерть своих боевых товарищей не в одной горячей точке планеты, а потому по определению не являвшийся атеистом, — Да ты, мудрила, оказывается, у нас сектант-сочинитель, а не сэнсэй!

За исключением почитателей сумо, большинство дилетантов от различных спортивных единоборств считают, что большие и сильные, а, соответственно, и тяжёловесные люди чаще всего не слишком-то и поворотливы, почему их бои зачастую не привлекают таких некомпетентных зрителей по причине, как они полагают, недостатка зрелищности.

Не был зрелищным и этот бой, если только можно было бы вообще назвать боем одно, но неуловимое простым человеческим глазом движение рукой бывшего военного, после чего его неугомонный противник наконец-то угомонился, слегка качнулся, переступил с ноги на ногу, как бы пытаясь тем самым сохранить равновесие, и рухнул ему под ноги.

— Вот это я понимаю, приёмчик! — восхищённо протянул крепкий русоволосый парнишка, провокационно предложивший двум непримиримым «сенсеям» разобраться между собой по-своему, — И скорость и реальный результат безо всякой петушиной

показухи!

— Добрый день! Подполковник СФБ Тарасов! — решил воспользоваться удобным случаем и разом покончить со всеми своими рабочими проблемами старший учёный консультант, — Что здесь у вас такое произошло? Ваши документы, пожалуйста!

— Эс-эф-бэ, эс-эф-бэ, — тут же зашептались меж собой молодые люди, для которых увидеть вблизи настоящего подполковника Службы федеральной безопасности, было сродни тому, чтобы наблюдать собственными глазами пролетающего мимо собственного же окна, если и не супермена, то, по крайней мере, Бэтмена или, на худой конец, человека-паука.

— Евдокимов Михаил Иванович, — деловым тоном начал зачитывать паспортные данные Тарасов, — 1992 года рождения. Где тут у нас регистрация? Ага, город Томск и так далее и тому подобное. Тэк-с, сведения о семейном положении отсутствуют. Почему? Не женаты, что ли? Впрочем, не моё дело! Капитан ГРУ в отставке, если не ошибаюсь?

— Гэ-эр-у, гэ-эр-у, — снова и даже чуть ли не с ещё большим жаром зашептались меж собой недавние мальчишки и, кажется, стоящие в этой же стайке девушки, ибо ГРУ у всех этих ребят всегда ассоциировалось, прежде всего, с войсками специального назначения ГРУ или, проще говоря, с известным всему миру легендарным спецназом.

Подождите у меня ещё, ребятки, ехидно подумал про себя Тарасов, вспоминая данные по их тренеру, каковые ему так же пришлось изучить в процессе отработки связей кандидата. То ли ещё вы сейчас услышите! Вслух же тоном старого служаки ворчливо произнёс пока нечто совсем другое.

— А где документы этого? — неприязненно кивнул он подбородком на до сих пор лежащего у их ног «сектанта», — Он у вас как? Надеюсь, ещё живой? Не знаете? Ну а кто тогда здесь знает? Чёрт те чё, а не секция! И впрямь, секта какая-то, а не секция! Ничего, разберёмся!

Действительно оказавшийся бывшим военным в звании капитана ГРУ Евдокимов, как это было видно в отличие от обступивших их ребят Тарасову, почему-то едва сдерживал смех. Однако, не ломая неуклюжей игры подполковника, бывший капитан послушно нагнулся и пошарив в нагрудных карманах камуфляжной куртки поверженного им дылды, достал из них местами потёртый бумажник с документами и протянул его Тарасову.

— Кац Александр Разиэльевич, — отчётливо проговаривая каждую букву, невозмутимо прочитал Тарасов, краешком глаза одновременно отслеживая реакцию окружающих, большая часть которых, за исключением бывшего капитана ГРУ, сначала недоумённо переглянулись, а затем, после недолгого напряжённого молчания взорвались настоящим шквалом возмущённых голосов.

Вероятно, именно этот шум и нарушил идиллию проснувшегося дылды, усыпленного, как впоследствии выяснилось, точным ударом Евдокимова. Не открывая глаз, дылда зевнул и, повернувшись на другой бок, уже откровенно захрапел.

— Кац, — насмешливо повторил Евдокимов, — Кореец, наверное. У них тоже такие короткие фамилии: Ким, Пак, Цой... Они ведь через одного, либо тхэквондисты, либо каратисты. Правда, разрез глаз подкачал. Да и шнобель слишком уж для корейца нехарактерный!

— А нам сказал, что он Александр Ратиборович Сварогин! — обиженно пожаловался лидер местной молодёжной тусовки, — Товарищ капитан, а можно к вам в секцию записаться? Вы не думайте, как бы там ни было, но Александр, э-э-э, в общем наш теперь уже бывший тренер физуху нам неплохо подкачал! Да и русбой со стилем Сказочникова...

— Там видно будет, ребята, — уклончиво ответил Евдокимов, — Только обращайтесь ко мне лучше по имени-отчеству, которое вы уже слышали, поскольку я больше не служу. А вот что же касается русского рукопашного боя и стиля Сказочникова, ребята, то ваш тренер и близко даже вам ничего подобного не давал! Можно, конечно, по-разному относиться к упомянутым вами системам и бесконечно спорить об их эффективности, но, повторю ещё раз, то, что вам преподносил этот гражданин, никакого отношения к ним не имеет.

— В той части, что находящийся перед вами гражданин Кац никогда не имел отношения ни к изучению, ни к преподаванию каких-либо систем рукопашного боя, я вам ответственно подтверждаю, — солидно изрёк Тарасов, — А вот в части того, что вы больше не служите, то это, как говорится, будем ещё посмотреть, товарищ капитан! У вас здесь не найдётся, случайно, уединённого местечка, где мы с вами могли бы переговорить?

— И вот ещё что, ребятки, — спохватился Тарасов, оглянувшись на молодёжь уже в дверях спортивного зала, — Только ради бога не делайте поспешных выводов из фамилии вашего, наверное, правда, бывшего тренера. С таким же успехом этот гражданин мог бы оказаться, к примеру, каким-нибудь Ивановым или Джамшутовым. Лёгкие деньги, знаете ли, могут привлечь представителей любой этнической группы!

— Я вижу, товарищ капитан, у вас возникли ко мне какие-то вопросы? — спросил Тарасов, с кряхтением усаживаясь на предложенный ему колченогий стул с отломанной спинкой, так как более приличной мебели в захламлённой тренерской комнате, к заметному смущению Евдокимова просто не нашлось.

— Так точно, товарищ подполковник! — подтвердил прозорливость Тарасова по-прежнему слегка смущённый Евдокимов, — И даже целых три, если, конечно же, не возражаете.

— А для чего ж я тогда к вам аж из самой Москвы прилетел, капитан? — удивился Тарасов, жестом испрашивая разрешения закурить, — Не знаете? Так именно для того и прилетел, Евдокимов, чтобы обменяться с вами парой-другой вопросов и ответов!

— Простите, товарищ подполковник, — с виноватым видом развёл руками Евдокимов, — Но курить на всей территории нашего спортивного комплекса категорически запрещается его администрацией! Так что, придётся немного потерпеть. Ну а мой первый вопрос, почему вы упорно называете меня капитаном, когда я уже почти полгода, как лишён всех званий и наград? Тот генерал сказал мне после трибунала, что я ещё легко отделался. Во-вторых, Зачем вы устроили в спортзале эту комедию с проверкой документов, будто списанную с романа Владимира Богомолова «В августе сорок четвёртого»? И, в-третьих, зачем вам я?

— Послушайте, капитан, — вздохнул Тарасов после некоторого молчания, — Восстановили же мы на днях научное звание одному молодому, но очень перспективному медицинскому профессору, ну и вам, значит, тоже восстановим! Вот только... Да не спешите хмуриться! Засиделись вы, как считают многие, в капитанах и получить майора в двадцать восемь лет для вас будет самый раз! Ну а по поводу вашего генерала можете больше не беспокоиться. Проводили мы его с почётом на заслуженный отдых, как он ни брыкался, и, поверьте, это был для него самый лучший выход! Это, что касается ответа на ваш первый вопрос.

Совершенно утомившись балансировать на шатком стуле, Тарасов встал с него, расправил плечи и с облегчением прошёлся по тренерской, безо всякого любопытства оглядывая все эти типичные для таких помещений красочные дипломы и довольно

невзрачные безликие кубки, какие можно купить в любом спортивном магазине.

— По вашему второму вопросу согласен, — с улыбкой продолжил Тарасов, — Актёр из меня, конечно, тот ещё! Но, с другой стороны, я обязан был вмешаться, дабы ваши бои местного значения не зашли слишком далеко, поскольку подобный исход событий мог бы серьёзно помешать моим планам, сроки которых и без того уже давно горят синим пламенем.

— Ну что ж, товарищ подполковник, утверждается в первом слушании, — немного подумав, принял его доводы бывший капитан, — Правда, что касается моей дальнейшей службы, мы ещё сто раз подумаем, потому как очень уж не хочется второй раз наступать на одни и те же грабли. Но у вас пока ещё остаётся нерассмотренным мой третий вопрос.

Эх, была не была, решился Тарасов. В конце-то концов, сколько уже можно плести все эти хитромудрые кружева. Нет, определённо, по завершении проекта надо уходить на пенсию, иначе рано или поздно, не дай бог, настоятельно попросят, как того же генерала, который совсем уже откровенно подставил этого простодушного капитана.

— Короче, капитан, — рубанул с плеча Тарасов, — Если говорить в общем и целом, а также пропустить все ненужные для вас преамбулы про жуткую секретность, то в случае вашего согласия, вам предстоит в составе группы специального назначения внедриться в сознание молодого человека из прошлого параллельной России и передать через него руководству его страны пакет определённым образом структурированной информации.

— Опять эти ваши фантастические тесты на психологическую устойчивость и абстрактное воображение лиц командного состава! — вздохнул Евдокимов, поминая недобрым словом курсы переподготовки и повышения квалификации, — У некоторых офицеров, и правда, с этим серьёзные проблемы. Я имею в виду воображение, потому как психи долго не живут!

Ничего не говоря, поскольку прямого вопроса в этот раз не прозвучало, Тарасов отошёл к стене и с радостным облегчением присел на лежащий на полу достаточно для него мягкий спортивный снаряд без ножек. Как этот снаряд правильно называется, конь там или козёл, Тарасов точно не знал, ибо в этом тоже как-то не очень-то и разбирался.

— Ну что ж, товарищ подполковник, тест так тест! — снова вздохнул Евдокимов и словно по команде как-то неуловимо преобразился, превращаясь из добродушного тренера одной из многочисленных спортивных секций в готового ко всему офицера войск специального назначения, — Разрешите задать несколько вопросов для уточнения методов выполнения боевой задачи, товарищ подполковник?

— Разрешаю, товарищ капитан! — охотно подыграл Тарасов Евдокимову, заодно собираясь над ним безобидно подшутить и от того предвкушая нечастое удовольствие от подобного, надо сказать, редкого в его скучноватой жизни развлечения.

— Цель заброски? — деловито начал Евдокимов задавать свои короткие, но очень точные и ёмкие вопросы, будто намеревался совершить небольшой рейд по тылам противника во главе обычной диверсионно-разведывательной группы, — Я понял про внедрение, товарищ подполковник, но сейчас я спрашиваю про год и место.

— Резонно, капитан, но постольку поскольку вы больше не служите, а вновь призывать вас на военную службу без вашего согласия мы не хотели бы, то до его получения я могу вам обозначить только примерное место и время. А потому, скажу так, ваша Западная Сибирь во времена так называемого застоя.

— Даже так? — нахмурился Евдокимов, — Впрочем, я вас понял, товарищ

подполковник! Задачи внедрения помимо уже поставленной задачи передать сообщение правительству?

— Поймите меня правильно, капитан, — также нахмурившись вынужден был ответить на этот неудобный вопрос Тарасов, — Мне это тоже не нравится, но в случае возникновения определённых нештатных ситуации, вам надлежит физически или ментально устранить всех остальных членов группы специального назначения...

— После чего я буду обязан принять все возможные меры, чтобы не допустить передачи составляющих государственную тайну сведений потенциальному противнику, — сверкнув глазами, закончил Евдокимов, — Проще говоря, как поётся в одной песне из советского же фильма про Чапаева, «и зарезал сам себя». Так, что ли, товарищ подполковник?

— Весё-о-ольый разговор! — совсем невесело пропел Тарасов слова этой же песни.[ii]

— Вообще-то, товарищ подполковник, — хмыкнул Евдокимов, — Вы, как сотрудник научно-технической службы, конечно же, могли и не знать, но это обычная норма работы наших разведывательно-диверсионных подразделений. Впрочем, дальше! Метод заброски?

— Техничко-медикаментозное погружение всех членов группы в особое гипнагогическое состояние, резонансная синхронизация полушарий их головного мозга с последующим синтезом их коллективного сознания и нематериальным прорывом пространственно-временного континуума в его заданной точке, — отбарабанил крайне довольный своей маленькой, но такой сладкой мстью Тарасов.

— Ясно, товарищ подполковник! — по-прежнему невозмутимо принял Евдокимов ответ Тарасова, от чего с того медленно сошла мстительная ухмылка, — Состав этой группы?

— В состав группы специального назначения по различным объективным причинам может войти не менее двух, но не более шести человек. Меньшее из указанных значений может не обеспечить достаточной ментальной мощности коллективного сознания, а большее не сможет гарантировать его необходимой стабильности. В этой связи, руководство проекта сочло возможным остановить свой выбор на четырёх кандидатах, включая и вас, капитан.

— Хм, сочло возможным, товарищ подполковник, — задумчиво отметил Евдокимов, — Это вы матожидание взяли, что ли ну, грубо говоря, среднее арифметическое? Или опять ваши психологические штучки по типу четырёх типов темперамента? Если так, то сразу отказ!

— Да что вы бы понимали в психологии, мальчишка?! — сорвался в крике не сдержавшийся Тарасов, — Психология, молодой человек, если вы до сих пор не знали, это точная наука! Вы даже представить себе не можете, сколько по этому поводу написано серьёзных работ! Сколько диссертаций защищено людьми, которые, по определению поумнее вас будут!

Да что же это такое делается, с отчаянием подумал Тарасов. Чем дальше в лес, тем толще наши партизаны! Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона! Или это немного из другой уже оперы? Сам ведь прекрасно понимаю, что психология наукой никогда не была и не будет, а цепляюсь за замшелые понятия оптимальных сочетаний темперамента.

— Простите, капитан, — пристыжено опустил седую голову Тарасов, — Вы правы и не правы одновременно. Да, психотипы кандидатов мы действительно подбирали по оптимальному сочетанию темпераментов. Мушкетёрская классика, если хотите. Сангвиник, меланхолик, флегматик, ну и холерик, куда ж без вас. Маловато, правда, в вас этого

холерика, но ладно уж, на безрыбье, как говорится... Зато, функциональные составляющие группы на уровне!

— Функционал, говорите? — иронично изогнул бровь Евдокимов, — Хм, попробую угадать. Небось, пулемётчик, радист, снайпер и подрывник?

— Нет, капитан, — на полном серьёзе ответил Тарасов, — Пулемётчика, радиста, снайпера и даже, если понадобится, подрывника будете замещать вы сами в единственном лице. Все остальные члены группы будут представлять медицинское, инженерно-техническое и экономическое обеспечение эгрегора. Мы пока знаем только то, что вы туда попадёте в любом, я повторяю, в любом случае, а вот с чем вы там можете столкнуться, этого мы, к нашему превеликому сожалению, наперёд знать не можем.

— Ну, если только силовую поддержку и прикрытие группы обеспечиваю я один, то тогда я согласен, товарищ подполковник, — неожиданно согласился Евдокимов, — На себя-то я в этом плане больше надеюсь, чем на незнакомых членов группы, возможностей которых я просто не представляю. Сроки выполнения, кхм, боевой задачи?

— На выполнение миссии вашей группе по плану отводится ровно тридцать календарных дней, то есть, около месяца, — с готовностью выпалил ободрённый согласием кандидата Тарасов, — Но, опять же, товарищ капитан, сроки эти ориентировочные и возможны какие-то незначительные подвижки, как в меньшую, так и в большую сторону. Ну а по поводу возможностей других членов группы можете не сомневаться, поскольку все трое являются хотя и довольно молодыми, но достаточно профессиональными специалистами.

— И вот ещё что, капитан, — решил добавить смущённый Тарасов, видя, что его кандидат в задумчивом молчании продолжает как-то странно смотреть на него, — Не считайте свою задачу боевой! Основной задачей, как уже говорилось, является подготовка выживаемого из памяти сообщения и его передача из рук в руки сотруднику Комитета государственной безопасности. Всё остальное нужно только для того, чтобы уберечь реципиента от любой нежелательной случайности во время его поездки в Москву. Обрато он и сам доберётся.

— А не проще ли было бы сразу перебросить готовый пакет документов на стол тому же сотруднику, товарищ подполковник? — нарушил молчание Евдокимов, — Ну или сразу на стол самому Андропову там или даже самому Брежневу наконец?

— К сожалению, не проще, капитан! — горестно вздохнул Тарасов, — Ничего материального мы туда передать не сможем, ибо законы физики пока ещё никто не отменял. Другое дело не имеющее физической массы нематериальное коллективное сознание, обладающее, в то же время, колоссальной ментальной мощью и способное почти свободно перемещаться в четырёхмерном псевдоевклидовом пространстве Минковского.

— Простите меня! — выпалил покачивающийся в дверном проёме молодой дылда с почти корейской фамилией, — Я больше не буду! И это... Тут ребята говорят, что вы в секцию рукопашного боя всех желающих записываете? Запишите тогда и меня, сэнсэй!

— Детский сад, штаны на лямках! — буркнул потрясённый Евдокимов, — Это что же мы тут с вами наблюдаем, товарищ подполковник? «Больше не буду»! Наглядное подтверждение жизненного принципа на тему наглости в качестве второго счастья? Тогда, вот что, Саша! Во-первых, никаким сэнсэем или Учителем меня не называть! Товарищ инструктор и всё, точка! Во-вторых, переписать всех желающих! В-третьих, чтобы через час зал блестел как у кота... Ну, в общем, чтобы блестел! Кру-у-угом!!! Шаго-о-м марш!!!

— И чтобы тут у меня никаких таких Сказочниковых и прочих псевдорусских танцев! —

проорал капитан в осторожно прикрывшийся дверной проём, — А то вишь, чего захотели, бесконтактный бой им подавай, фантазёры-сказочники, волхвы-переростки и язычники!

— Бесконтактный?! — переспросил Тарасов и от души расхохотался, отпуская скопившееся за эти сумасшедшие дни напряжение безумных гонок, — Чудны дела твои, Господи!

— Вот вам смешно, товарищ подполковник, — обиделся Евдокимов, — А мне уже надоело людям объяснять, что я им не верблюд и своих противников одним плевком укладывать в саксаульные штабеля не умею! Мы же с этим Сашкой и сцепились из-за этого на одном из местных форумов, где он как раз и пытался мне доказать непомерную крутость всех этих мастеров бесконтактного боя, к коим, кстати говоря, причислял и себя. А сегодня, по всей видимости, не выдержал и пришёл разбираться вместе со своими «учениками».

— Да-да, товарищ капитан, чем всё это закончилось, я имел честь наблюдать с безопасного расстояния! — вновь коротко хохотнул Тарасов, — Я тоже что-то об этом читал в Сети, но когда дошёл до абсолютно безграмотных толкований с точки зрения современной физики, как они это называют, так сразу же за голову схватился. Но вот про эффективность тех или иных систем рукопашного боя я вам ничего не скажу, товарищ капитан, потому как не очень-то в этом и разбираюсь, откровенно говоря.

— Да и хрен бы со всеми системами, товарищ подполковник, — с некоторым нарушением канонов субординации нетерпеливо отмахнулся Евдокимов и с прежней задумчивостью задал мучавший его почти на всём протяжении беседы вопрос, — Я другое не могу понять, товарищ подполковник, а разве это не тест?

[i] Имеется в виду цитата из советского фильма «Москва слезам не верит», снятого режиссёром Владимиром Меньшовым в 1979 году, в котором дочь героини Александра после плохо закончившейся для уличных хулиганов разборки говорит им: «Если ещё раз кто-нибудь хоть пальцем...».

[ii] Фрагмент русской народной песни, одно из названий которой «Весёлый разговор». Читателям может быть известна, например, по советскому фильму «Чапаев», снятому братьями Васильевыми в 1934 году.

Отступление, в котором один нижестоящий начальник отчитывается перед одним вышестоящим

Начальнику научно-технической службы в
Службе федеральной безопасности России
генерал-полковнику Метизову А.А.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что по состоянию на пятницу 25 сентября 2020 г. набор кандидатов в группу специального назначения проекта 630 полностью завершён, со всеми кандидатами проведены ознакомительные беседы и получено их предварительное согласие на участие в серии темпоральных экспериментов по технологии Хемисинк.

На сегодняшний день найдено пока только 4 (четыре) кандидата, удовлетворяющих всем требованиям проекта 630, и с отличной от 0 (нуля) вероятностью можно предполагать, что исходное количество членов группы с течением времени будет меняться, как в большую, так и в меньшую сторону, однако сформированный костяк, скорее всего, сохранится.

Предварительный состав группы специального назначения Проекта 630:

1. Селин Марк Юрьевич, 26 лет, Рязань, маркетолог-аналитик (личное дело прилагается).
2. Князев Виталий Витальевич, 26 лет, Тырново, техник (личное дело прилагается).
3. Коновалов Николай Петрович, 30 лет, С-Петербург, врач (личное дело прилагается).
4. Евдокимов Михаил Иванович, 28 лет, Томск, капитан ГРУ (личное дело прилагается).

Все кандидаты уже прибыли к месту осуществления мероприятий в рамках проекта 630 и размещены в разных корпусах ведомственной гостиницы для исключения их случайных коммуникаций до проведения нейрофизиологической резонансной подстройки.

Резонансная подстройка будет осуществлена во время первого вводно-ознакомительного сеанса по технологии Хемисинк, на что получено отдельное согласие каждого кандидата.

Старший учёный консультант и куратор проекта 630, доктор социологических наук, профессор, подполковник Тарасов В.М. — (подпись неразборчива) 11 сентября 2020 года

Глава шестая, в которой непонятно что слушают, а потом всё равно пьют и закусывают

— Хемисинк — это такая особая технология аудиальной, или, по-русски говоря, слуховой синхронизации нейрофизиологических частот полушарий головного мозга с помощью обычных звуковых волн, разработанная и запатентованная американским исследователем внетелесных перемещений Робертом Монро ещё в далёком 1975 году.

Завораживающий бархат голоса нашей инструкторши, мурлыкающий в широкополосных стереонаушниках наших шлемофонов, профессионально убаюкивает, но её возбуждающая хрипотца и стабилизирующая химия поддерживает наши тела в пограничном состоянии.

Мы — это группа специального назначения проекта 630, как свирепо именуют нас во всех сугубо бюрократических документах, начиная от пресловутых подписок о неразглашении (обманул таки Тарасов!) и заканчивая расходными ордерами на выдачу заработной платы, которую нам выдают исключительно наличкой (секретность, шорт побережи).

— Процесс Хемисинк включает в себя особый метод дыхания, направленную релаксацию, лёгкое неглубокое внушение и визуализацию. Важнейшей составляющей этого процесса являются бинауральные ритмы, вызывающие резонансный отклик в электромагнитной активности теменных долей мозга на частоте, идентичной частоте бинаурального ритма.

Нас четверо, прямо как в фильме «Д'артаньян и три мушкетёра. И я прекрасно осознаю, почему именно так, а не иначе, хотя о принципах подбора нашей команды нам пока ещё ничего не говорили. Шеф, как ни крути, больше социолог с добротной психологической школой советской социологии, чем сотрудник силовых структур, и во главу угла ставит, прежде всего, достижение баланса между эффективностью отдельных членов команды и их сплочённостью. А ведь именно эта четвёрка героев Александра Дюма считается чуть ли не эталоном успешного и дружного «трудового» коллектива в советских учебниках. Как там, «Четыре человека, олицетворяющих собой крепкую дружбу, относятся к разным типам темперамента, что не мешает им объединяться в единую команду для достижения общих целей и эффективного выполнения совместных задач».

— Для того, чтобы вам было легче понять суть бинаурального эффекта, сейчас я подам в ваши наушники звуки с различной частотой. В левое ухо вам пойдёт сигнал с частотой ровно четыреста Герц, который должен быть вам хорошо знаком, поскольку вы его знаете как звук свободной телефонной линии. А в правое ухо вам пойдёт звук с частотой ровно в четыреста сорок Герц, который звучит чуть выше и знаком любителям музыки как тон Ля первой октавы или первая гитарная струна, зажатая при настройке на пятом ладу.

Бли-и-ин!!! Предупреждать ведь надо! Где-то тут на шлемофоне должны быть кнопки для регулировки громкости звука в стереонаушниках. Думал, самый умный, вот и прослушал про элементы управления. Шибануло по ушам так, что косоглазие теперь, наверное, так и останется. Хорошо, про косоглазие загнул для красного словца, но из пограничного точно вылетел. Придётся заново холотропное дыхание по ускоренной методике проводить.

Ну так вот, на чём это я тут остановился перед этой Хиросимой и Нагасакой локального масштаба, одновременно рванувшими у меня, соответственно, в левом и правом ухах? Ах да, я же думал о нашей группе, членов которой почему-то даже не представив друг другу, сразу

заставили лечь в эти футуристического вида ложементы, расположенные по кругу и заключённые в прозрачные звуконепроницаемые капсулы. По утверждению Тарасова, тут же напомнившим мне Ришелье, всё это сделано по его приказу и для блага государства, то есть, пардон, проекта, иначе, говорит, без вашей предварительной нейрофизиологической подстройки мозговых волн знакомство-то может и получится, а команды — уже никогда...

— Когда в правом и левом ухе звучат сигналы двух различных частот, ваш мозг вычисляет разность фаз между наложенными друг на друга сигналами, что и даёт нам бинауральный ритм, воспринимаемый сейчас вами как взаимное биение разности двух частот, которые вы слышите по отдельности правым и левым ухом.

Ага, вот теперь нормально, и нашего инструктора хорошо слышу и звуковые тона пошли с приемлемой громкостью звука. Ого! А биения-то и впрямь появились! Кроме двух разных тонов, немного отличающихся друг от друга в каждом ухе, пошёл и хорошо различимый низкочастотный гул, напоминающий звук при работе какого-нибудь трансформатора.

— Пространственно эти биения возникают в верхней оливе, расположенной в стволе мозга, первой точке контралатеральной интеграции органов слуха. Затем активность передается в кору мозга, где фиксируется нами с помощью электроэнцефалографа.

Ни хрена не понял, шорт поберья! За кого они здесь нас принимают? Или это у них такой изошрённый способ поддержки нашего пограничного состояния? Не знаю, как остальные ребята, но я точно не скоро ещё теперь выйду из ступора!

— Как вы уже знаете, тон звука определяется частотой его колебаний. Взрослый человек способен расслышать звуковые колебания в диапазоне частот примерно от двадцати до двадцати тысяч колебаний в секунду или, короче говоря, Герц. Звуки лежащие вне этого диапазона, что бы там не фантазировали распространители дилетантских мифов, мы не слышим и, соответственно, никак не воспринимаем.

Пока искал регуляторы звука, был вынужден открыть глаза, а потому успел увидеть, как при последних словах инструктора заметно дёрнулся в своей прозрачной капсуле Портос, которого я успел так окрестить за его солидные габариты. Уверен, после сеанса он будет доставать инструктора по поводу инфразвука, якобы вызывающего ощущения страха, а то и ужаса. Кто-то когда-то запустил эту утку, а миллионы людей до сих пор верят, несмотря на то, что с колебаниями инфразвуковой частоты, причём достаточно мощными, они сами встречаются в повседневной жизни на каждом шагу при работе с различной техникой. Да чего тут далеко ходить, у меня дома Муська, которая кошка шотландской породы, может урчать на частоте, даже тонким детским слухом не воспринимаемую. И особенно, когда за чьим-нибудь недосмотром валерианки всласть нанюхается. И ничего, не страшно, вроде...

— Тем не менее, для погружения человека в необходимое для вас состояние изменённого сознания, необходимо синхронизировать ваш мозг на частотах, лежащих как раз в области инфразвуковых колебаний, не воспринимаемых вашим слухом. Тут и приходят на помощь бинауральные ритмы, способные вызвать резонанс полушарий вашего мозга посредством звуковых волн слышимого диапазона с разницей частот от нуля до двадцати Герц.

Ну что ж, очень даже остроумное решение! Но, по-моему, что-то такое я где-то читал. То есть, я хочу сказать, прав Вениамин Михайлович, по крайней мере, в том отношении, что все мы дети Великой Сети. Там словечко, тут статейка — вот тебе и образованный человек! Ни дать ни взять Жеглов с его девятью классами и тремя коридорами...

— В основе работы вашего головного мозга лежит передача электрических сигналов, и в

зависимости от вида мозговой деятельности его нейроны передают сигналы с разной частотой. Каждая такая частота мозговых волн связана со строго определённым видом когнитивных или эмоциональных состояний.

Слизисто, но сытно! Не помню, кто так сказал в одном из моих любимых мультиков про симпатичных пофигистов, но данная сентенция лучше всего передаёт моё впечатление от услышанного. То есть, вроде бы слишком научнообразно, но вроде как всё понятно.

— Поэтому, состояние вашего сознания может быть изменено не только путем воздействия на ваш головной мозг, к примеру, кофеина, никотина, алкоголя или других психотропных препаратов, но и путем резонансного взаимодействия с внешними системами.

Ух ты! Так это я, оказывается, каждую субботу не просто так вусмерть нажираюсь, а ещё и в состояние изменённого сознания перехожу. Впрочем, я ведь, собственно, никогда и не сомневался в сём предостойнейшем обстоятельстве!

— В свою очередь, резонансное взаимодействие является хорошо изученным и понятным физическим явлением. Если уже упомянутый сегодня камертон, звучащий с частотой 440 Герц поднести к такому же, но спокойному, камертону, то последний отзовется первому камертону на той же частоте, то есть, первый камертон ввёл в резонанс второй.

Само собой! Тоже мне, Америку открыла! Если мне, к примеру, вдруг захотелось кой-чего и я весь из себя такой красивый и вибрирующий к своей подружке полезу, то, ясен хрень, она через некоторое время тоже так же вибрировать начнёт, если не шибче!

— Физика подобного резонансного взаимодействия, безусловно, хорошо применима и ко всем биологическим системам, к которым, кстати, относится и ваш головной мозг.

Ага! Ну а я-то про что? Ко всем биологическим системам! К числу которых, безусловно, относится и моя подружка, которая, кстати, не только моя сердечная, но и головная боль!

— Сейчас мы последовательно попробуем погрузить вас в некоторые из таких состояний, постепенно понижая частоты бинауральных биений. Но учтите, что пассивное восприятие бинауральных ритмов совсем не обязательно сразу же переведёт вас в одно из состояний изменённого сознания, поскольку у всех вас, без какого-либо исключения, есть связанная с гомеостазом вашего головного мозга некоторая психофизиологическая инерция, которая вызывает торможение процессов резонансного воздействия бинауральных ритмов.

Пассивное, гомеостаз, торможение... Как-то всё это звучит, ну вы сами понимаете, не так ли, тащ инструктор? Но я всё понял, ясный бантик, и чтобы не быть пассивным гомиком, или, прости Господи, того хуже, пассивным тормозом, обязательно постараюсь...

— Условия этого гомеостаза по большому счёту зависят от условий вашего существования, но, в то же время, могут подчиняться как сознательным, так и подсознательным, волевым усилиям. Поэтому, для того, чтобы успешно перейти в состояние изменённого сознания, вы должны постараться перебороть это гомеостатическое сопротивление.

Согласен, тащ инструктор, усилия — это наше всё! Перебороть? Да не вопрос! У Петкуна два горба, потому что жизнь — борьба! Тем более что ваш гомикостаз пока почему-то не унимается, гомятина эдакая, условий требует, общеевропейских, небось ...

— К примеру, вот этот бинауральный ритм с частотой тридцать Герц, биения которого вы сейчас слышите в своих наушниках, соответствует частоте так называемых гамма-волн и наблюдается при решении задач, требующих максимального сосредоточенного внимания, а потому может помочь вам в достижении состояния глубокой сосредоточенности.

Так, как там у меня с состоянием глубокой сосредоточенности? Что-то ничего такого не ощущаю. Ах да, чтобы это помогло, надо же на чём-нибудь сосредоточиться. На чём же таком мне сосредоточиться? Поди найди тот ножичек, поди найди тот ножичек... Боже, вспомнил как в классе так в пятом спёр у своего лучшего друга настоящий лётчицкий ларингофон, микрофон такой специальный, так сильно хотелось понять, что там у него внутри... У ларингофона, ясен пень, внутри, а не у моего лучшего друга! Стыдно-то как...

— Бета-ритм соответствует частоте от двенадцати до тридцати Герц и связан с чувствами возбуждения, внимания или тревоги. Давайте, создадим биения с частотой, ну, скажем, двадцать Герц. Это будет как раз средняя частота и граница слышимого диапазона, так что вы можете заодно и свой слух проверить.

Ух ты, чего это я так перевозбудился, держите меня семеро! Аж из пограничного почти опять вышибло! С чем это может быть связано? Что же меня так гнетёт? Может я уютюг забыл в номере выключить? Да нет же, нет у меня в номере никакого уютюга! Тогда, может быть с родителями что? У мамы давление пошаливает, папа выпить любит... Или это всё тот же долбаный ларингофон мне покоя не даёт? Типа, клептоманию надо лечить...

— Альфа-ритм, с частотой порядка восьми — двенадцати Герц, связан с расслабленным состоянием пассивного внимания и может вызвать у вас даже ощущение сонливости.

Энто как же, вашу мать, извиняюсь, понимать? Вот сказанула наш инструктор, хоть стой хоть падай! «Расслабленное состояние пассивного внимания» — это что, пассивно внимай, расслабься и получай удовольствие или как?! Хотя, о чём это я? Поспать бы, ей-богу...

— Тета-ритм примерно соответствует частотному диапазону от четырёх до восьми Герц и может вызвать у вас глубокое расслабление или, например, сосредоточенности на ваших внутренних ощущениях, что часто применяется для достижения медитативных состояний.

Э, тащ инструктор, шалишь! Мне только глубокого расслабления как раз-то и не хватало! Сфинктера, к примеру, ага! Благо, что я сегодня перед занятиями не успел попрощаться со своим белым другом, что стоит в маленькой комнатке моего номера. А ты ещё советуешь сосредоточиться на внутренних ощущениях... Ом мани падме хум... Ом-м-м...

— Ну и, наконец, последний набор частот синхронизации головного мозга, с которым мы с вами сегодня познакомимся, это дельта-ритм с частотой колебаний менее четырёх Герц, который почти наверняка погрузит вас в состояние сна...

* * * * *

— Итак, товарищи курсанты, если вы все, я надеюсь, проснулись, то на своём собственном опыте наглядно убедились, как стимуляция бинауральными ритмами совместно с прочими элементами процесса Хемисинк значительно облегчает быстрое достижение измененных состояний вашего сознания. Наш сегодняшний вводный сеанс по технологии Хемисинк и предварительной резонансной подгонке фазы ваших совместных мозговых волн завершён, прошу приготовиться покинуть капсулы! Никто и ничего, товарищи курсанты, не пробует отключать самостоятельно, дожидитесь полного автоматического отключения всех систем!

— Забыла добавить, что наш экипаж прощается с вами, к выходу вас пригласят! — раздался в наушниках басовитый голос Портоса, после того как тот убедился, что цвет индикатора на интеркоме инструктора в уголке наших мониторов сменился с зелёного на красный.

— Да-да, — щёлкнул я тангентой и поддержал незатейливую шутку, — И почему не сказали про туалеты, расположенные в хвостовой части салона? Мне, например, очень надо было!

— А что, зёма, — хохотнул Портос, — Теперь уже не надо? — А то знаю я тут парочку кабаков с хорошими туалетами, хорошей кухней и ещё более хорошенькими официанточками!

— Неплохая мысль, дружище! — как-то совершенно непринуждённо и естественно вступил в наш начинающийся разговор Атос, заработавший эту кличку в моих глазах, благодаря своему выразительному облику достаточно молодого, но повидавшего жизнь человека с внешностью «отставного сержанта», как сказала бы миссис Хадсон.

— Ну-у, если вы к тому, чтобы слегка расслабиться после всей этой псевдонаучной ереси, дети мои, — подхватил Арамис, тут же отхвативший от меня так удачно оставшееся для него мушкетёрское погоняло, — То святая пастофарианская церковь никоим образом не станет возражать по столь достойнейшему поводу!

— Ты что, католик что ли? — неприязненно покосился на него Портос, — Из общечеловеков?

— Да прикалывается он! — поспешил я разрядить обстановку, — Такая макаронная церковь.

— Ах макаронная! — враз подобрел раздухарившийся было Портос, — Макароны я люблю!! Особливо когда с тушёнкой на костре среди какой-нить зелёнки. Помню как-то в Сирии...

— А что, товарищ военный, — ехидно оборвал того Арамис, — Вы разве не проходили перед вводным сеансом предварительный инструктаж про всякую там секретность? А Церковь Летающего Макаронного Монстра, между прочим, основал один физик, то есть, считай, что инженер почти. Так что, дети мои, уверуйте, и да воздастся каждому по вере его!

— Да ладно, падре! — добродушно отмахнулся Портос, красноречиво поглаживая у себя за стеклом свой огромный правый кулак, — За макароны с подливкой я кому хошь и сам могу грехи отпустить! Ну, так что, открытым текстом уже вопрошаю у всей честной компании, мы идём сейчас пить за наше случайное знакомство или где?!

— За падру ты мне ответишь!!! — пискнул было возмущённый до глубины души Арамис, но моментально и довольно эффектно захлопнул свою узкую челюсть с отчётливо слышным костяным щелчком, наткнувшись на более чем выразительный взгляд Портоса.

Чисто машинально я отметил для себя на подкорке ещё тот интересный факт, что чуть ли не вся наша группа, несмотря на достаточно молодой состав, вполне свободно, как кидает ставшие уже крылатыми цитаты из советских кинофильмов, так и свободно воспринимает их безо всякого, хотя бы и видимого, затруднения.

— А в тюрьме щас у-у-ужин! — мечтательно протянул я, пытаюсь по мере своих более чем скромных способностей на артистическом поприще передать все возможные интонации и мимику незабвенного Василия Алибабаевича из «Джентльменов удачи», — Макаро-о-оны!

Ответить мне, по крайней мере, через микротелефонную гарнитуру шлемофона никто из остальных членов нашей группы не успел по той простой причине, что как-то вдруг разом погасли огоньки наших интеркомов, мигнули и отключились телеметрические дисплеи.

Однако, через некоторое время у всех нас появились и более широкие возможности для развития по-настоящему плодотворного ознакомительного общения, поскольку стёкла наших звуконепроницаемых капсул с едва слышным шелестом ушли куда-то за успевшие

надоесть ложементы и выпустили нас на долгожданную свободу.

— Николай Петрович, но только не Колян, в крайнем случае можно Петрович! — первым представился, как ни странно, именно Атос, а не, как ожидалось, говорливый Портос, — Фамилия у нас, простите, сами понимаете, под запретом. Ролевой функционал в нашей группе — медико-санитарное, психофизиологическое и специальное обеспечение, но об этом лучше как-нибудь в другой раз. Поверьте, про спецобеспечение вам лучше не знать.

— Михаил, можно просто Миха! — громогласно отозвался широко улыбающийся владелец нескромных габаритов, за глаза ранее уже наречённый мною Портосом, — Да нам как-то, вроде, и не привыкать, чай не впервой-то уже без фамилий обходиться! Да и к чему нам наши такие секретные фамилии, разве что оперу писать? — и сам же расхохотался своей бородатой шутке, — Короче, мужики, на мне ваша безопасность и, гм, спецобеспечение.

— Да уж, — голосом Кисы Воробьянинова ворчливо заметил Арамис, — Кто бы сомневался. Ну а меня, дети мои, Виталиком зовут, — назвался и сразу же поправился, осознав какое-то очевидное несоответствие, — В смысле, можно просто Витёк, мы ить люди не гордые!

— Техническое обеспечение? — включился и я в процесс взаимного представления, — Да не смотри на меня так подозрительно, ты пока ещё не кардинал своей макаронной церкви! Ну сам логически рассуди, Витёк, ведь если я отвечаю в нашей группе за маркетинг и...

— Товарищ маркетолог!!! — радостно завопил Михаил, панибратски хлопая меня по плечу.

— Ещё один! — обречённо простонал я, — Хрен с вами, мужики, буду маркетологом, если так уж вам всем приспичило! Так вот, Витёк, если я в нашей группе, гм, маркетолог, то на тебе техника всякая там электромеханическая или даже электронная как раз и остаётся!

— Ну не скажи, не скажи, — проворчал Арамис, оказавшийся банальным Витьком, — На мне ведь ещё и специальное техническое обеспечение, про которое я вам, как и эти два ухаля, тоже ни хрена не скажу, ибо нефиг харю баловать!

После того, как и я назвал своё имя, представившись в единственном и предельно кратком варианте, то есть, просто Марком, мы ещё некоторое время постояли на низком крыльце лабораторного корпуса, блаженно вдыхая хвойные ароматы сибирской тайги и уходящего бабьего лета, которое для этого края выдалось на редкость тёплым и солнечным.

— Чего стоим? Кого ждём? — прервал благодное молчание Атос, оказавшийся на поверку не благородным графом, а пусть даже и не очень простым, но врачом, и по имени совсем даже не Оливье, а каким-то вульгарным Коляном, да ещё и Петровичем, — Ante, amicis!

— С латыни это означает что-то типа вашего любимого «Хаджиме!» — пояснил я обиженно взирающему на нашего медика безопаснику с ухватками типичного дзюдоиста.

— Дык и я об чём?! — радостно осклабился Михаил, как-то легко сдавший командирские позиции нашему штатному эскулапу, — Я ж говорю, тут в городке есть одна кафешка...

— Никаких таких кафешек! — рубанул с плеча Петрович, отмечая заманчивый для Михаила вариант, — Ты, Миха, как себе представляешь возвращение в гостиницу, когда ты выйдешь из кафе весь из себя такой уставший и попрёшь ночью через комендантские патрули?

— Правильно, тащ военврач! — поддержал Витёк, — Я правда, не большой любитель

пить, так, разве что пивка иногда баварского, но ради коллектива, так сказать, могу предложить для этих целей номер нашего медика! И чего только не сделаешь ради хороших людей...

— Вообще-то, — насмешливо перебил его медик, — Именно этот вариант я и хотел вам всем сегодня предложить. Но повторяю для тех, кто на бронепоезде, а не на полупроводниках, только сегодня! В следующий раз, мужики, если он у нас, надеюсь, будет этот следующий раз, поляну накрываем уже у кого-нибудь другого, например, у Витька! Ферштейн?

Ещё через каких-то полчаса, вся наша к этому моменту уже достаточно сплочённая, но так пока ещё и не разогретая группа вваливалась в просторный, как и у всех остальных, номер Петровича; нетерпеливо суетно шуршала многочисленными пакетиками с недорезанными большевиками холодными закусками и периодически позвякивала то и дело предательски громяющими бутылками самого различного цвета, объёма, формы и содержания.

Спустя ещё один час, Михаил откуда-то притащил гитару, я достал из своей тактической поясной сумки неразлучный варган, оказавшийся классным мужиком Витёк умудрился откуда-то приволочь четырёх симпатичных девах, а Петрович пытался с переменным успехом изобразить своим хриловатым голосом ни то всеми нами любимого Владимира Высоцкого, ни то, ни к ночи помянутого Никиту Киркуду.

Вырванные из привычного нам ритма повседневной жизни, утомлённые дальней дорогой, выбитые из колеи сменами часовых поясов и, в конце концов, практически доведённые до крайней стадии нервного и физического изнурения бесконечными медицинскими тестами, мы изо всех сил пытались выключить или, хотя бы, переключить измученное сознание.

Во вполне закономерно ожидаемом итоге, всё, что происходило в последующие несколько часов этого вечера, каждый из нас вспоминал потом какими-то блёклыми разрозненными фрагментами, цельную картину из которых, впрочем, собрать никому так и не удалось.

В числе же несомненно позитивных итогов прошедшей вечеринки неожиданно явилось полное, граничащее с откровенным игнором, отсутствие каких-либо карательных санкций со стороны всех без исключения звеньев руководства нашего проекта, посчитавших, как видно, всё происшедшее неизбежным злом.

Вероятно, по совокупности всех этих причин, не включающих в себя, ну разве что, только жутчайшую головную боль, ужаснейшее послевкусие и по страшенькой незнакомке под боком у каждого из нас следующим утром, прошедшую вечеринку все, не исключая даже малопьющего Виталия, дружно сочли вполне удавшейся.

Отступление, в котором один нижестоящий начальник отчитывается перед одним вышестоящим

Начальнику научно-технической службы в
Службе федеральной безопасности России
генерал-полковнику Метизову А.А.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что по состоянию на 02 октября 2020 г. группа специального назначения проекта 630 сформирована до оптимального состава по набору личностных, профессиональных и психофизиологических качеств, прошла резонансную подстройку и готова к освоению курса темпорального перехода по технологии Хемисинк.

Краткая характеристика членов группы специального назначения проекта 630

1. Селин Марк Юрьевич (позывной «Д'артаньян»), 26 лет, Рязань, маркетолог-аналитик
Типичный холерик с повышенной эмоциональной возбудимостью, что при определённых критических ситуациях может вызвать у него бурные эмоциональные вспышки или резкие смены настроения, излишнюю вспыльчивость и агрессивность. но при соответствующей мотивации может преодолевать значительные трудности, отдаваясь выполняемому делу с по-настоящему творческой страстью.

Отличаясь постоянно повышенным настроением, относится по психотипу к гипертимному типу личности, уверенному в себе и в своём успехе, а потому склонному к определённому риску. Энергичен, деятелен и предприимчив. Быстро и решительно старается воплощать все свои проекты, поскольку по мотивационному типу относится к «Профессионалу»

Таким образом, в его мотивации доминируют социальные потребности и потребности самовыражения через желание сделать профессиональную карьеру, а в качестве главного мотивационного фактора выступает достижение широкой известности и славы, причём не только и не столько в среде своего профессионального окружения.

2. Князев Виталий Витальевич (позывной «Арамис»), 26 лет, Тырново, техник-инженер
Сангвиник, отличающийся повышенной контактностью с окружающими его людьми и быстрой переключаемостью внимания и сферы деятельности. Отлично подходит для деятельности, требующей быстрой реакции, больших усилий и распределения внимания.

Живой и подвижный, быстро отзывающийся на внешние события, легко переживающий неудачи и неприятности. Быстро адаптируется к изменению внешних условий и быстро сходится с людьми. Обладает богатой мимикой, подвижностью и выразительностью.

По характеру относится к демонстративному типу. Чрезвычайно контактен, стремится к лидерству и доминированию, жаждет власти даже в небольших коллективах, эгоистичен, но в то же время обходителен, может увлечь и повести за собой других людей.

Мотивационный тип — «Профессионал», руководствующийся потребностями во власти, успехе и сопричастности. Многочисленные связи с женщинами связаны с потребностями в повышении социального статуса и расширении полезных контактов.

3. Коновалов Николай Петрович (Позывной «Атос»), 30 лет, С-Петербург, военврач ГРУ
Смешанный тип темперамента с преобладанием свойств меланхолика со склонностью к

глубоким переживанием. Может быть неводержан в алкоголе, находясь в подавленном состоянии. Иногда проявляет черты, свойственные холерическому темпераменту.

Легко ранимый, склонный глубоко переживать даже незначительные неудачи, но внешне вяло реагирует на окружающее. Не способен долго сосредотачиваться на одном, сильные эмоциональные воздействия могут приводить к ступору.

Однако, в стрессовых ситуациях способен проявлять черты, присущие сангвиникам, когда он достаточно спокоен и надежен, а результаты его деятельности отнюдь не ухудшаются по сравнению со спокойной привычной обстановкой.

В группе специального назначения он является безусловным, хотя и негласным, лидером; всегда добровольно берет на себя руководство какими-либо совместными действиями, что свидетельствует о наличии стратегического мышления и чувства ответственности.

По акцентуации характера является типичным интровертом будучи ориентированным на себя, свой внутренний мир и свою оценку событий. Крайне настойчив в защите любых своих взглядов, даже необъективных.

По типу мотивации относится к «Патриоту», в мотивациях которого доминируют высшие потребности самоуважения и самовыражение, потому как старательно занимается военной службой, выражая через нее все свои имеющиеся способности и достоинства.

4. Евдокимов Михаил Иванович (позывной «Портос»), 28 лет, Новосибирск, капитан ГРУ

Флегматик с некоторыми элементами холерического темперамента, имеющий достаточно уравновешенную, но довольно инертную нервную систему, медленно адаптирующийся к изменяющимся условиям, и долго колеблющийся перед принятием простого решения.

По акцентуации характера является преимущественно экстравертом с высокой степенью общительности, уступчивости и исполнительности. Однако, в то же время, легкомыслен, склонен к распространению слухов и сплетен, тщеславен и хвастлив.

По типу мотивации относится к «Хозяевам» с более приземлёнными, чем у других членов группы, потребностями, в основном материального или физиологического плана. Любит весёлые застолья и общение с друзьями, а потому вполне социализирован в обществе.

В то же время, как человек тщеславный он обладает неудовлетворенной потребностью в самоуважении и признании его заслуг,

Таким образом, ни один из четырёх членов группы специального назначения проекта 630 в силу присущих им недостатков по отдельности не может представлять собой какой-либо серьёзной опасности для проекта в случае осуществления самостоятельных действий,

С другой стороны, несмотря на то, что члены сформированной группы являются разными по темпераменту и характеру людьми, именно данный фактор позволит им объединиться в единую команду для достижения общих целей и эффективного решения общих задач.

Вплоть до завершения проекта 630 прошу обеспечить членов его группы специального назначения в составе указанных лиц всеми видами довольствия и вещевого имущества в полном объеме в соответствии и на основаниях, установленных Федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами (выплаты денежного довольствия, различных надбавок, дополнительных выплат и денежных поощрений в установленном размере).

Старший учёный консультант и куратор проекта 630, доктор социологических наук,
профессор, подполковник Тарасов В.М. — (подпись неразборчива) 11 сентября 2020
года

Глава седьмая, в которой все главные герои только учатся, учатся и ещё раз учатся

— Группа, Встать! Смирно!! Товарищ инструктор, группа проекта 630 к занятию готова!

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

— Здравия желаем, товарищ инструктор!

— Вольно! Садитесь! Прежде чем приступить к освоению курса вашей общей прикладной подготовки, несколько слов о специфических особенностях нашего учебного этикета. При обращении ко мне и к другим инструкторам, товарищи курсанты, используйте обращение «товарищ инструктор» и представляйтесь, называя только присвоенный вам позывной. Ну а всё остальное соответствует нормам гражданских и военных учебных заведений...

— Для начала, товарищи курсанты, получите вводную по месту и времени темпоральной заброски, каковыми являются, соответственно, деревня Перловка Новосибирской области, что соответствует прописке по паспорту реципиента, и июль 1978 года...

— Он же паспорт показал, живет в Перловке, сторож картофельного склада! — пробормотал я, не удержавшись от очередной цитаты, но так, чтобы мене не услышал инструктор.

— Паспорт поддельный, — так же, почти не разжимая губ, подхватил игру сидящий рядом со мной Виталий, — А картофельного склада в Перловке сроду не было!

— Прекратить разговоры! С вашего позволения, товарищи курсанты, я всё-таки продолжу. Советский Союз — это государство, не имеющее аналогов мировой истории. Ему присущи сильная исполнительная власть, авторитарный метод управления, вождизм, своеобразное соотношение законодательной и исполнительной власти с другими ветвями, практически трудовая повинность и многое, многое другое...

Почувствовав лёгкое движение воздуха и едва слышное шуршание, где-то справа у себя за спиной, я опустил вниз правую руку и, воспользовавшись тем, что инструктор повернулся к мультимедийному экрану, выхватил протянутый сзади кусочек бумаги. Затем, неспешно развернул его, а прочитав, удовлетворённо хмыкнул.

— Ну что там? — не выдержав, прошептал заметно скучающий Виталий, — Петрович таки не надумал устроить очередной светский приём? Или Миха хочет придушить инструктора?

— Первое! — прошипел я ему в ответ, но увидев его обрадованную рожу, тут же поспешил разбавить бочку мёда цистерной дёгтя, — Только он пишет, что в этот раз бухаем у тебя!

— В изучаемый период принимаются меры по повышению эффективности управления социалистическим народным хозяйством. Для улучшения материального и социального обеспечения советских граждан совершенствуется трудовое законодательство...

— Во второй половине двадцатого века роковую роль в соревновании капиталистической и социалистической систем сыграла техника для дома и семьи, многое из которой на Западе уже тогда являлось продуктом развития военных и космических технологий...

— Не пригорающие покрытия для кухонной утвари, сверхпрочные ткани, миниатюрные

фото и видеокамеры, высококачественные звукозаписывающие аппараты и многое другое разработано именно в лабораториях американского военно-промышленного комплекса...

— Отставание страны в сфере применения высоких технологий для производства товаров народного потребления произошло не столько по причине отсутствия этих технологий и материальных средств, сколько из-за недооценки данной проблемы советским высшим политическим руководством...

* * * * *

— Группа, Встать! Смирно!! Товарищ инструктор, группа проекта 630 к занятию готова!

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

— Здравия желаем, товарищ инструктор!

— Вольно! Садитесь! Сложность работы с внедрённой в сознание реципиента личностной матрицей, товарищи курсанты, состоит в том, что при прочих выигрышных условиях, в вашем распоряжении всегда будет находиться только две руки и одна голова. В этой связи резко возрастает значение любых подручных средств, ускоряющих проведение расчётов. Первым механическим приспособлением для автоматизации расчетов в России, а затем и в Советском Союзе, были счёты, которые продержались на рабочих местах бухгалтеров и кассиров в магазинах вплоть до середины девяностых годов. Да-да, товарищи курсанты, вряд ли вам придётся самим иметь дело с этим анахронизмом, однако, вы должны иметь чёткое представление об этом предмете. Тем более, что, к примеру, в учебнике «Торговые вычисления» 1986 года методам вычисления на счётах посвящена целая глава...

Господи, да неужели на этой деревянной шайтан-арбе, иначе эту колымагу просто никак не обзовёшь, мой дедушка, а то и даже батя свой сопромат, или что там у них ещё было, рассчитывали?! Где у неё кнопка-то включения, хотя бы?!

— Счёты представляют собой деревянную рамку с укреплёнными на ней металлическими прутьями, на которых, в свою очередь, нанизаны деревянные косточки. На каждом пруте находится по десять косточек, за исключением разделителя рублей и копеек, на котором находится всего лишь только четыре косточки, товарищи курсанты...

Не, ну надо же! У этой каракатицы ко всему прочему и разделители разрядов имеются!

— Перед началом вычислений, товарищи курсанты, все косточки отодвигаются на правую сторону, как это показано на следующем слайде. Ввод числа начинают со старших цифр рублей, отодвигая нужное количество косточек правой рукой...

О да, да, тащ инструктор! Правую рукою, тихо сам с собою... Нахлынули такие милые сердцу отроческие воспоминания при одном только упоминании правой руки...

— В общем-то, товарищи курсанты, счёты пригодны только для сложения и вычитания, но при некотором навыке скорость выполнения расчётов может даже превосходить скорость выполнения таких же вычислений, но с использованием калькулятора...

Да ну нафиг, тащ инструктор, энто как же, вашу мать, извиняюсь, понимать?!

— Наряду со счётами, товарищи курсанты, в научно-инженерной среде использовались логарифмические линейки, практически без изменений прослужившие с семнадцатого века вплоть до появления калькуляторов...

Ах вон оно чё, Михалыч, то есть, тащ инструктор! Вот на чём предки сопромат считали!

— Арифмометры и первые электронные калькуляторы, товарищи курсанты, мы, пожалуй, пропустим. Арифмометры вы уже нигде там не увидите, а простейшими

калькуляторами вы пользуетесь и по сей день. Так что, переходим к программируемым калькуляторам...

А это что ещё за зверь такой, тащ инструктор? И такие динозавры бегали в эпоху вашего доисторического материализма? По мне так, звучит почти как «самобеглая коляска»!

— Незадолго до времени вашего планируемого заброса, товарищи курсанты, в конце 1977 года разработан и поступил в продажу первый советский портативный программируемый микрокалькулятор БЗ-21, внешний вид которого представлен на следующем слайде. С его помощью уже можно автоматизировать выполнение относительно небольших рутинных расчётов и хранить в памяти несколько чисел. При розничной цене в 350 рублей, которая снизится до 190 рублей только в 1979 году, это очень дорогой калькулятор. Напомню, что средний уровень заработной платы по стране в 1978 году составил чуть более 146 рублей. А сейчас, товарищи курсанты, передаю слово нашему инженеру-программисту!

— Спасибо, товарищ инструктор! Ко мне, товарищи курсанты, обращаться как «товарищ инженер-программист». Так вот, микрокалькулятор БЗ-21 работает с обратной польской нотацией, то есть сначала вводятся два числа, а затем вводится операция. После ввода первого числа необходимо нажать кнопку «стрелка вверх». Кроме двух операционных регистров X и Y микрокалькулятор имеет кольцевой стек, состоящий из шести регистров и соединённый с регистром X. Для кольцевого перемещения чисел в стеке необходимо...

— И, наконец, имейте в виду, товарищи курсанты, что первые модели программируемого микрокалькулятора БЗ-21 выпускали с индикатором на светодиодах красного свечения, но с 1979 года его поменяли на катодо-люминисцентный индикатор зелёного свечения, из-за чего микрокалькулятор стал работать на 20 % медленнее. Вопросы, товарищи курсанты?

— Курсант Арамис, товарищ инженер-программист! Скажите, а почему мы изучаем самую раннюю модель советских программируемых микрокалькуляторов? Ведь в раздаточных материалах, выданных нам для ознакомления на время занятий, имеются сведения и о намного более продвинутых моделях? К примеру, Электроника БЗ-34, МК 61, МК 52...

— Ваш вопрос понятен, товарищ курсант! Однако, во-первых, избегайте применять эпитет «продвинутый», поскольку он появится в ходу только в девяностые годы. Правильнее, в данном случае говорить «более совершенные модели». Ну а, во-вторых, вашим стартовым периодом является 1978 год, когда упомянутые вами модели находятся только в стадии разработки, и у вас будет достаточно времени для освоения новой техники. Кроме того, на базе БЗ-21 выпускался и такой интересный вариант как МК 64, отличающиеся наличием встроенного аналого-цифрового преобразователя. Надеюсь, именно вам, товарищ курсант, не надо объяснять, что такой девайс одинаково легко использовать для самых разных целей?

— Нет, ну ещё бы, — проворчал Виталий, плюхаясь на своё место, — Да это же практически готовый контроллер производственно-технологических процессов или, к примеру, мина с искусственным интеллектом, товарищ инженер-программист!

— Ну это вы хватили, товарищ курсант! — рассмеялся в ответ инженер-программист, — Для названных вами целей уже потребуется более серьёзный микропроцессор. Ну, например, к 1978 году уже будут производиться Intel 8080, Motorola 6800, MOS Technology 6502 и их клоны. Но, вне всякого сомнения, я бы порекомендовал вам любыми путями «достать», как говорили в те времена, микропроцессор Z80, разработанный и производившийся с 1976 года

фирмой Zilog. Впрочем, можно и любой из его многочисленных аналогов. И категорически я не рекомендовал бы вам иметь дело с отечественным КР580ВМ80А! Причин перечислять не хочу, это — глубоко личное...

— В 1967 году была запущена БЭСМ-6, выполнявшая около миллиона операций в секунду и являвшаяся несколько лет самой высокопроизводительной ЭВМ в Европе. В 1975 году модернизированная БЭСМ-6, работая в составе вычислительного комплекса в процессе космического полёта «Союз-Аполлон», обрабатывала полётные данные за одну минуту, в то время как американская сторона на такой же расчёт тратила тридцать минут[i]...

— В 1968 году Министр радиопромышленности СССР подписал поворотный для развития нашей электронно-вычислительной техники приказ номер 138 о прекращении разработки собственных вычислительных систем и разработке системы ЭВМ на основе архитектуры мейнфреймов IBM и Digital Equipment, адаптировав их к уровню советских технологий...

— Несмотря на то, что Советским специалистам удалось создать оригинальные варианты мейнфреймов, многие из которых были запатентованы, закат ЕС ЭВМ наступил с уходом мейнфреймов. Сегмент сложных и длительных вычислений заняли суперкомпьютеры, а развитие локальных сетей привело к распространению централизованных серверов, и необходимость в мейнфреймах с их терминальными станциями просто отпала...

* * * * *

— Группа, Встать! Смирно!! Товарищ инструктор, группа проекта 630 к занятию готова!

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

— Здравия желаем, товарищ инструктор!

— Вольно! Садитесь! Тема занятия — «Стихийные бедствия и техногенные катастрофы в СССР». Стихийными бедствиями, как вы знаете, называют различные природные или природно-антропогенные явления, в результате которых может возникнуть или возникнуть угроза жизни и здоровью людей, разрушение или уничтожение материальных ценностей и природной среды. Техногенными катастрофами называю крупная авария на техническом объекте, влекущая за собой массовую гибель людей и/или экологическую катастрофу. То есть, товарищи курсанты, в обоих случаях возникают схожие последствия, и в обоих случаях можно снизить до минимума число возможных жертв и экономический ущерб, если заранее знать о месте и времени такого события...

— Территория Советского Союза, товарищи курсанты, не относится к зонам с повышенной активностью природных стихий, но ей пришлось пережить множество самых различных природных катастроф: землетрясения, наводнения, цунами, пожары, которые уносили с собой тысячи человеческих жизней, и причиняли серьёзный материальный ущерб...

— 24 августа 1978 года у якутского посёлка Айхал проведён эксперимент «Кратон-3», подземный ядерный взрыв в промышленных целях. Халатность привела к выбросу радиоактивных аэрозолей и элементов ядерного взрывного устройства на поверхность. Радиоактивное облако накрыло территорию в 450.000 кв. км. Переоблучено 80 человек...

— 7 октября 1978 года при взлёте из аэропорта «Кольцово» (Свердловск) из-за отказа всех двигателей разбился самолёт «Як-40». Погибли 38 человек...

- 23 октября 1978 года в залив Сиваш (Крымская область) из-за обледенения двигателей во время ночного полета упал самолёт «Ан-24 Б». Погибли 26 человек...
- 13 декабря 1978 года на Сибирском химическом комбинате Томск-7 произошла ядерная авария при выполнении технологических операций со слитками металлического плутония. Пострадали 8 человек...
- 17 марта 1979 года при вылете из аэропорта Внуково из-за ложных сигналов аппаратуры и ошибок экипажа потерпел крушение Ту-104. Погибли 86 человек из 106 на борту. После этой катастрофы все самолеты Ту-104 были выведены из эксплуатации.
- В апреле 1979 года произошло наводнение в Пермской области, с ущербом 11 городам и 86 сёлам. Затоплено 7200 домов, размыто 338 км дорог, 11 км дамб, разрушены мосты, канализационные сети и линии электропередач, 16 км водопровода.
- 11 августа 1979 года в районе Днепродзержинска из-за грубейшей ошибки диспетчера столкнулись в воздухе два самолёта Ту-134. В одном из самолётов на игру в Минск летела футбольная команда «Пахтакор» из Ташкента. Погибло 178 человек.
- Пожар на Белоярской АЭС, выброс спор сибирской язвы в военно-биологическом центре Свердловск-19, половодье на реке Чулым в Томской области, взрыв двигателя во время полёта космического корабля Союз-33, взрыв на заводе бактериологического и химического оружия в Новосибирске, авария на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС ядерная авария на подводной лодке К-116, сильнейший ураган на Камчатке...

* * * * *

- Группа, Встать! Смирно!! Товарищ инструктор, группа проекта 630 к занятию готова!
 - Здравствуйте, товарищи курсанты!
 - Здравия желаем, товарищ инструктор!
 - Вольно! Садитесь! Тема занятия — «Серийные убийцы и маньяки в СССР»
- Поскольку, товарищи курсанты, однозначных и общепринятых определений этому психосоциальному явлению до сих пор нет, а в Советском Союзе его существование вообще не признавалось, условимся считать серийными убийцами людей, совершивших несколько убийств в целях удовлетворения своих патологических извращённых желаний и разделённых по времени более чем на один месяц. Но серийные убийства, товарищи курсанты, являются не только и не столько психосоциальным явлением общественной жизни, сколько даже политико-социальным, поскольку порождают чувство безнаказанности у преступников и ощущение определённой степени беспомощности у населения, подрывая, таким образом, доверие к существующему общественно-политическому строю...
- Давыдов Иван Иванович, 1949 года рождения, прозвище «Дзержинский оборотень» совершал преступления с 1971 по 1979 годы в городе Дзержинск Горьковской области. Доказано 10 убийств. Приговор оглашён в 1981 году...
 - Джумагалиев Николай Есполови, 1952 года рождения, прозвища «Железный клык» и др. Совершал преступления в 1979–1980 и 1989–1991 годы в Джамбулском районе Алма-Атинской области и в Актюбинске. Доказано 10 убийств. Приговор оглашён в 1981 году...
 - Михасевич, Геннадий Модестович, 1947 года рождения, «Витебский душитель». Свои преступления совершал с 1971 по 1985 годы в Витебской области. Доказано 36 убийств. Приговор оглашён в 1987 году...
 - Иванов, Юрий Ануфриевич, 1956 года рождения, прозвище «Кашетинский убийца» и

др. Совершал преступления с 1974 по 1987 годы в городе Усть-Каменогорск Казахской ССР. Доказано 16 убийств. Приговор оглашён в 1989 году...

— Чикатило, Андрей Романович, 1936 года рождения, прозвище «Бешеный зверь» и др. Будет совершать свои преступления с 1982 по 1990 годы в Краснодаре, Ташкенте, Ревде, Домодедовском районе Московской области, Всеволожском районе Ленинградской области, Кольчугино. Доказано 43 убийства. Приговор огласят в 1992 году. Кстати говоря, товарищи курсанты, фамилия этого серийного убийцы, как вам, я думаю, известно, стала нарицательной на территории практически всего постсоветского пространства...

— Оноприенко, Анатолий Юрьевич 1959 года рождения, Ткач, Сергей Фёдорович 1952 года рождения, Ряховский, Сергей Васильевич 1962 года рождения, Богданов, Борис Константинович 1953 года рождения, Кулик, Василий Сергеевич 1956 года рождения, Стороженко, Владимир Викторович 1953 года рождения, Роголев, Станислав Иванович 1941 года рождения, Бугаев Александр Петрович 1955 года рождения, Иванов Геннадий Иванович 1947 года рождения, Ретунский, Владимир Николаевич 1950 года рождения ...

— Более полные данные об известных нашему ведомству серийных убийцах того времени, товарищи курсанты, как и обычно, надиктуют вашей группе во время следующего сеанса гипнагогического погружения по технологии Хемисинк.

* * * * *

— Группа, Встать! Смирно!! Товарищ инструктор, группа проекта 630 к занятию готова!

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

— Здравия желаем, товарищ инструктор!

— Вольно! Садитесь! Среди комплекса причин развала СССР помимо рассмотренных вами причин историко-политического, экономического, социального, технологического и иного характера, были и связанные с подрывной работой западных разведслужб. Разумеется, мы не сможем пройти по всем аспектам этого разрушающего влияния, а потому ограничимся достаточно тонкой, но очень ценной для вас темой, как «Изменники и шпионы в СССР». При этом, по вполне понятным причинам, рассмотрим только тех ренегатов, враждебная активность которых начнётся до момента вашей заброски и будет раскрыта уже после неё, надеюсь, с вашей помощью. Кроме того, дополнительно я представлю вам информацию и по предателям будущего для момента заброски времени. Профилактике правонарушений, кстати говоря, в те времена уделяли довольно таки пристальное внимание, кхе-кхе-кхе...

— Поляков Дмитрий Фёдорович, 1921 года рождения, генерал-майор ГРУ Генштаба Минобороны. Более 20 лет был агентом ЦРУ, сдал 19 советских разведчиков-нелегалов и 150 агентов-иностранцев. В 1980 году вышел в отставку по состоянию здоровья и работал вольнонаёмным в управлении кадров ГРУ с доступом к личным делам сотрудников...

— Кулак, Алексей Исидорович, 1922 года рождения, полковник Внешней разведки, Герой Советского Союза. В 1962 году предложил услуги ФБР и сотрудничал с ним по 1970 год, передав различные сведения о работавших в Нью-Йорке сотрудниках советской разведки, а также сведения об интересах КГБ в научно-технической и оборонной сфере...

— Калугин, Олег Данилович, 1934 года рождения, генерал-майор КГБ... М-м-м, вот не этого товарища, который нам и вовсе даже не товарищ, товарищи курсанты, на момент вашей заброски в 1978 году неопровержимых улик, честно говоря, у нас до сих пор нет.

Короче, пусть с ним там наши коллеги-предшественники сами разберутся...

— Гордиевский Олег Антонович, 1938 года рождения, полковник Первого главного управления КГБ СССР. С 1974 по 1985 годы работал на британскую разведку. По утверждению бывшего председателя КГБ СССР Семичастного, Гордиевский нанёс спецслужбам СССР больше ущерба, чем даже генерал Калугин...

Ветров, Владимир Ипполитович, 1932 года рождения, подполковник Первого главного управления КГБ СССР, имевший контакты с французской разведкой с 1965 года и с 1981 по 1982 год передавший ей почти 4000 секретных документов, включая полный список 250 офицеров Линии X, размещённых под видом дипломатов по всему миру...

— Подполковник ПГУ КГБ Полецук Леонид Георгиевич, полковник ПГУ КГБ Владимир Пигузов, подполковник ПГУ КГБ Южин Борис Николаевич, майор внешней разведки Станислав Александрович Левченко, сотрудник легальной резидентуры внешней разведки в Марокко Анатолий Богатый, сотрудник нелегальной линии легальной резидентуры внешней разведки в Тегеране майор Владимир Андреевич Кузичкин, нелегал советской внешней разведки полковник Людек Земенек ...

— Более полная информация о преступлениях всех лиц, очно или заочно приговорённых с 1978 года по статье 64 Уголовного кодекса РСФСР «Измена Родине», для абсолютного запоминания будет надиктована вам, товарищи курсанты, во время очередного сеанса гипнагогического погружения по технологии Хемисинк.

* * * * *

— Вольно! Садитесь! И, наконец, товарищи курсанты, в заключение курса специальной информационной подготовки, несколько слов о правовых аспектах вашей деятельности, которую вы будете осуществлять на территории Советского Союза и соответствующего исторического периода под прикрытием личности своего реципиента, находясь физически на территории Российской Федерации и в условиях норм действующего законодательства. Таким образом, поскольку явление темпорального переноса не предусмотрено рамками ни одного из вариантов юридических норм, группа действует в рамках обоих вариантов...

[i] Инструктор приводит не совсем корректное сравнение, поскольку во время исторической стыковки «Союз» — «Аполлон» со стороны СССР, действительно использовалась хотя и несколько устаревшая, но слегка модернизированная и достаточно мощная по тем временам наземная ЭВМ «БЭСМ-6», а для управления КА «Аполлон» применялся хотя и менее мощный, но более компактный бортовой управляющий компьютер AGC (Apollo Guidance Computer).

Отступление, в котором один нижестоящий начальник отчитывается перед одним вышестоящим

Начальнику научно-технической службы в
Службе федеральной безопасности России
генерал-полковнику Метизову А.А.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что по состоянию на пятницу 09 октября 2020 г. членами группы специального назначения проекта 630 полностью освоены программы прикладной и информационной подготовки, в которые вошли следующие учебные блоки:

1. Вводный инструктаж по месту и времени темпорального перемещения.
2. Историко-географический учебный блок.
3. Историко-аналитический учебный блок.
4. Ретроспективная вычислительная техника и информатика.
5. Стихийные бедствия и техногенные катастрофы в СССР.
6. Серийные убийцы и маньяки в СССР
7. Изменники и шпионы в СССР

При этом, более полные данные по некоторым информационным блокам, сведения из которых нуждались в предельно точном механическом запоминании (частично блоки 2, 3 и 4, полностью блоки 5, 6 и 7) членам группы дополнительно надиктовывались во время последующих сеансов гипнагогического погружения по технологии Хемисинк.

Несмотря на трудности усвоения учебного материала, связанных с молодостью курсантов и непониманием теории развитого социализма, группа показала полное освоение учебной программы и готовность к переходу на финальную стадию проекта 630.

Старший учёный консультант и куратор проекта 630, доктор социологических наук, профессор, подполковник Тарасов В.М. — (подпись неразборчива) 11 сентября 2020 года

Глава восьмая, в которой рождается эгре-хор малохудожественной самодеятельности

— На нашем прошлом сеансе вы уяснили для себя основы технологии Хемисинк и при её активном использовании прошли через некоторые общеизвестные состояния изменённого сознания. Кроме того, у всех членов вашей группы была успешно произведена подстройка частот нейрофизиологических ритмов, что теперь позволяет легко и быстро вводить всех вас в состояние резонансного взаимодействия мозговых волн. Проще говоря, отныне, вы всегда и везде будете находиться, как говорится, на одной общей волне.

Как же, как же! Ну прямо как в большой и дружной семье. Только ить, в большой семье, оно ить, как говорится, э-э-э, короче не щёлкают, тащ инструктор! Сегодня утром вона как дружно все проблемы с пробуждением после очередного застолья решили. Страшненьких дружно выперли, предварительно опохмелив, мы ж не звери какие. Дружно Петровичу с сокрытием прочих следов преступления в его гостеприимном номере помогли. Двойными дозами цитрамона и контрастным душем так же дружно решили вопросы головной боли. Вот только, пока я крайним принимал этот грёбаный душ, они все успели похмелиться, а мне, видите ли, не хватило. Тебя, говорят, только за смертью посылать! И ржут как кони. Довольные такие. Исцеленные. Вот потому-то я сегодня с утра такой злой...

— В свою очередь, состояние резонансного взаимодействия ваших мозговых волн поможет вам сейчас создать ваш общий эгрегор, то есть, некий ментальный конденсат, рождённый вашими близкими мыслями и эмоциями. Самая подходящая аналогия среди животных— это коллективное бессознательное, которое объединяет их в рои, стаи, стада. Самая яркая и наглядная аналогия — это знакомый вам с детства муравейник. Существует мнение, что в среде людей эгрегор возникает как раз тогда, когда их объединяет какая-то общая цель.

Что-то уж больно знакомо всё это! Когда мы с батей по пятницам сидим на кухне и дуем пивасик, то после разговоров о нашей общей работе мы всегда переходим на политику и вот тут-то он начинает сыпать ленинскими цитатами, коих в него вдолбили изрядно в его совковой молодости. А уж про сексуально озабоченную идею, которая вечно овладевает ничего не подозревающими массами и становится при этом непотребстве материальной силой, батяня мне так и вовсе все уши с детства прожужжал!

— Минимальное количество людей, необходимое для создания эгрегора составляет всего лишь два человека, и чем больше людей, тем сильнее их эгрегор. Тем не менее, опытным путём установлено, что многочисленные группы людей порождают плохо управляемые и не синхронизированные эгрегоры, а оптимальная численность — четыре человека.

Странно, тащ инструктор, а чего это вы нам за церкву не впариваете? Или это в научной среде, считается не по понятиям? Или возможность её резиста крайне мала? Помнится, бабушка, когда хотела потихоньку от родаков меня сделать, так сказать, воцерковлённым, любила часто повторять слова из Евангелия, кажется, от Матфея: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Чем вам не эгрегор? Причём, это синодальный перевод, во многих других вариантах всячески пытаются переиначить в «хотя бы двое или трое». А почему не «хотя бы две или три тысячи»? А то ведь как раз уже даже не приход, а целый избирательный участок получается! Ну уж нет, на по-настоящему святое в нашей

стране кадиллом замахнуть не дадут, были случаи, знаем!

— Через несколько минут, товарищи курсанты, в наушники ваших шлемофонов подадут комбинацию частот, соответствующих состоянию, в котором тело расслаблено настолько глубоко, что сигналы, поступающие от органов чувств, почти не воспринимаются, но ум остается бодрствующим. Это состояние будет сопровождаться богатыми зрительными и слуховыми образами. В жизни вы, скорее всего, уже проходили через него перед потерей осознанности перед сном, но технология Хемисинк и введенные в вас стабилизирующие препараты помогут сохранить эту осознанность намного дольше. Всё это является частью процесса, синтезирующего ваш общий эгрегор и его перехода во внетелесную фазу.

Ух ты! Это они собираются нас в, так называемую, точку десять погрузить? Читал про это состояние, но, честно говоря, при всей моей увлеченности сам так и не сподобился на себе опробовать. Правда, если они к этому делу ещё и эгрегора пристегнули, то это явно что-то новенькое! Посмотрим-посмотрим... Чу, как пишут классики, пошёл белый шум, схожий со звуками проливного дождя. Ну хорошо, постараемся ещё больше расслабиться, как нам предписывал инструктаж. Ой, какая приятная тяжесть в теле образовалась! Тепло пошло в конечностях, даже жарко стало, шорт поберьки! Но нет, теперь приятная прохлада! Короче, я запутался, тащ инструктор, как я смогу объективно комментировать свои ощущения?..

* * * * *

КТО Я? ГДЕ Я? И НАКОНЕЦ КОГДА Я? НЕТ, КАК МЕНЯ ЗОВУТ, Я ЕЩЁ ПОМНЮ МОЁ ИМЯ — НИКОЛАЙ, ВПРОЧЕМ, НУ ЧТО Я ЭТО ГОВОРЮ, МЕНЯ ЖЕ МАРИА ЗОВУТ! ИЛИ ВИТАЛИЕМ? МИХАИЛОМ? КАК ТАКОЕ ВОЗМОЖНО, РАЗВЕ МОЖНО БЫТЬ НЕСКОЛЬКО ИМЕН У ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА? А ЧЕЛОВЕК ЛИ Я ВООБЩЕ? ЕСЛИ Я НЕ ЧЕЛОВЕК, ТО КТО? ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ПРАВИЛЬНО ЗАДАТЬ ВОПРОС: МНЕ СЕЙЧАС НЕСКОЛЬКО ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МЕНТАЛЬНЫХ ПОТОКОВ И ВСЕ ОНИ КАКОМ-ТО ВОСТОРЖЕННОМ УПОЕНИИ КРИЧАТ, ЧТО МЫ — ОДНО ЦЕЛОЕ!

* * * * *

Господи, прости меня грешного, ибо не верую я в тебя, ну или почти не верую, но что это было?! Нет, не так, а вот так: ЧТО ЭТО БЫЛО?! Это был одновременно и я, и не я, кто-то такой большой, можно сказать, огромный. И, в то же время, ОН носил все наши имена, ОН одновременно был всеми нами, но ОН не был никем из нас в отдельности. Пожалуй, нечто подобное я иногда ощущал во время проведения мозговых штурмов у нас в нашем семейном маркетинговом агентстве. Нечто, находящееся на грани восприятия, когда тебе кажется, что за столом совещания сидит кто-то ещё один, и именно этот кто-то большой и мудрый даёт идеи, которые никогда бы не возникли ни у кого из присутствующих. Точно, здесь тоже был кто-то пятый, такое же ощущение и точно так же щемит сердце грусть по утерянному единению наших четырёх душ после неизбежного разрыва контакта.

— Прекрасно понимаю ваши чувства, которые вы все, уверена, испытываете в эту минуту, товарищи курсанты! Вам теперь потребуется некоторое время для того, чтобы полностью успокоить свои возбуждённые чувства и разум, а также до конца осознать, что же такое с вами сегодня произошло, понять величие духа вашего эгрегора...

Да-да, тащ инструктор, простить, понять и вытащить свирель! Эгрегор-то наш ушёл, ясен пень, а свирель-то ваша, в смысле, это вконец задолбавшая пищалка бинауральных ритмов в наших ушах так и осталось звенеть, хоть как жвачку её выковыривай! Но вот по поводу понимания ты загибаешь, как мне кажется, тащ инструктор, это надо

прочувствовать...

— Потому, товарищи курсанты, наш сегодняшний сеанс окончен ввиду вашего досрочного успешного завершения программы подготовительного курса, с чем вас всех и поздравляю от имени руководства и инструкторско-преподавательского состава проекта 630! Начиная со следующего понедельника ваша группа продолжит работу с эгрегорами и осуществит с их помощью попытки темпорального перехода в заданную точку пространства и времени. Прошу приготовиться покинуть капсулы! Никто и ничего, товарищи курсанты, не пробует отключать самостоятельно, дождитесь полного автоматического отключения всех систем!

В этот раз ложементные капсулы покидали молча, привычных шуток ни от кого из нас так и не донеслось. Все члены группы специального назначения до сих пор ещё находились в синхронизированном друг с другом состоянии и безо всяких приборов, буквально каким-то совершенно неведомым и совершенно неважно каким по счёту внутренним чувством ощущали всеобщее подавленное настроение, которое бывает только после потери очень близкого человека или после потери частички своей души.

— Думаю, мужики, — мрачно изрёк Петрович, — Да какого хрена, ребята, не думаю, а вы же и сами без меня прекрасно знаете, что я знаю, что вы знаете... Короче, пацаны, я ПРОСТО ЗНАЮ, что от основательной выпивки никто из нас сегодня не откажется, друзья мои, ибо тоскливо мне как-то сейчас, пацаны, честное слово, тоскливо!

— Да не вопрос, Петрович! — так же угрюмо поддержал его на редкость грустный сегодня Михаил, — Только, мужики, давайте сегодня всё-таки где-нибудь в баре, что ли, посидим, а не в чьём-то номере. Не хочется сегодня возиться ни с поляной, ни с её уборкой. И, тем паче, с Виталькиными девицами. И где он их таких, кстати, только находит?

Всё нужное было уже озвучено, а потому мы с Виталием лишь молча кивнули, и через три минуты вся мушкетёрская братия сидела за столиком в самом тёмном углу нашедшегося неподалёку (а чего далеко ходить, когда надо пить?) малоприметного бара, напомнившего мне своим аскетическим минимализмом родные рязанские закусовые.

— За эгрегора! — буркнул Михаил и, как все остальные, не чокаясь, метнул стакан ко рту,

— За эгрегора! — повторили мы, глухо стуча о столешницу опустошёнными стаканами.

Не задавая риторически лишних вопросов и не спрашивая нашего ненужного в данный момент мнения, Петрович всё так же храня траурное молчание, тут же вновь наполнил наши стаканы повторными обманчиво прозрачными бульками, каковые без излишней суеты и волокиты немедленно постигла печальная участь предыдущих.

— Слушай, Петрович, а что же это вообще такое сегодня с нами было? — спросил Виталий, которого, судя по всему, так же, как и всех остальных, но в особенности, после выпитого, начало уже тяготить наше общее молчание, — Я сейчас не про эгрегора, Петрович, с ним-то как раз, в принципе, всё вроде понятно. Я про наше физическое состояние.

— Ну тогда уж, скорее физиологическое состояние, чем физическое. — охотно подхватил профессионально близкую ему тему Петрович, — Да здесь, Витёк, всё просто, я как медик группы проходил отдельный от вас инструктаж, но особой тайны в этом нет, равно как и чего-либо для вас действительно интересного. А все те явления, о которых ты говоришь, относятся к предварительным физиологическим реакциям при проведении наших сеансов. Сравнительно небольшое понижение кровяного давления, замедление ритма

сердечных сокращений, незначительное, всего лишь где-то на полградуса, падение температуры тела, некоторое ослабление мышечного тонуса...

— И сфинктера тоже?! — в притворном ужасе прикрыл я салфеткой рот, — Ну, ослабление?

— Слушай, — сощурился Михаил в приступе пьяной агрессии, — Прости, братан, но ты у нас часом не засранец какой, случаем? То, понимаешь, на толчок ты не успеваешь ещё только перед самым первым сеансом погружения, то за свою жопу ты боишься, как бы она у тебя ненароком не расслабилась где-нибудь не вовремя...

— Ну а ты, Миха, — уставился я на него в упор невидящими зрачками, — Ты, Миха, никогда ещё и нигде за свою жопу не очковал? Мы ведь сегодня с тобой, Виталием и Петровичем были единым целым! Памятью мы с тобой, правда, при этом не обменялись, насколько мы это поняли, но кто чего стоит, мы всё-таки поняли. Не так ли, Мишаня?

— Я н-н-не... — смертельно побледнел заикающийся Михаил, — Я был вынужден оставить его, ребята! У нас ведь приказ был один на двоих, я не имел права его не выполнить! Ему обе ноги ещё при самом десантировании перебило и я обязан был его ликвидировать, а я, а я, я ему аж четыре тримеперидина вкати-и-ил!!!

Здоровенный, под два с лишним метра ростом, совсем ещё молодой мужчина с заметной проседью на его коротко стриженных висках самым натуральным образом рыдал навзрыд, периодически обиженно всхлипывая и захлёбываясь слезами, словно какой шестилетний ребёнок, которого, по его мнению, незаслуженно наказали исключительно из-за неверия.

— А что это за тримеперидин такой, Петрович? — заговорщицки поинтересовался Виталий, даже и в такой весьма деликатной ситуации не постеснявшийся воспользоваться удобным случаем, чтобы лишний раз пополнить свой инженерно-технический чердак информацией из смежной области, — Что-то на основе триметила или пиперидинола?

— Опиоидный наркотический анальгетик, — механически ответил военврач, — Химическое название: один-два-пять-триметил-четыре-фенил-четыре-пиперидинол пропаноат... Да промедол это, короче! Должен знать, если сам служил. Только не в этом дело. Кажется, я кое-что знаю про это... Слышь, Миха? А у твоего напарника фамилия не Ткач была?

— Ну да, Ткач! — слегка приподнял голову от скрещенных на столешнице рук зарёванный Михаил, — А ты-то откуда знаешь? У операции-то вторая форма допуска была. Не первая, конечно, но ведь и не ДСП даже! Колись давай, Петрович!

— Такой не слишком высокий, но довольно толстый крепыш? — продолжал допытываться Петрович, не обращая особого внимания на яростное сопение Михаила, эмоции которого, похоже, перешли уже в совсем иную плоскость.

— Что ты про это знаешь?! — вскочил угрожающе набычившийся Михаил, — Говори!!!
Вместо ответа Петрович невозмутимо разлил всем по третьему стакану и, приподняв свой в каком-то намечающемся тосте, так же спокойно и выжидающе глянул на Михаила. Ещё недолго простояв перед столом нараскоряку в странной боевой стойке, тот наконец-то взял себя в руки и плюхнулся на своё место, что-то недовольно бурча под нос.

— Ну, — разродился и Петрович, — Тогда, за здоровье твоего радиста! — и опрокинув стопку, тут же смачно захрустел ядрёным бочковым огурцом, демонстративно чавкая и щурясь от якобы охватившего всё его внутреннее естество крайнего удовольствия.

Мы с Виталием без излишних слов только повторили вслед за Петровичем весь

нехитрый ритуал за тем лишь исключением, что я терпеть не могу бочковых огурцов, а Витёк так и вовсе, как выяснилось на предыдущей попойке, до четвёртой никогда не закусывает. Но уж после четвёртого стакана начинает метать яичницу, которую любит во всех её видах.

Что же касается Михаила, то он просто сидел, растеряно замерев и глядя на Петровича как глупый бандерлог на умудренного жизнью удава. Который, кстати, вовсе даже и не удав, а питон, а если быть совсем точным, то тигровый питон. Короче, питон — это не удав!

— Да жив твой Серёга! — сдался, в конце концов, Петрович, сжалившись над потерянным видом Михаила, — Жив и, как говорила героиня Веры Алентовой, по-прежнему довольно упитан. И даже на своих ногах бегают где-то там в Москве. И, это, в общем, на счёт формы допуска ты как раз тоже не прав. Разумеется, сам проверишь и перепроверишь, но теперь ваше дело даже «для служебного пользования» не тянет, ибо уникальный случай с твоим не менее уникальным обалдую уже попал по воле одного молодого профессора в анналы не только нашей отечественной, но и общемировой медицинской практики.

— Почему это вдруг обалдую? — неуверенно улыбаясь и кое-как вытирая рукавом своего комбинезона заплаканное лицо, спросил Михаил, — И куда это он попал? В какой такой ещё анал-манал? Вроде бы, никогда не водилось за ним, гм, такого!

— Куда, куда... — недовольно проворчал Петрович, — Куда надо, туда и попал! В учебники по военно-полевой хирургии он попал! Я ведь твоего Серёгу лично оперировал в наскоро развёрнутом полевом госпитале под... Ну, да ты, Мих, и сам, в общем-то, знаешь под чем, когда и где. Подробные детали проведённой тогда хирургической операции тебе вряд ли что смогут рассказать, если только ты сам не сможешь представить себе методы лечения костей конечностей с использованием минимально инвазивных технологий остеосинтеза интрамедуллярными гвоздями с блокированием и пластинами с угловой стабильностью винтов. Ну, это такой метод внутреннего остеосинтеза, мужики.

Пожалуй, не менее десяти минут над уставленным разнообразными бутылками, стаканами и закусками столом висела ошарашенная поболее нас самих всеобщая недоумённая пауза, по окончании которой Виталий снова молча разлил всем по привычной дозе и осторожно прокашлялся, как наиболее продвинутый из нас в техническом отношении.

— Что это было? — задал он мучавший всех нас сакраментальный вопрос голосом Алексея Булдакова из «Особенностей национальной охоты», — Минимально... инвазивно... Не, ну, что это про кости, нам это понятно. Про понятие технологии тоже понятие имеем. Какие-то там пластины, винты, блокирование и даже стабильность, Мы, Петрович, как мужики, тоже на троих сообразим. Но что это за интрамедуллярные гвоздики такие, Петрович?!

— Гвозди? Ну, это, скорее, шурупы. Такие анатомичные шурупы из титанового сплава. А всё вместе представляет собой один из методов внутреннего остеосинтеза, — отмахнулся, было, военврач, но заметив наши поморщившиеся фейсы, попытался исправиться, — Ну, это метод обездвиживания костных отломков для сращения огнестрельных переломов. Вам, мужики, наверное, лучше знаком наружный остеосинтез, когда костные отломки соединяют с помощью дистракционно-компрессионных аппаратов внешней фиксации.

— О как! — крикнул я, — Так бы и сказал сразу, а то гвозди какие-то он... Ну, за понимание!

— За понимание! — понимающе ухмыльнулась прочая братия, со звоном сдвигая стаканы.

— А обалдуй он, — продолжил Петрович после того, как основательно закусил, — Обалдуй, потому как он цельную фляжку спирта успел накатить, прежде чем под мой нож попасть. Принесли его ко мне, а он песни орёт, что-то из Есенина, кажется, и, самое главное, всё про какого-то Миху через раз добавляет, типа, промедолу пожалел и весь кайф сломал.

— Да я ему, мля, и без того по два тюбика засадил в каждую ногу, — искренне возмутился Михаил, оскорблённый в своих самых лучших чувствах, — А как же его вытащили? Там...

— А ничего там уже больше не было! — довольно резко оборвал его Петрович, — Как только ты, гм... сделал своё дело и оставил там лазерный маячок, сразу же после твоей эвакуации по тому месту наши ВКС штатно отработали ракетой морского базирования. Серёга твой только слегка оглох, окосел и Есенина громко читал. Ох и матерился наш анестезиолог!

Похоже, в нашем Петровиче пропал великий психолог. Хотя и врач-хирург он, наверное, тоже от Бога. Но надо было видеть выражение безмерного и опять же какого-то детского счастья на морде лица Михаила, с ещё не совсем обожжённой души которого буквально сняли неведомую, по крайней мере, нам с Виталием тяжесть.

— Ну так что, товарищ военнослужащий, мировую? — вполне миролюбиво спросил я у Михаила, продолжать дуться на которого было бы просто глупым ребячеством.

— Прости, брат! — всего-то и ответил тот, подходя, склоняясь и обхватывая меня своими бревноподобными ручищами. Одарив каждого из нас такого рода телячьими нежностями, как ворчливо обозвал искренние порывы его души Петрович, Михаил сел на своё место и торжественно поднял кем-то заботливо наполненный почти до краёв стакан.

— Братья! Да-да, именно так, не побоюсь теперь этого святого, но через край замыленного, но так до конца и не отмытого слова! Пусть и не участвовали Виталий с Марком в боевых действиях — это не плохо и не хорошо, это просто есть. Я успел повоевать, Петрович более моего насмотрелся всякого, и это тоже ни плохо, ни хорошо. Но одно я сегодня понял во время сеанса нашего общего единения — отныне мы братья, всегда и везде. За братство!

— За братство! — повторили мы вразнобой, вставая и пряча непривычное нам смущение за гораздо более привычными для всех циничными ухмылками и беззлобными подначками.

— За наше молочное братство! — хихикнул Виталий, намекая на наши предыдущие оргии, за что тут же отхватил не по-братски болезненные тычки от других «молочных братьев».

В чём тут было дело, в ежедневной ли синхронизации полушарий нашего головного мозга или в банально целебно тонизирующем воздействии окружающей нас сибирской тайги, но к себе в номер я шёл практически трезвым, несмотря на изрядный объём выпитого.

Придя к себе, стащил обувь, швырнул на кровать тактическую поясную сумку и планшет, скинул усеянный многочисленными биоэлектронными датчиками комбинезон и, пройдя в ванную комнату, с наслаждением принял обычный, а не контрастный, душ.

Не смотря на ранний час, улёгся в кровать, закинув руки за голову, поскольку засыпать пока ещё не собирался, а вот подумать надо было про много странных вещей. К примеру, про нашего эгрегора, явление, чего уж скромничать, космического масштаба, сравнимое с полётом Юрия Гагарина, компьютерной революцией и расцветом мобильных технологий.

Однако же, если признать значение этого действительно уникального события, то, в таком случае, у достаточно опытного и квалифицированного маркетингового аналитика, коим я, надеюсь, вправе себя считать, неизбежно просто обязан возникнуть совершенно логичный вопрос. Почему я вплоть до сегодняшнего дня об этом ничего не знал? Это я-то, который, несмотря на всю свою вполне понятную занятость молодого амбициозного человека, живо интересуюсь всем, что мало-мальски касается вопросов человеческого сознания?

Столь интереснейшее применение технологии бинауральной синхронизации, защищённой множеством патентов, а потому, помимо всего прочего, имеющей и вполне коммерческий характер, в любом случае должно было бы иметь адекватное отражение не только где-то в малоизвестных специализированных изданиях, но и хотя бы мелькнуть в Сети.

Готовый, можно сказать, продукт, способный перевернуть всю современную философию и прочие человеческие воззрения не только наиболее общего, как философия, но и сугубо утилитарного, как, например, психология или социология, характера, и ту вдруг на тебе!

В противовес данному факту, вспомним, хотя бы, на мой взгляд более чем сомнительные, смахивающие на откровенную дезинформацию не столько потенциального противника, сколько собственного населения, заявления президента о создании некоего супероружия.

Ракета с ядерной энергоустановкой, неограниченной дальностью и, гм, непредсказуемой траекторией, вместо которой нам демонстрируют анимацию студенческого уровня на том основании, что даже истинный внешний облик новой ракеты показывать нельзя.

Боевые лазерные комплексы, больше напоминающие декорацию к очередному эпизоду из «Звёздных войн», причём выполненных не кудесниками Джорджа Лукаса, а где-нибудь под Москвой, престарелыми декораторами киностудии «Мосфильм».

И наконец, если разве что забыть ещё и про взлетающие с первой космической скоростью сверхзвуковые ракеты, то никому не нужный подводный дрон по кличке Батон, Ядрёный Батон. Бонд, Джеймс Бонд. Не нужный, ибо это — оружие возмездия, а не сдерживания.

Батя, правда, всегда переходит на ор, каждый раз, когда в очередную пятницу я из какого-то мальчишеского озорства начинаю его провоцировать этой тематикой после нескольких банок креплённой «Охоты». Вскакивает, по кухне бегают, кричит, что я типа не фига и ни разу ни в теме. Мол, на самом деле, всё это ещё старые разработки, чтобы там президент ни говорил, но именно потому и очень даже возможные. Вот только, всегда добавлял он смущённо, как лазерщик советской школы, он знает, что боевой лазер — это полный бред, и, что предел возможностей современного лазера является ослепление людей или средств оптико-электронного наблюдения. Даже, несмотря на достигнутый уровень их мощности и широкое применение компьютеризированных технологий фокусировки и наведения.

Впрочем, не в том дело, насколько всё это реально или не реально, а в том, что все эти не готовые к массовому применению разработки, распиарены и разрекламированы выше всякой меры, в то время, как даже о мирном применении эгрегоров ничего не известно.

К тому же, крайне напрягает меня и небывалая и явно избыточная ментальная мощь

нашего эгрегора, синтезированного всего лишь из четверых, пусть даже молодых и сильных, мужчин, для декларируемых нам целей заведомо наблюдательного и, если можно так выразиться, информационно-посреднического характера.

И, опять же, крайне странный подбор членов нашей группы специального назначения, в которую вошли два, по всей видимости, уже заранее списанных неудачника из непростых военных, а также двое гражданских специалистов, жертвы среди которых, насколько я это правильно понимаю, вообще никто и никогда всерьёз не воспринимает...

То есть, иначе говоря, где фотогеничность гагаринских улыбок? Где выверенный подбор образов для потенциальных покорителей пространственно-временного континуума? Где, шорт поберьи, заготовленная речь о маленьком шаге одного эгрегора и гигантском скачке для всего человечества? Да, хотя бы, то же гагаринское «поехали»?

Где-нибудь в штатах, нас бы уже знала вся страна, да что там страна, нас бы уже весь мир знал как облупленных! Притом, задолго до нашего реального темпорального перехода. А в состав группы обязательно бы включили женщину, негра и педика, дабы не оскорбить чувства, по крайней мере, представителей хотя бы данных социальных групп... Так что же это тогда получается, если группа должна состоять из четырёх человек, то в нашей группе остался бы только один нормальный мужик?! Или в таких случаях можно объединить все политкорректные признаки в одной чёрной женщине нетрадиционной ориентации?

Ладно, это всё, конечно же, очень хорошо, что мы не в Америке какой-нибудь, однако, по совокупности всех выявленных мною за эти дни странностей, сам собою напрашивается один не очень таки приятный для всех нас логический вывод.

И этот нехороший вывод состоит в том, что, скорее всего, вся наша группа специального назначения в своём полном составе и с самого начала существования проекта 630, если не с самого начала его разработки, считается одноразовым расходным материалом со всеми вытекающими из этого заключения фатальными для нас последствиями.

И тогда встаёт правильно поставленный вопрос, который по определению включает в себя и часть правильного ответа. В чём состоит фатальность этих неприятных последствий? В том, что нам предстоит дорога в один конец? Или в том, что наше возвращение просто не предусмотрено? Или и того и другого, и можно без хлеба?

Отступление, где один нижестоящий начальник отчитывается перед одним вышестоящим

Начальнику научно-технической службы в
Службе федеральной безопасности России
генерал-полковнику Метизову А.А.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что по состоянию на пятницу 16 октября 2020 г. программа подготовительного курса внетелесных темпоральных перемещений досрочно освоена всеми членами группы специального назначения проекта 630.

Вчера, в четверг 8 октября 2020 года, в 16 часов 32 минут по московскому времени, в ходе санкционированной Вами внеочередной попытки перехода от синхронизации полушарий головного мозга каждого из членов группы по отдельности к одновременной резонансной синхронизации всех членов группы вместе, впервые в истории объективных наблюдений был зарегистрирован синтез коллективной бессознательной сущности, т. е. эгрегора.

Мощность ментального выброса, измеренная биоэлектронными датчиками, составила при этом 5 (пять) ментальных единиц, что в соответствии с теорией профессора Брюховецкого однозначно свидетельствует о резонансной синхронизации всех четырех членов группы и обертоном синтезе указанной сущности.

Согласно Вашей директиве 630/003 сеанс бинауральной синхронизации был немедленно прекращён, а курсантам было объявлено, что, в течение следующей недели, группа будет продолжать работу с синтезированным коллективным сознанием и осуществит попытки темпорального перехода в заданную точку пространства и времени.

В продолжение действия этой же директивы, все члены группы были взяты под усиленное наблюдение, для их дополнительной скрытой охраны было поднято по тревоге отделение войск специально назначения ГРУ, а весь военный городок охвачен блок-постами 137-го полка 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Старший учёный консультант и куратор проекта 630, доктор социологических наук, профессор, подполковник Тарасов В.М. — (подпись неразборчива) 11 сентября 2020 года

Глава девятая, в которой героический эгре-хор разрывает оковы пространства и времени

— На прошлых сеансах, товарищи курсанты, — вновь журчал в шлемофонах бархатистый голос нашей инструкторши, по которой мы все уже успели соскучиться за эти выходные дни, — Ваша группа успешно освоила погружение в гипнагогическое состояние...

Ага, вообще-то, я примерно так и подумал, гипнагогическое состояние или, иначе говоря, оно же — «фокус десять», «точка десять» или просто «десятка». Постой-ка, постой-ка, а ведь сам автор методики Роберт Монро утверждал, что дальнейшее повышение частот в мозге может привести к состояниям сверхвнушаемости. Не здесь ли наша собака зарыта?

— Кроме того, товарищи курсанты, в гипнагогическом состоянии вашей группе удалось не только синхронизировать полушария собственного головного мозга, но и мозговые волны друг друга, что, в конечном итоге привело к спорадическому синтезу вашего совместного коллективного сознания или, другими словами, эгрегора.

А что это, вдруг, спорадического, тащ инструктор? А по мне так и вполне закономерного! Помнится, на позапрошлой неделе вы только что не пели у нас в наушниках и даже, на радостях, наверное, раньше времени нас всех на выходные распустили.

— И, самое главное, товарищи курсанты, гипнагогическое состояние помогло вам успешно освоить начитанный вам на прошлой неделе немалый объём фактографических данных, переведя его из отделов мозга, отвечающих за кратковременную память в отделы мозга, отвечающих за долговременную память...

Ха, тащ инструктор! Успешно освоить! А когда башка трещит по утрам почище похмелья, это как называется?! Благо, что не «наш милый доктор» Петрович, а почему-то Виталий оказался у нас ходячей аптечкой и никому из нас не отказал в таблетке выживальческого кеторола... Нет, с другой стороны, ясен пень, спроси у нас любого, мигом заложим и перезаложим всех известных сегодня органам маньяков и предателей, но нельзя же так...

— Сегодня, товарищи курсанты, вы продолжите работу с синтезированным коллективным сознанием и осуществите его темпоральное перемещение в заданную точку пространства и времени. Примите, пожалуйста, наиболее привычную и удобную для вас позу, закройте ваши глаза и максимально расслабьтесь...

А вот мне очень интересно, тащ инструктор, каким это святым макаронном можно в этих ложементных креслах принять «наиболее привычную и удобную для нас позу», если они, как я понимаю, индивидуально отлиты под конкретную позу наших тушек?

— Сейчас, товарищи курсанты, как и в прошлый раз, я подам на ваши стереонаушники те же самые комбинацию частот, соответствующих состоянию, в котором тело расслаблено настолько, что поступающие от органов чувств сигналы, уже почти не воспринимаются, а мозг сохраняет своё бодрствующее состояние.

Да. С каждым разом я всё быстрее и увереннее погружаюсь в описанное инструкторшей состояние. Чувствую себя как-то совершенно отстранённо. Полностью себя осознаю. Но думать не то, чтобы тяжело, а просто совсем не хочется. Ни о чём. Действительно, похоже на то, что будто то ли вот-вот засну, то ли вот-вот проснусь...

— Товарищи курсанты, вы все находитесь в гипнагогическом состоянии, вы находитесь в гипнагогическом состоянии! Вы не можете сейчас ощущать своих органов чувств, но вы

можете почувствовать друг друга! Потянитесь друг к другу, объединитесь в единое целое!

Вижу светящуюся точку. Точка начинает приближаться и расти. Нет, это я лечу к этой точке, а вокруг меня медленно смыкаются стенки какой-то чёрной туннельной трубы. Я должен успеть долететь до светящейся точки раньше, чем эти стенки коснутся меня! Есть!

ЕСТЬ! ТЕПЕРЬ, Я САМ СТАЛ ТОЙ СВЕТЯЩЕЙСЯ ТОЧКОЙ! И Я ОПЯТЬ ОЩУЩАЮ СЕБЯ! COGITO ERGO SUM! МЫСЛЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, СУЩЕСТВУЮ! ИСТИННАЯ ПЕРВИЧНАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ, В КОТОРОЙ НЕВОЗМОЖНО УСОМНИТЬСЯ, КОТОРОЙ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, МОЖНО НАЧАТЬ ОТСТРАИВАТЬ МОЁ СОЗНАНИЕ!

— Товарищи курсанты, система биоэлектронной регистрации и контроля зафиксировала выброс ментальной энергии с мощностью, эквивалентной электромагнитному излучению пяти человек, что соответствует уровню вашего обычного резонансного взаимодействия и синтезу коллективного сознания, выступающего как ОБЩАЯ дополнительная сущность.

РЕБЯТА, ЧТО ОНА ГОВОРИТ, ЧТО?! Я ЖЕ НЕ СУЩНОСТЬ!!! Я ЖЕ ЛИЧНОСТЬ НЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КАКАЯ-ТО, ХОТЯ И, ДА, ОБЩАЯ, ДА, ОБЩАЯ, ДА...

— Товарищи курсанты, соберитесь, но не засыпайте и не просыпайтесь! Наши датчики фиксируют ментальную нестабильность эгрегора. Курсант Евдокимов, прекратите спать! Считайте, что вы в карауле! Я надеюсь, вы ещё не забыли устав гарнизонной и караульной служб? Курсант Князев, о чём вы сейчас думаете? Нет, отвечать не надо, просто ни о чём там не думайте! Особенно, о том, о чём вы сейчас думаете, не думайте! Короче, просто не думайте и всё! Курсант Коновалов, курсант Селин, так держать! Начнём с начала...

ЧТО ЭТО БЫЛО, ВАШУ МАТЬ?! ВРОДЕ КАК ЗАСНУЛ! СНАЧАЛА ЗАМУТИЛО КТО, А ПОТОМ ВООООЩЕ МЫСЛИ ВРАЗДРАЙ ПОШЛИ. НО НИЧЕГО, Я С КАЖДЫМ СВОИМ ПРОБУЖДЕНИЕМ СТАНОВЛЮСЬ ВСЁ БОЛЕЕ ЦЕЛЬНЫМ И ВСЁ БОЛЕЕ УСТОЙЧИВЫМ, ЧТО ЛИ. НЕТ, ВСЁ БОЛЕЕ СТАБИЛЬНЫМ — ВОТ БОЛЕЕ ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Я ОСВАИВАЮ ВСЁ БОЛЬШЕ СЛОВ, А СЕМАНТИКА КАЖДОГО НОВОГО СЛОВА ПОРОЖДАЕТ РАЗВЕТВЛЁННОЕ ДРЕВО ВСЁ НОВЫХ И НОВЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ И МОРФОЛОГИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЙ, ВАШУ МАТЬ...

— Товарищи курсанты, мы снова с удовлетворением констатируем синтез вашего эгрегора, и, судя по всему, его амплитуда и резонансная устойчивость на порядок выше, чем было у вас в предыдущих случаях. Хорошо запомните и поддерживайте то состояние, в котором вы все сейчас находитесь. А сейчас вы слышите слабый шум дождя за деревенским окном, у которого сидите. Шум приближается, приближается, он усиливается и наконец окошко распаивается под сильными порывами ветра и ворвавшиеся струи летнего ливня сметают на своём неудержимом пути последние барьеры вашего не знающего поражений молодого сознания, разрывающего на себе ослабевшие пути пространства и времени! ...

ВОТ ЭТО Ж ХРЕНАСЕ ВЕТРОГАН!!! ОКОШКО НАСТЕЖЬ, ГОРШКИ С МАМИ И ГЕРАНЬЮ НА ПОЛУ, САМ ВЕСЬ МОКРЫЙ! ОЩУЩЕНИЕ ТАКОЕ, БУДТО МОЗГИ ДА ПРОМЫЛО. ДО ПОСЛЕДНЕЙ ИЗВИЛИНЫ... А, КСТАТИ, И ВПРЯМЬ НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ. ЭТО Ж НАДО ТАК ДОПИТЬСЯ! НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ: КТО Я, ГДЕ Я?!

— Сегодня суббота первое июля 1978 года. Вы — Иван Ильич Шкворин, семнадцатилетний житель деревни Перловка, что находится в Кыштовском районе

Новосибирской области...

ВСПОМНИЛ! Я Ж ВАНЬКА ШКВОРИН! ОХ И СТЫДОБИЩА-ТО! А ВСЕГО-ТО ПАРЕ-ДРУГОЙ ГЛОТКОВ БОРМОТУХИ ИЗ ГОРЛА ВЧЕРА ОПРОКИНУЛИ ЗА КЛУБ ПОСЛЕ ТАНЦЕВ. ХОТЯ, КУДЫ ЖЕ Я ДЕНУСЬ, СЕГОДНЯ ОПЯТЬ ПОЙДУ, РОВНО ТА, ЧТО В АНЕКДОТЕ ПРО РЕГУЛЯРНО НАСИЛУЕМУЮ...

* * * * *

— Не, ну всё-таки, — не унимался Миха, — Здорово мы сегодня, а, здорово? Инструкторша, как мне кажется, сегодня ваще только что кипятком не писала! Согласись-ка, Марчелло?

— Сам ты сиська! — уже дежурно добродушно огрызнулся я на Михины подначки, — И что тут такого здоровского ты видишь, Миха? Лучше налей по второй, что ли, поторопись-ка! Хорошо-хорошо, никакая ты не тара и не писька! Но учти, за братство я больше не пью! Я сегодня злой и память у меня хорошая, а потому очень даже хорошо помню, чем мы тогда с тобой закончили, когда крайний раз за братство пили. Как назывался тот коктейль?

— Сиськи-письки, — пробормотал Миха покраснев, — Только, пацаны, не подумайте чего, это просто такая спецназовская аллегория! Ну, сгущёнка, которая символизирует женское молоко, куриное яйцо, которое символизирует, э-э-э...

— Стоп, Миха!!! — взмолился Виталий, — Только избавь нас, пожалуйста, от анатомических подробностей, чего и у кого они там символизируют, а то ведь я больше никогда не смогу жрать свою любимую яичницу! А у меня кореш в Рязани такую классную яичницу делает!

— Да ладно уж, — проворчал Миха, — Затем всё это хозяйство заливается фляжкой спирта...

— Смешать, но не взбалтывать! — с готовностью прервал его Петрович, подставляя стакан. А к чему вообще все эти твои спецназовские аллегии, Миха? Типа, мы после распития такого термоядерного коктейля станем молочными братьями, да?

— Ну да, — смущённо пробормотал Михаил под общий хохот, — Это я сам придумал, когда наша бригада окопалась под... э-э-э, позиционное перемирие и всё такое, скука, короче!

— А ты чего молчишь, Вить? — ткнул я в бок наше «инженерно-техническое обеспечение».

— А чего тут ещё скажешь? — неохотно отозвался задумчиво покачивающий свой стакан Виталий, — Всё правильно, все мы, ясный хрен, молодцы, ур-р-ря и всё такое прочее, но вот только... Мужики, любите ли вы фантастику, как люблю её я?

— Ну не тяни! — привычно ткнул я того в бок, — Ну чего тебе опять заговоры мерещатся?

— Не запряг, не нукай! — не менее привычно огрызнулся Виталий, — А всё это я к тому, что читал я как-то на толчке один фантастический рассказик. Чего ржёте? Короткие рассказы, между прочим, для того и пишут, чтобы их именно там и читали! Ну не роман же мне там читать! Ага, «Войну и мир», например, с выражением. Я как раз по-французски только в нужнике обычно и говорю одним заголённым местом. Ну, так вот, мужики, есть у Роберта Силверберга рассказ «Двойная работа» про двух земных инженеров, которые изобрели вечный двигатель, после того, как им подсунули его якобы действующую модель и, тем самым, убедили в его реальности. Сечёте?

— О как! — удивился Миха, — Со мной-то всё понятно, если мне что приказано, то...

Э, нет, ребята, так не пойдёт! Если толком не служили, то, соответственно, не поймёте, что такое приказ для военного человека. Нет, Виталик, прости, но твоя годовичная срочка тут тоже не прокатит! Мне приказали и я пошёл. Если в водной сказано пройти через пространство и время, то я и пройду через эти долбанные пространство и время. Потому что никто кроме нас! Как-то так, ребята. Ну а ты, медицина, что нам скажешь по этому поводу?

— Объяснил, нечего сказать! — засмеялся Петрович, — Короче, дерусь, потому что дерусь! Ну а если серьёзно, ребята, то Виталий, похоже, прав, поскольку ещё в середине прошлого века известный советский психолог профессор Олег Константинович Тихомиров, ученик великого Лурии, проводя опыты по внушению личностей знаменитых людей, обнаружил, что человек, которому внушили, что он Репин начинал хорошо рисовать.

— Да ты чё, — искренне изумился Миха, — Вот так мне скажут, что я типа Никола Паганини и я не хуже Ванессы Мэй смогу где-нибудь в кабаке лабать?! А ведь до операции не мог!

— Правда-правда, Миха! Тихомиров даже организовал выставку работ, авторы которых стали художниками под гипнозом. Выставка вызвала фурор, так как многие эксперты отказывались верить, что эти полотна писали люди, никогда не учившиеся рисованию и живописи. Скажу больше, то же самое происходило с добровольцами, которым внушалось образы других великих людей. Они становились вполне профессиональными певцами, шахматистами, хотя ранее не имели никакого отношения к этим видам искусства. Может, разольём по очередной, мужики, а то в горле пересохло уже?

— Кстати говоря, — продолжил Петрович после того, как все выпили, — Когда я упомянул имя советского психолога и врача-невропатолога Александра Романовича Лурия, то сразу вспомнил, как он лечил Аркадия Голикова, психика которого была сильно деформирована алкоголизмом и «посттравматическим синдромом», что находило выражение в головных болях, сопровождавшихся приступами злобы, ярости и даже членовредительства.

— Кто такой Голиков? — вновь не удержался и тихонько спросил уже у меня Михаил, пока Петрович сосредоточено закусывал столь обожаемую большевиками холодную закуску.

— Красный командир, — так же тихо ответил я тому, — С 14 лет воевал на Гражданской, а лет в шестнадцать или семнадцать, точно не помню, уже командовал полком. Вообще-то, Миха, эту жуткую личность, ты как военный должен лучше меня знать. А Алкоголикова я больше знаю как советского детского писателя Аркадия Гайдара. Но книжек его не читал и о чём он писал лучше меня не спрашивай, ибо просто не знаю...

— Так вот, — Абсолютно невозмутимо продолжил Петрович, но после того как тщательно пережевал свою закуску, — Голикова привезли в харьковскую психушку, когда его уже приговорили к расстрелу за бесчинства в отношении мирного населения...

— Это ж, — чуть не задохнулся Миха, — Это ж что такое надо было сделать, чтобы во время Гражданской красные своего же за зверства к расстрелу приговорили?! Всё-всё, Петрович, молчу как рыба об лёд! А то по шее получу и подвиг свой не совершу...

— А в харьковской психушке, — сверкнул глазами Петрович, — Работал в то время Лурия...

— Так ты, Петрович, — подхватил я, — Думаешь, что этот патологический палач Голиков, как ты его фактически обозвал, превратился в детского писателя Аркадия Гайдара не без психиатрической помощи великого советского ученого?

— Ну-у-у, — протянул с явным сомнением в голосе Петрович, — Во всяком случае,

коллеги Голикова по прежней жизни отмечали его в нелюбовь к писанине, из-за чего тот никогда даже не вёл допросных протоколов, представляете, мужики? Миха, давай наливай!

— Не, Петрович, — энергично замотал головой Михаил, — Эти всякие там лурии-шмурии и прочие джуны-шмуны, как ни крути, всё-таки единичные примеры и, наверное, далеко не всякому человеку можно внушить, что он почти гений! Витёк, допивай, шланга ты эдакая!

— Единичные? Далеко не всякому? — насмешливо глянул Петрович, — Тогда держи! Другой советский врач-психотерапевт и гипнолог Владимир Леонидович Райков также известен своими экспериментами по развитию творческих способностей с использованием гипноза. За период с конца прошлого — начала нынешнего века у него прошли сеансы по развитию творческих способностей свыше полутора тысяч человек. Полутора тысяч, Миха! И цикл выставок живописных работ в Московском Дворце культуры «Меридиан», написанных под его гипнозом в лаборатории развития творческих способностей у молодежи.

— Ну хорошо, — не сдавался Миха, — А что, под гипнозом только мазню малевать учат?

— Почему только? — возмутился Петрович, — Музыка, пение, языки... Кстати, о языках, ты давай-ка разлей всем, ты же у нас сегодня дежурный виночерпий, а я сейчас один прикол вам расскажу... Эй, ты что краёв моего стакана не видишь? Ага, а вот теперь спасибочко! Когда одному плохо знающему английский участнику внушили, что он типа англичанин, и спросили «ду ю лайк пиво?», то есть «любишь ли ты пиво?», получили его ответ «вот из мин пиво?» — «что такое пиво?», иначе говоря, степень отождествления себя с внушенным ему образом была такой, что парень реально забыл значение русских слов.

— А когда другому, — продолжал Петрович, — Внушили, что он гениальный американский шахматист Поль Морфи и предложили сыграть в шахматы, тот запросил гонорар миллион долларов. Дали ему пачку бумаги, типа миллион долларов, а на энцефалографе мощный всплеск яркой эмоциональной реакции. Кстати, играл с ним сам Михаил Таль.

— И? — вновь не выдержал Миха, а мы с Виталием просто выразительно промолчали.

— Таль сыграл с ним две партии, — буркнул Петрович, прожевав очередной кусок, — До и после внушения. Гроссмейстер признал, что хотя «в образе» испытуемый играл, конечно, же не на уровне Морфи, но все же примерно разряда так на два выше, чем без гипноза. Людям внушали, что они новорожденные и их нейрофизиологические реакции тут же приходили в соответствие: детское десинхронное плавание глаз, специальные рефлекс стопы и рук, свойственные только новорожденным. Такие вещи взрослый сыграть просто не может. Людям внушали, что они весит только три килограмма, и у них уже в первые сутки меняется походка, учащаются дыхание и пульс, меняются газообмен и давление крови. Причём, похоже, люди получали не просто иллюзию невесомости, ибо многие из них спали с поднятыми вверх руками и ногами, не чувствуя их веса. А вообще говоря, последователи советской школы психологии типа нашего Тарасова не зря развивают это направление, потому что наработки по гипнотическим состояниям особенно характерны и для наследия советских специалистов, работавших в закрытых учреждениях СССР...

— Слушай, Петрович, — засомневался неугомный Михаил, — А может быть наши просто, как это тогда было у нас распространено, приписками занимались, что ли, дабы поднять престиж советской науки и всё такое прочее?

— Да нет, — усмехнулся Петрович, — Схожие опыты проводили и американские

психологи. Одному внушали, что он Рембрандт, другому Роден, третьему Моцарт. Соответственно, те классно рисовали, лепили и сочиняли музыку, но удивительно не это, а то, что выйдя из гипнотического состояния они не могли делать всё то, что свободно делали под гипнозом!

— Ну и почему же они тогда всё это делали? — лениво задал я риторический вопрос, ответ на который был и так уже всем ясен, включая даже слегка тормозящего сегодня Михаила.

— Да по той же простой причине, про которую сказал и Виталий! — с горячей готовностью выпалил Петрович, с нетерпением ожидавший озвученного вопроса, — Да потому, что они и сами поверили в собственные возможности, а точнее, их заставили в это поверить!

Отступление, в котором один нижестоящий начальник отчитывается перед одним вышестоящим

Начальнику научно-технической службы в
Службе федеральной безопасности России
генерал-полковнику Метизову А.А.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что в пятницу 23 октября 2020 года коллективное сознание (далее по тексту — эгрегор) членов группы специального назначения проекта 630, синтезированное под резонансным воздействием низкочастотных бинауральных биений по технологии Хемисинк и фазированное до стадии свержнушения, подчиняясь приказам инструктора Беликовой, осуществило контролируемое темпоральное перемещение.

Темпоральный перенос синтезированного эгрегора был зафиксирован как субъективными (на основании показаний членов группы специального назначения), так и объективными (на основании показаний различных датчиков) методами наблюдений.

Объективно, момент темпорального перехода отмечался в виде практически мгновенного и одновременного погружения всех членов группы специального назначения в коматозно-каталептическое состояние с отсутствием реакции на внешние раздражители, угасанием рефлексов до полного их исчезновения, резким снижением глубины и частоты дыхания, изменением сосудистого тонуса и почти полной остановки пульса.

Одновременно с этим, биоэлектронные датчики зарегистрировали исчезновение эгрегора, интерферометр Майкельсона отметил статистически существенное уменьшение скорости света в пределах внутреннего круга членов группы, а высокооборотный волчок Козырева зафиксировал такое же статистически существенное снижение его массы.

Субъективно, на всём протяжении сеанса внутреннее чувство единения и, соответственно, эгрегор членов группы не пропал ни на один момент наблюдаемого периода, в то время как все ощущения органов чувств и самой личности целевого реципиента описываются членами группы как исключительно реалистичные.

Старший учёный консультант и куратор проекта 630, доктор социологических наук, профессор, подполковник Тарасов В.М. — (подпись неразборчива) 11 сентября 2020 года

Больше книг на сайте - Knigoed.net